



ISSN 0134—241X

уральский <sup>С</sup> 1992 11  
С Л Е Д О П Ы Т

Елена Бакшутова

## ЦВЕТЫ МОЕГО ЛЕТА

Сколько раз, проезжая мимо Ботанического сада<sup>1</sup>, я мечтала хоть одним глазком взглянуть на загадочный мир, скрытый под стеклянными колпаками оранжерей. Как хотелось мне попасть в тишину тропического лета среди долгой уральской зимы. А мечта взяла и сбылась. Правда, в оранжерее я не попала, зато целый месяц провела среди прекрасных цветов.

В летние школьные каникулы я устроилась работать на коллекционный участок травянистых многолетников открытого грунта. Такое вот длинное «ученое» название. Возглавляет участок Зоя Дмитриевна Зайцева — интродуктор. Она и те, кто трудится вместе с ней, помогают акклиматизироваться растениям других территорий, выводят новые сорта многолетников, знакомят желающих с уральской флорой и растениями других регионов.

Каждый день отворяла калитку и оказывалась в мире буйного цвета. В жизни не видела столько цветущих растений сразу, такого обилия красок и запахов! Память о цветах моего лета будет долго-долго жить во мне, греть меня, успокаивать... И не раз еще захочется вновь испытать то, что ощущает цветок в жаркий день, когда теплые струи воды поят сухую землю.

Будет вспоминаться ухоженная земля делянок, рыхлая которую, медленно проползают разноцветные дождевые черви, пробегают жучки и многоножки, земля, из которой растет каждая травинка и от которой пошло все сущее. Нет, никакая зима не вытравит из меня эту память. А всем, кто живет вокруг меня, я хочу подарить частичку своего лета, его цветы.

<sup>1</sup> Ботанический сад Екатеринбурга основан в 1936 году обществом изучения Урала, академиками В. Л. Комаровым, Б. А. Келлером и др.

Слайды автора



Учредители —  
Союз писателей России,  
Ассоциация советских  
книгоиздателей,  
трудова́й коллектив журнала  
Издатель —  
Средне-Уральское  
книжное издательство

Редакционная коллегия:  
Станислав МЕШАВКИН  
(главный редактор),  
Виктор АСТАФЬЕВ,  
Виталий БУГРОВ,  
Юний ГОРБУНОВ,  
Герман ИВАНОВ  
(заместитель главного редактора),  
Сергей КАЗАНЦЕВ  
(ответственный секретарь),  
Владислав КРАПИВИН,  
Юрий КУРОЧКИН,  
Николай НИКОНОВ,  
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,  
Борис СТРУГАЦКИЙ,  
Юрий ШИНКАРЕНКО,  
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор  
Дмитрий ЛИТВИНОВ  
Технический редактор  
Людмила БУДРИНА  
Корректор  
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:  
620219, г. Екатеринбург,  
ГСП-353, ул. Декабристов, 67  
Телефоны отделов:  
22-36-62 (фантастики),  
22-45-01 (краеведения, секретариат),  
22-10-74 (писем, науки и техники),  
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,  
молодежных проблем).

Рукописи принимаются перепечатанными  
на машинке через 2 интервала,  
60 знаков в строке,  
28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки  
обращаться в районные отделения  
«Союзпечати».  
Бракованные экземпляры  
отправлять в типографию издательства  
«Уральский рабочий»

Сдано в набор 25.09.92.  
Подписано к печати 10.11.92.  
Формат бумаги 84×108 1/16.  
Бумага типографская № 2.  
Высокая печать.  
Усл. печ. л. 6,72.  
Уч.-изд. л. 11,0.  
Усл. кр.-отт. 8,40.  
Тираж 109 150.  
С — 46.  
Заказ 442.  
Типография издательско-полиграфического  
предприятия «Уральский рабочий»  
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

На 1-й и 4-й стр. обложки: Чукотка.  
Слайды Олега Капорейко.

2

ДВЕ ИЗ ДВУХ ТЫСЯЧ

Продолжаем родниоведческий поиск «Пав-  
ленковская библиотека».

А. Трофимов

3

«ДУХОВНЫЙ ЧЕРНОБЫЛЬ»

Российские библиотеки призывают к спасе-  
нию!

Ю. Горбунов

4

ДВИНСКИЕ ГАСТРОЛИ ПЕВИЦЫ

Дружба С. Есенина, Н. Клюева и На-  
дежды Плевицкой.

Э. Мекш

5

АЛЬБОМ ИЗ БУЛАТА

«...сделан с большим вкусом из дамас-  
ской стали различных сортов».

Н. Косиков

6

ДЕФИЦИТНЫЕ НЕВЕСТЫ

«Служилые люди... закладывали жен своих  
товарищам...»

М. Сорокин

7

СКАЗ ПРО АЛМАЗ

С. Ахметов

11

РОБИНЗОН В РУССКОМ ЛЕСУ.

Повесть. Продолжение

О. Качулкова

27

ЖЕЛТЫЙ КОЛОКОЛ.

Фантастическая повесть. Окончание.

А. Больных

38

НЕХОРОШИЙ СЕГОДНЯ ТУМАН.

Фантастический рассказ.

И. Михайлов

39

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

41

ОДНА ЛОШАДИНАЯ СИЛА.

Рассказ

В. Акимов

46

ЗАДОЛГО ДО КОЛУМБА

Кто открыл Америку — викинги? афри-  
канцы? японцы? сибиряки?

В. Степанов

50

СУНДУКИ ИЗ НЕВЬЯНСКА

Народные ремесла прежде были в че-  
сти...

А. Дмитриев

52

КОЕ-ЧТО ПОЛУЧШЕ

Документальная повесть о рок-музыкантах  
и фанатах.

А. Застырец

62

НЕПОЗНАННОЕ ВОКРУГ НАС

На вопросы читателей отвечает директор  
«ЭКО Энроф»

Г. С. Федорова

62

МИР НА ЛАДОНИ

63

КЕЛЕ — ЧУДОВИЩЕ, ДУХ,

ЧЕЛОВЕК?..

«Снежный человек» в дальневосточной тай-  
ге?

Н. Семченко

64

ГОРДИЕВЫ УЗЛЫ

Изобретатель представляет новые, надеж-  
ные узлы.

В. Голдобин

уральский 1992 II  
СЛЕДОПЫТ

Осенью 1900 года в Красноуфимске проходило очередное уездное земское собрание. На нем управа делала доклад об открытии народных библиотек на средства, завещанные Ф. Ф. Павленковым.

«Душеприказчик по делам умершего Флорентия Федоровича Павленкова — Яковенко сообщил управе, что книгоиздатель Ф. Ф. Павленков завещал сто тысяч рублей на открытие 2000 народных библиотек в наиболее бедных и глухих селениях, считая по 50 рублей на каждую библиотеку...»

Душеприказчики Павленкова считали, что для открытия библиотек

требность в народной библиотеке. «Некоторые из училищ, — объясняет управа, — например, Утинское, Усть-Машское и Тебеняковское, располагаются в районе черемисского населения, которое, как известно, находится на очень низкой ступени развития. И в то же время черемисские мальчики охотно поступают в школу...»

Уездное земское собрание согласилось с мнением управы и ассигновало в добавление к капиталу Павленкова по 50 рублей на библиотеку, а всего — 500 рублей.

А теперь обратимся к двум населенным пунктам из названных урвавой — Большой Ут и Карги, что рас-

шу давалось 377 рублей и еще 35 — из других источников.

В Каргинском учителем А. В. Мичков обучал тридцать семь мальчиков и восемнадцать девочек. Ассигнования училищу составляли 508 рублей.

Из доклада управы в сентябре 1903 года узнаем, что все десять библиотек открыты. Для каждой куплено книг на 100 с небольшим рублей. Много это или мало? Судите сами.

В октябре 1902 года средняя цена пуда ржи в Красноуфимском уезде была 57 копеек и в течение зимы повышалась до шестидесяти. В целом по Пермской губернии за

Александр ТРОФИМОВ

## ДВЕ ИЗ ДВУХ

нужно выработать общий план с уездными земствами.

«Покойный Ф. Ф. Павленков, — читаем далее, — не думал, конечно, что этих средств достаточно для устройства библиотеки, могущей удовлетворить запросы населения даже глухих местностей; он желал положить начало и вызвать местные учреждения и силы к дальнейшей деятельности...»

С библиотеками в здешнем земстве установился такой порядок. Они открывались при народных училищах и назывались училищно-народными. Таким образом устанавливалась связь между школой и обществом, упрощалась исходатайствование разрешения на открытие библиотек, сокращались расходы на наем помещения и содержание заведующих, которыми становились учителя. К осени 1900 года народные библиотеки имелись при пяти училищах, причем в Березовском книги приобретены на средства пожертвованные попечителем школы И. П. Чусовым.

С увеличением числа школ и с распространением грамотности возрасла и потребность в библиотеках, которые как бы дополняли начальную школу и служили средством для распространения внешкольного образования. Таким образом, считала управа, завещание Павленкова отвечает вполне назревшей потребности, не получившей еще в здешнем уезде достаточного удовлетворения.

Инспектор народных училищ Красноуфимского уезда наметил открыть библиотеки при следующих 10 училищах: Средне-Арганчинском, Сухановском, Утинском, Алмазском, Петропавловском, Шнипицком, Кленовском, Усть-Машском, Тебеняковском и Каргинском. В этих глухих местностях сильнее ощущалась по-

положены ныне в Ачитском районе Свердловской области.

От уездного города Красноуфимска они находились на расстоянии сорока шести и тридцати верст. А от становой квартиры (стан — с 1837 года полицейская территориальная единица в уезде), что находилась в Аците, лежашем на Сибирском тракте, — в двадцати пяти и тридцати верстах.

Название Ут произошло от татарского слова «Ута», что значит «гарь». Прежде по тем местам пролегла дорога в Сылву и Екатеринбург, и здесь была станция. В пору царствования Екатерины II (1762—1796 годы) основан поселок.

О Каргинском говорится, что селение возникло на месте бывшей татарской деревни Карги на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков, и первые русские поселенцы жили здесь вместе с татарами.

В 1888—1891 годах в Красноуфимском уезде проводилась подворная опись. Сосчитали практически все: сколько волостей, селений в уезде, жителей, хозяйств, земли, домашнего скота... Утинское и Каргинское были тогда центрами волостей. В Уту насчитывалось 880 человек. Число учащихся и грамотных к общему числу жителей составляло всего шесть процентов, т. е. где-то пятьдесят три человека на село. В Каргах проживало 523 человека, а процент грамотности составлял 25,2.

А как же насчет черемисского населения? В документах земства значится, что в Утинской волости в 1912 году инородческое население составляло более одной четверти. В здешнем смешанном училище на 1894 год обучалось 42 мальчика и двенадцать девочек. Учителем воевал М. А. Харин. От земства учили-

1907—1911 годы пуд ржи стоил от шестидесяти до 92 копеек. Выходит, что книги одной павленковской библиотеки соответствовали стоимости чуть больше ста восьмидесяти пудов ржи, т. е. почти тридцати центнеров.

На том же земском собрании управа довела до сведения гласных ходатайство крестьянина Юдина о возмещении убытков, понесенных им от переплета книг для Павленковских библиотек. Суть дела вот в чем.

Юдин подрядился переплести 3792 экземпляра книг за сто двадцать рублей. Однако на материал и наем помощника он израсходовал 118 рублей 20 копеек. Выходит, что за работу ему в течение пяти месяцев от подрядной суммы осталось всего лишь один рубль 80 копеек. Будучи обременен многочисленным семейством и не располагая какими-либо средствами, Юдин ходатайствует о выдаче ему дополнительно за переплет книг 30 рублей. Но собрание отклонило ходатайство на том основании, что переплет книг был взят им с торгов, а средства, ассигнованные земством на библиотеку, все израсходованы.

Деньги, деньги... Все же библиотечное дело в Красноуфимском уезде расширяется. Только на пополнение школьных библиотек книгами по медицине и гигиене в 1904 году израсходовано 150 рублей.

Земское собрание 1905 года обратило внимание на бедственное положение, в котором находятся училищно-народные библиотеки. Отмечено однако, что сравнительно неплохо выглядят читальни имени Павленкова, потому что они открыты всего три года тому назад.

В 1909 году уездная управа предлагает выплачивать по два руб-

ля в месяц, т. е. по 24 рубля в год, учителям за заведывание народными библиотеками-читальнями и исполнение обязанностей библиотекаря. По всем 21 библиотекам уезда это составило 984 рубля.

К сентябрю 1912 года в Красноуфимском уезде действует уже 55 народных библиотек. Их книжный инвентарь состоит преимущественно из дешевых народных книжек. Стоимость их колеблется от 65 до 350 рублей.

Очередное земское собрание 1913 года обсудило предложенную управой систему библиотечной сети. «Библиотечное дело,— говорилось

Минул еще год. В 1915-м земских библиотек в Красноуфимском уезде стало 49, открылось еще две районных.

Книг в библиотеках теперь 36263 тома стоимостью 2301 рубль 72 коп. Число читателей увеличилось до 7202. При всех библиотеках, кроме пришкольных, открыты читальни.

Библиотек имени Павленкова десять, но вместо Средне-Арганчинской внесена Березовская.

В Утинской библиотеке книг стало 714, а читателей — 82. В Каргинской книг 472 на 194 рубля, читателей — 36. Этим годом «Журналы» Красноуфимского уездного земства заканчиваются.

Со дня открытия у нас библиотек имени Ф. Ф. Павленкова минуло более девяноста лет. Библиотеки в селах Большой Ут и Карги, что ныне в Ачитском районе, продолжают жить.

Число жителей в Каргах по сравнению с тем временем увеличилось и составило на первое января 1992-го года — 873 человека, а вот в селе Большой Ут сократилось до 670 человек.

Читателей в Большом Уту сейчас пятьсот с лишним, в Каргах — около семисот. Книжный фонд соответственно: десять и четырнадцать тысяч. В год выдается более чем по 10 тысяч книг.

Со стенда в библиотеке Большого Ута смотрит на читателей русский просветитель Флорентий Федорович Павленков. Стенд оформила библиотечка Фаина Тимерхановна Сычева в 1983 году.

Она заинтересовалась историей библиотеки. Встретилась с одним из ее старейших читателей Михаилом Митрофановичем Дружининым. Он был земледельцем, после революции председательствовал в колхозе и сельском Совете. В 1937-м стал «врагом народа» и десять лет провел в заключении... Я его в живых уже не застал, беседовал с сыном Григорием Михайловичем.

Другой старожил села Геннадий Иванович Ташкинов назвал в числе первых читателей своего отца Ивана Петровича и дядей Тимофея и Якова Петровичей. Все они родились в Уту в конце XIX века, закончили по четыре класса в местном земском училище. Особенно пристрастился к чтению Тимофей Петрович, у него была даже своя библиотека.

Мои собеседники вспоминают имена библиотечкарей: Ивана Федоровича Озорнина, вернувшегося с Великой Отечественной с тяжелым ранением, Федора Васильевича Мальгина и Василия Моисеевича Павлова.

Старушка Мария Васильевна Мартыненко рассказала об утинском избаче Данииле Григорьевиче Мерз-

лякове, который потом долгое время был директором Ачитской МТС. Даниил Григорьевич был организатором молодежных компаний, громких читок, драмкружка...

Тринадцатый год библиотекарем в Каргах работает Зоя Григорьевна Колесникова. Она вспомнила из рассказов старожилов, что избой-читальней заведовали Александра Меньшикова и Маргарита Степановна Шистерова.

Краеведческий поиск по библиотекам Павленкова продолжается.

## «ДУХОВНЫЙ ЧЕРНОБЫЛЬ»

Небывалая со времени средневековых кострищ опасность нависла над библиотеками, особенно массовыми, особенно сельскими.

В Челябинске, как сообщила газета «Комсомольская правда», хулиганы от политики варварски расправились с библиотекой тракторного завода. «Идеологически вредные» книги рвали и жгли. В костер летели произведения Горького, Фадеева...

Самая приблизительная, самая бессистемная статистика<sup>1</sup> свидетельствует: в стране закрыто уже несколько сотен профсоюзных библиотек, их фонды распродают и расхищают... Закрываются или находятся под угрозой закрытия и многие библиотеки министерства культуры... На 16,5 млн. экземпляров сократились поставки книг библиотечным коллекторам России... В 1991 году потребность российских библиотек в книгах удовлетворена на 25 процентов... Не выполняются обязательства по выпуску «Библиотечной серии»: в 1990 году не увидели света 53 книги общим тиражом свыше 7 млн. экземпляров... Отток читателей из массовых библиотек составляет ежегодно (за последние пять лет) 2—3 миллиона...

«Духовным Чернобылем» назвал академик Д. С. Лихачев пожар в Библиотеке Академии наук СССР. «Духовный Чернобыль» поразил ныне всю библиотечную сеть страны.

Правительство расписалось в бессилии оградить от так называемого рынка «красный крест» нашей культуры. Остается взывать к общественности, к людям доброй воли, ко всем, кому дороги судьбы нашей духовности и культуры: кто может и чем может — помогите библиотекам в тяжелое для них время.

Ю. ГОРБУНОВ.

# ТЫСЯЧ

в докладе,— должно быть связующим звеном между школой и общественно-хозяйственной жизнью населения...» Школьных селений в уезде при введении всеобщего начального обучения будет 255. Столько должно быть и библиотек. Они делятся на две категории: самостоятельные библиотеки: районные, сельские и Павленковские; и вспомогательные — отделения районных библиотек и пришкольные. Самостоятельных библиотек в уезде тридцать четыре.

А Павленковских по-прежнему десять. Ежегодное содержание каждой из них составляет сто двадцать рублей. В них 6568 томов общей стоимостью 2251 рубль 13 копеек. Наиболее читаемые авторы — Л. Н. Толстой, Короленко, Гоголь и Мамин-Сибиряк.

А как же обстоит дело в Утинском и Каргах? Есть подробная статистика на 1914 год. В Утинском читающего мужского населения — 177 человек, а женского — 56. Взрослых читателей — 78, подростков от 14 до 17 лет — 25 и детей — 130.

По одной книге взяли в библиотеке пять читателей, от двух до четырех — десять, по пять — семь книг прочитали восемнадцать человек. Больше всего читателей — 101 — одолели восемь — десять книг. А по одиннадцать и более сумели прочитать тридцать семь утинцев. Наибольшим спросом пользовались беллетристика, книги по природоведению, сельскому хозяйству, географии. Заведовал библиотечкой учитель Иван Стефанович Трубников, получая за это 60 рублей в год.

В каргинской библиотеке в это же время имеется 467 томов на 163 рубля 40 копеек. Обе помещаются в квартире библиотекаря, читальни не имеют и содержатся бесплатно.

<sup>1</sup> См. «Книжное дело», 1992, № 2, с. 48—50.

# Двинские гастроли певицы

Эдуард МЕКШ

В 1916 году знаменитая эсградная певица Надежда Плевницкая приехала в Двинск (ныне г. Даугавпилс в Латвии). Приехала не одна, а с поэтом Николаем Клюевым.

Надежда Васильевна Плевницкая (урожденная Винникова, 1884—1941) — удивительное меццо-сопрано — приводила в восторг не только безвестных любителей народной песни, но и императорский двор. Ее талантом восхищались профессиональные певцы и композиторы: Ф. Шаляпин, Л. Собинов, С. Рахманинов. Исполняла Плевницкая, в основном, песни литературного происхождения, популярные и до сих пор: «Из-за острова на стрежень» Д. Садовникова, «Помню, я еще молодухой была» Е. Гребенки, «Шумел, горел пожар московский» Н. Соколова. Особенно любила песню на слова И. Никитина «Ехал из ярмарки ухарь-купец». Граммофонные пластинки с записями этих песен распространялись в тысячах экземпляров и звучали в самых отдаленных городах и весях России. Пели их и жители Двинска, в котором и тогда преобладало русское население.

Почитателем таланта Плевницкой был и поэт-крестьянин (так называли его в столичных литературных кругах) Николай Алексеевич Клюев (1884—1937). К этому времени у него вышли три книги: «Сосен перезвон», «Братские песни», «Лесные были». В самом конце 1915-го — еще один сборник стихов «Мирские думы». Первое стихотворение раздела «Песни из Заонежья» посвящено Плевницкой.

*Ах, вы цветики, цветы лазоревы,  
Алоцветней вы красной зорюшки,  
Скоротечней вы быстрой  
реченьки!*

*Как на вас, цветы,  
Лют мороз падет,  
На муравушку белый утренник, —  
Сгубит зябелъ цвет,  
корень выстудит! —*

так начиналось оно.

А познакомились они, судя по воспоминаниям певицы, «на второй неделе поста» 1916 года в Михайловском театре на концерте в пользу семей погибших воинов. Эти воспоминания, написанные во Франции, живо воспроизводят психологический облик Клюева, его нежную дружбу с молодым поэтом Сергеем Есениным, автором тогда еще первого сборника стихов «Радуница».



«...Тихой, вкрадчивой поступью вошел ко мне за кулисы и поэт-крестьянин Н. Клюев.

Мне говорили, что Клюев притворяется, что он хитрит. Но как может человек притворяться до того, чтобы плакать.

Я пригласила его к себе, и Н. Клюев бывал у меня.

Он нуждался и жил вместе с Сергеем Есениным, о котором всегда

говорил с большой нежностью, называя его «златокудрым юношей», талант Есенина он почитал высоко.

Однажды он привел ко мне «златокудрого». Оба поэта были в поддевках. Есенин обличьем был настоящий деревенский щеголь, и в его стихах, которые он читал, чувствовалось подражание Клюеву.

Сначала Есенин стеснялся, как девушка, а потом осмелел и за обедом стал трунить над Клюевым. Тот ежился и, втягивая голову в плечи, опускал глаза и разглядывал пальцы, на которых вместо ногтей были поперечные, синеватые полоски.

— Ах, Серезенька, еретик, — говорил он тишайшим голосом.

Что-то затаенное и хлыстовское было в нем, но был он умен и беседой не утомлял, а увлекал, и сам до того увлекался, что плакал и по-детски вытирая глаза радужным фуляровым платочком.

Он всегда носил этот единственный платочек.

Также и рубаха синяя, набойная, всегда была на нем одна. Я ему подарила сапоги новые, а то он так и ходил бы в кривых голенищах, на стоптаных каблукках.

Очевидно, во время посещения Клюевым Плевницкой и возникла мысль о совместном выступлении, тем более, что у Клюева к времени их знакомства накопилось много стихотворений, написанных в народной песенной традиции.

*Вы, белила-румяна мои,  
Дорогие, новокупленные,  
На меду-вине развоженные,  
На бело лице положенные...*

Концертное турне 1916 года обещало быть большим. Первым в списке городов значился Двинск, кото-



С. Есенин и Н. Клюев

рый манил певцу возможностью встретиться с мужем-фронтовиком, служившим в Двинской крепости. Московская газета «Новости сезона» от 19 апреля в рубрике «Хроника» сообщила своим читателям, что «дирекцией В. Н. Афанасьева устраивается большая поездка Н. В. Плевицкой. Концерты состоятся в Двинске, Витебске, Минске, Могилеве, Гомеле, Киеве, Орле, Тамбове, Пензе, Сызрани, Уфе, Оренбурге и Ташкенте».

О том, что творилось в эту пору в Двинске, можно судить по воспоминаниям одного из устроителей ее гастрольной поездки И. Шнейдера. В книге «Записки старого москвича» он так описывает свои впечатления от фронтового города: «Я вышел из вагона в Двинске в редкую и тре-

вожную для города минуту: одинокий немецкий самолет бомбил вокзальные пути, на которых стоял воинский эшелон кавалерийского полка... Я пошел в город. Он был оглушительно пуст. Двери домов были настежь распахнуты».

По мере приближения к городу фронта жители эвакуировались из из него, но комендант крепости, как пишет Шнейдер, «обрадовался возможности организации концерта Плевицкой». Однако в связи с внезапным наступлением немцев концерт решено было отложить. Плевицкая, презрев опасности, все же выехала в Двинск. Однако было ей не до концерта: она узнала о смертельном ранении мужа, а затем нашла и его могилу, скорее всего, это было гарнизонное кладбище за крепостью,

где хоронили офицерский состав.

А концерт в Двинске состоялся позже, во время второго посещения Плевицкой города. Об этом узнаем в хронике петроградской газеты «Обозрение театров» от 11 ноября 1916 года: «Н. В. Плевицкая и народный поэт Николай Клюев повторяют свою прошлогоднюю поездку по Средней России. Намечено двадцать городов. Первый концерт в Двинске прошел с большим успехом. Программа, начинающаяся неизменно вступительным словом Н. Клюева, составлена из песен и стихотворений исключительно народного характера...»

Н а с н и м к а х: Н. В. Плевицкая, С. Есенин и Н. Клюев.

г. Даугавпилс

# Альбом из булата

Николай КОСИКОВ

Когда-то его подарили Главному начальнику горных заводов Урала И. П. Иванову, многие годы альбом был семейной реликвией. Массивные крышки обтянуты черной тисненой кожей. На передней в центре — гравюра, изображающая западный склон Александровской сопки — одной из вершин хребта Уралтау, на которую летом 1837 года поднимался наследник русского престола, будущий Александр II, и которая с тех пор носит его имя. пейзаж выполнен на металле многократным травлением с последующей позолотой.

Центральную гравюру обрамляют восемь небольших прямоугольных пластинок, тоже украшенных травлением, позолотой, насечкой золотом и серебром на густом черном фоне.

В середине верхней пластины стоит золотая римская буква «L», означающая число 50, а под ней дата — 1845 г. Слева от изображения Александровской сопки еще одна дата — 31 мая 1895 г. Обе они — из биографии И. П. Иванова.

Родился он в 1825 году в Вологодской губернии, в 45-м окончил Петербургский горный институт, тогда же началась его трудовая деятельность, а 31 мая 1895 года исполнилось полвека службы на заводах. Вот в связи с этим юбилеем и был преподнесен дорогой подарок от сослуживцев по Златоустовскому горному округу, где в 1847 году молодой инженер начал уральскую карье-

ру. Судьба благоволила ему: Иванов получил назначение на высокий пост Главного начальника горных заводов хребта Уральского и руководил промышленностью огромного региона до 1896 года. Умер в 1905-м.

Чествовали юбиляра в Екатеринбурге — тогдашней столице Урала. «Екатеринбургская неделя» посвятила событию специальный репортаж, в котором говорилось: «...Вслед за другими был прочитан адрес и поднесен... альбом от служащих Златоустовского округа... Альбом сделан с большим вкусом из дамасской стали различных сортов». И так, еще одно важное дополнение: для оформления крышки использовался булат.

В альбоме 25 листов, на которых размещены около 300 фотографий, в том числе 215 портретов. Многие из высокопоставленных лиц забыты историей, другие заслужили уважение и остались в памяти народа. В их числе П. П. Аносов, металлург и ученый, раскрывший тайну булата; П. М. Обухов, отливший в Златоусте первые русские стальные пушки; А. А. Иосса, горный деятель, металлург, один из зачинателей бессемеровского способа получения стали в России. Здесь же молодой А. П. Карпинский, трудовой путь которого начинался в Златоусте; И. И. Редикорцев, открывший на Южном Урале месторождения каменного угля, и многие другие.

Кто же творцы альбома? Вот имена главных: А. И. Королев, один из ведущих граверов Златоустовской оружейной фабрики; В. Н. Костромин, отменный мастер насечки и ажурных работ; Я. П. Коновалов, гравер, талантливый рисовальщик. Кто делал фотографии — установить пока не удалось.

А как же альбом попал в Златоуст?

В конце 1920-х годов родственники И. П. Иванова предложили свердловскому музею купить альбом, но по каким-то причинам соглашение не было достигнуто. Тогда златоустовские краеведы во главе с энергичным директором окружного музея М. Ф. Шестопаловым приобрели альбом для своего музея. Можно предположить, что в сегодняшнем Екатеринбурге живут потомки И. П. Иванова и могут помочь полнее восстановить историю альбома.

г. Златоуст

# Дефицитные невесты

Михаил СОРОКИН

На ранних этапах освоения Сибири тяжело приходилось служилому люду. Казаки, стрельцы ставили города, собирали ясак и доставляли его в Москву, «проведеввали новые земли», оберегали русские уезды от нападения многочисленных врагов. Мирно хозяйствовать служилым людем было некогда.

Не в лучших условиях находились и «вольноприходцы». Ведь добирались они сюда за тысячи верст. Какое-то время даже питаться приходилось «божьим именем, скитаясь промеж двор».

На ссыльных тоже была плохая надежда. Битье кнутом, утомительная, дальняя дорога отбирали последние силы. Люди в большинстве случаев одинокие, они не столько заботились о том, как освоиться в этом суровом крае, сколько искали случая, чтобы быстрее его покинуть и возвратиться в родные места.

Удержать в Сибири первопроходцев можно было только одним — помочь им как можно скорее создать крепкую семью.

Антон Павлович Чехов по пути на остров Сахалин снял прелюбопытную копию с одного документа: «Просим покорнейше Ваше благородие, — писали тамошние мужики, — отпустить нам рогатого скота для млекопитания и женского поля для устройства внутреннего хозяйства».

Однако обзавестись семьей в условиях Сибири было нелегко. Ссылному в особенности. Среди первопоселенцев мужская часть численно преобладала над женской. Сибиряки весьма неохотно выдавали дочерей своих за ссыльных. Тем более, что невест не хватало даже людям служилым и торговым, духовенству и чиновникам.

Кузнецкий воевода Афанасий Зубов докладывал в Москву: «Ссылные люди... многие холостые, а велею их в Кузнецком остроге устроить на пашню, и за тех ссыльных людей старые томские крестьяне дочерей своих и племянниц не дают, а выдают тех дочерей за казачьих детей и за племянников, и за братию».

Где взять невест? Над этим вопросом приходилось ломать голову всем: и переселенцам, и, конечно же, администрации.

Тот же воевода Афанасий Зубов, к примеру, за отказ отдавать дочерей за ссыльных приказал с крестьян «имать в государеву казну пеню

большую, по пяти рублей и более». А рубль в XVII веке был еще в цене.

Как же Москва отреагировала на решение воеводы? Думаете, одернули? Ничего подобного. Наоборот. «Как из Москвы эта грамота придет, — говорилось в полученном предписании, — ты б кузнецким старым пашенным крестьянам велел дочерей своих и племянниц выдавать замуж за ссыльных холостых людей, за пашенных крестьян, чтоб тем тех ссыльных холостых людей от побегу унять, а буде выдавать замуж не учнут, имать на них пеню большую».

Остроту проблемы пытались сгладить старорусские районы. Дважды в течение одного только десятилетия (в 1630 и в 1637 годах) снаряжали отряды девиц в «жонки» русским служилым людям Великий Устюг со своими соседями — Тотмой и Соль-Вычегодском.

Принимало правительство и другие меры. «Женщин, — читаем мы в одном из указов Павла I, опубликованном в журнале «Русская старина» за 1916 год, — обращающихся в пьянстве, непотребстве и распутной жизни, какие есть и впредь оказываться будут в столицах, отсылать в Сибирь».

Получалось, что непригодные для столиц, эти «дамы» в Сибири сходили, что называется, за первый сорт.

Нетрудно догадаться, какое влияние на нравственный климат сибирского общества оказывали эти люди. «Мы еще спрашиваем нравственность с Сибири, — замечает Валентин Распутин, — куда вместе с казаками и в путь за казаками кинулась самая разбитная вольноохочая публика, не признававшая ни бога и ни дьявола».

Строго прозвучал в 1622 году голос патриарха Филарета в послании здешнему архиепископу Киприану: «Ведомо нам учинилось, что в сибирских городах многие служилые люди живут... по своим скверным похотям... Которые де сибирские служилые люди приезжают к Москве с государевою соболиною казною, те служилые люди подговаривают их многих женок и девок и привозят их в сибирские города и держат их за жен вместо... и иные всякие дела делают, чего не токмо писати, слышати жалостно и Богу мерзко».

Исследователь народного быта профессор Костомаров так расшифровал негодование Филарета: «Служилые люди, отправляясь в отдален-

ные места, закладывали жен своих товарищам, предоставляя им право иметь с ними сожителство... Если же муж не выкупил жены в означенный срок, займодавец продавал ее для блуду кому-нибудь другому, другой третьему, и так женщина переходила из рук в руки. Другие, не женясь, находились в блудном сожителстве с родными сестрами и даже с матерями и дочерьми».

Широкое распространение в Сибири получила торговля женщинами. Причем не только на начальных этапах освоения Сибири, но и позднее, в более просвещенном XVIII веке, когда жизнь более или менее стала налаживаться. В таможенных торговых книгах довольно часто встречались записи такого рода: «Взято с татарина Елусанова за купленную им остячку восемь алтын и две деньги пошлины». Цена по тем временам солидная — дороже лошади или быка.

В 1742 году в ведомстве Верхотомского острога некто Краснояр, разъезжавший по торговым делам, однажды возвратился домой, в острог, без жены. Выяснилось, что он продал ее в деревне Усовой.

Далеко не все дела о продаже женщин заканчивались судом. Но кое-что отложилось в документах судопроизводства. В 1779 году рассматривалось дело священника Удинцова, повенчавшего жену томского казака Щелканова Прасковью от живого мужа с крестьянином Василием Манакowym. Удалось установить, что фактически состоялась обычная торговая сделка: за пять рублей и коня казак «уступил» свою жену крестьянину.

А сколько встречалось примеров насильственного венчания! Поехала однажды девица с теткой из Сузунского завода в гости в соседнюю деревню, привязались дорогой парни, выкинули тетку из саней, схватили девушку и помчали в село Иткульское. Здесь, несмотря на сопротивление «невесты», брак повенчал священник Понниковский.

«Знаем случай, — сообщает проф. Д. Н. Беликов, — когда насильственно брачную невесту нужно было держать за руки и за голову, чтоб не сбросила венец».

Подобными «богомерзкими» делами и возмущался на заре освоения Сибири патриарх Филарет.

г. Кемерово



## Перст Аллаха

СКАЗ  
ПРО  
АЛМАЗ

Древняя индийская мудрость воплощена во многих книгах, в том числе в «Махабхарате» и «Рамаяне». Написаны они около двух тысяч лет назад на санскрите, языке давно уже мертвом. Оба эпоса содержат почти полмиллиона строк, поэтому не каждому дано прочитать их от доски до доски. Автором «Махабхараты» принято считать легендарного поэта Вьясу, «Рамаяна» же традиционно приписывается не менее легендарному Вальмики. На русский язык древние двустихия частично перевели С. Липкин и В. Потапова.

Обе поэмы полны описаниями битв между людьми и богами. Из их великого множества выберем два эпизода. Один изложен в «Махабхарате»:

*Сын Кунти от смеха врага стал жесточе  
И, зная, где жизни его средоточье,*

*Как Индра, сражавшийся с демоном Балой,  
Пустил в него стрелы с их мощью двужалой.*

Стрела, не знающая промаха, детально описана в «Рамаяне»:

*Стрела златоперая все вещества и начала  
Впитала в себя и немислимый блеск излучала.*

*В ее острие были пламя и солнца горенье,  
И ветром наполнил создатель ее оперенье.*

*Как твердый алмаз была Индры стрела громовая,  
Чей путь преградить не смогла бы скала вековая.*

Не будем разбираться во всех именах и реалиях, упомянутых в этих строках. Нас интересует только Индра, Вала, громовая стрела (то есть молния, на санскрите — «ваджра»), гора или скала, а также алмаз (на санскрите — опять же «ваджра»).

Итак, кто такой Индра, имя которого можно перевести на русский язык двояко: «побеждающий» или «капающий»? Это владыка небесного рая, предводитель тридцати трех богов, повелитель гроз и ливий. Живет он в блистательном дворце, который собственноручно выстроил на третьем небе. Луком ему служит семицветная радуга, а стрелой — ваджра-молния, которая, поразив цель, возвращается в колчан. Как видно, Индра является добрым богом, подобным русскому Илье-пророку. Оба они способствуют своевременному дождеванию посевов.

Против Индры выступал злой демон Вала («Сила» — так переводится его имя), хтоническое<sup>1</sup> чудовище, скывающее воды. Он ненавидит богов и людей, насыпает на землю засуху. Естественно, Индра и Вала не могли разойтись мирно. Поединок длился недолго: ваджра-молния, пущенная из туго натянутой радуги, поразила демона в сердце. Вала окаменел, превратился в огромную скалу. Затем рухнул наземь и рассыпался на мелкие кусочки. И что любопытно — каждый такой кусочек был чистейшим алмазом-ваджрой.

Индусы разделяют все алмазы на четыре сорта. Самые ценные камни называются брахманами. Они блестят, как жемчужная раковина, или как горный хрусталь, или как луна, и происходят из головы убитого Вала. Руки демона стали источниками кшатриев — камней с красновато-коричневым цветом (как шерсть обезьяны). Чрево Вала превратилось в палево-желтые алмазы-вайшьи. Наконец шудры, самые низкосортные камни цвета отполированного клинка, находят там, где стояли ноги страшного божества.

Кстати говоря, герои «Махабхараты» и «Рамаяны» также подразделяются на четыре варны (цвета): брахманы — священнослужители; кшатрии — воины; вайшьи —

торговцы, ремесленники и земледельцы: шудры — наемные работники и рабы. Таким образом, между людьми и алмазами была установлена аналогия, что не может не свидетельствовать о важной роли алмазов в человеческом обществе уже в древнейшие времена.

Минуло тысячелетие, и в вопросе о происхождении алмазов люди продвинулись значительно дальше сказок и мифов. Средневековые ученые-алхимики считали, что алмаз согласно своей природе должен стать золотом. Однако воду, из которой образовался алмаз, высушило подземное тепло. В результате он сгустился и обнаружил клейкость ртути. Затем, благодаря крайней сухости, алмаз быстро уплотнился до состояния камня и в нем вдобавок появилась соленость (по-видимому, имеется в виду прозрачность кристаллов поваренной соли). Если бы алмаз отвердевал постепенно и медленно, то он непременно стал бы золотом — так считали алхимики.

Еще одно тысячелетие понадобилось для того, чтобы утвердиться в углеродной сущности алмаза. Первым это доказал А. Л. Лавуазье (1743—1794), который сжег кусочек алмаза в сконцентрированных солнечных лучах. При этом образовался углекислый газ, как и при сжигании банального угля.

Во время схватки с Индрой демон Вала стоял на берегу реки Кришны. Соответственно первые в мире и богатейшие месторождения алмазов сосредоточены именно здесь. Это россыпи и копи Голконды, Колура, Нандьяла и Тунгабхадра. Вот как описывает Марко Поло (1298) месторождения Голконды: «В этом царстве находят алмазы и, скажу вам, вот как, много тут гор, где находят, как вы услышите, алмазы. Пойдет дождь, вода и потечет ручьями по горам, да по большим пещерам, а как перестанет, и только что вода сойдет, идут люди искать алмазы в тех самых руслах, что вода понаделала, и много их находят. А летом, когда тут ни капли воды, много алмазов находят в горах; но жара тогда тут нестерпимая. В этих горах, скажу вам, больших да толстых змей великое множество, и ходят туда люди с опасностью, но если могут, так все-таки и находят там большие и крупные алмазы».

Отдадим должное венецианскому купцу: он с достаточной для того времени точностью описал россыпные и коренные месторождения алмаза. Однако дальше начинается несусветица, или сказка из «Тысячи и одной ночи»: «Люди делают вот что, берут они куски мяса и бросают их в глубокую долину: мясо попадает на множество алмазов, и они пристают к нему. В этих горах водятся множество белых орлов, что ловят змей, завидит орел мясо в глубокой долине, спускается туда, схватит его и потащит в другое место, а люди между тем пристально смотрят, куда орел полетел, и как только он усядется и станет

<sup>1</sup> Хтоническое — то есть связанное с подземными силами, которые владели миром еще до появления человека.

клевать мясо, начинают они кричать что есть мочи, а орёл боится, чтобы его невзначай не схватили, бросит мясо и улетит. Тут-то люди подбегают к мясу и находят в нем довольно-таки алмазов».

В заключение Марко Поло сообщает: «Нигде в свете, только в этом царстве водятся алмазы, их тут много, и все хорошие. Не думайте, чтобы лучшие алмазы шли в наши христианские страны, несут их к великому хану, к царям, князьям здешних стран и царств; у них большие богатства, они и скупают все дорогие камни». Именно поэтому найденный в копиях Голконды желтоватый удлинённый алмаз, ныне известный во всем мире как «Шах», сразу попал в руки правителя Голконды.

...Согласно правилу индийских мастеров алмаз высшего качества имеет вершины, грани, ребра в количестве 6, 8 и 12. Они должны быть острыми, ровными и прямолинейными. Другими словами, алмаз должен иметь кристаллографическую форму восьмигранника-октаэдра (по-арабски — «хаваи ал-мас»). Кроме того, камень должен быть брахманом, то есть абсолютно бесцветным и прозрачным. Желтоватый алмаз «Шах» относился к сорту вайшья, а форма его далека от идеальной. В связи с этим он не задержался в руках индусов и был продан правителю Ахмаднагара (султанат на западном побережье Индостана).

Султаном Ахмаднагара был мусульманин Бурхан Второй. Индийские суеверия по поводу алмазов его мало волновали. Зато громадный удлинённый алмаз — перст Аллаха! — поразил воображение. Кроме того, обширные плоские грани алмаза показались ему идеальными скрижалями истории, на которых следует увековечить свое имя. Большинство правителей скромностью не отличаются, Бурхан Второй тоже был тщеславен и даже присвоил титул Низам-Шаха, то есть «Владыки Порядка».

По-видимому, в придворной камнерезной и гранильной мастерской Бурхана работал талантливый, если не гениальный, мастер. Одним из первых на Востоке он научился гравировать надписи на алмазе. Мы знаем, что алмаз является самым твердым минералом на земле. Его нельзя ничем поцарапать<sup>2</sup>. Каким же образом безымянный мастер сделал надписи на грани октаэдра, самой твердой грани камня? Он догадался, что алмаз можно поцарапать только алмазом<sup>3</sup>. И вот мастер покрыл октаэдрическую грань тонким слоем воска, иглой нацарапал на нем нужные слова. Затем на кончик стальной или медной иглы, смоченной маслом, набирал алмазную пыль и без конца царапал по грани. В результате многодневного труда появилась первая надпись. В русской транскрипции арабский текст читается так: «Брхан сани Низам-Шах. 1000 снт». Точный перевод гласит: «Бурхан Второй Низам Шах. 1000 год». Поскольку мусульмане ведут летоисчисление со дня бегства пророка Мухаммада из Мекки в Медину (622 год), то время появления первой надписи датируется 1591 годом от рождения Христа. Другими словами, алмазу «Шах» исполнилось 400 лет.

При внимательном рассмотрении подлинной надписи никаких особых затей не видно. Разве что три точки выступают в двух ролях. Рядом с единичей они означают три нуля (то есть 1000), а вместе с процарапанными дужками образуют слово «санатун» — «год». Кроме того, в арабском письме краткие гласные не пишутся, поэтому в слове «Бурхан» нет буквы «у», а в слове «Низам» отсутствует буква «и». Слово же «санат» («год») вовсе оказа-

лось без гласных.

Алмаз «Шах» недолго украшая сокровищницу Бурхана Второго. На севере правил грозный сосед — шах Акбар из династии Великих Моголов<sup>4</sup>. Это был выдающийся государственный деятель, смелый и способный военачальник. Не зная грамоты, он ввел новую религию «дин-и иллахи» («божественную веру»), в которой эклектически смешал ислам, индуизм, парсизм и джайнизм. Себя он провозгласил главой новой веры, а границы своего государства расширил от Балха на севере до реки Годовари на юге. В 1595 году шах Акбар покорил Ахмаднагар и присвоил большую часть сокровищ Бурхана.

Так алмаз «Шах» стал династической регалией Великих Моголов. Более сорока лет он пролежал в сокровищнице, пока не попал на глаза внуку Акбара — Джихан-Шаху. «Повелитель Вселенной» (так переводится его имя) еще более возвеличил государство Великих Моголов. Он строил оросительные каналы в Пенджабе, вел гибкую политику с европейцами. Его жизнь была украшена любовью к красавице-жене Мумтаз-Махал. Когда она умерла, Джихан-Шах собрал лучших мастеров и повелел воздвигнуть в Агре мавзолей, равного которому не должно быть во вселенной. Так появился Тадж-Махал — одно из чудес света.

Самое любопытное заключается в том, что Джихан-Шах сочетал царственное величие с профессией мастера-гранильщика. Многие часы он проводил в придворной мастерской, собственноручно обрабатывая самоцветы. Может быть, именно он отполировал некоторые грани алмаза «Шах», чтобы увеличить прозрачность и увидеть воду камня<sup>5</sup>. Он же повелел вырезать на грани алмаза вторую надпись. Транскрибированная русскими, буквами, надпись читается так: «Ибн Джанзир Шах Джхан шах 1051», что в переводе означает: «Сын Джихангир-Шаха Джихан-Шах, 1051» (то есть 1641 год).

Вторая надпись на алмазе «Шах» сделана значительно изобретательнее, чем первая. Неведомый мастер в полной мере использовал орнаментальные свойства арабской графики. Надпись ритмично повторяет один из собственных элементов и производит полное впечатление прихотливого и витиеватого узора, а не прозаического текста.

В 1665 году алмаз «Шах» впервые увидел европеец. Им оказался французский купец Жан Батист Тавернье (1605—1689). Тавернье посещал Индию несколько раз, был в Агре и Голконде. По неясным причинам Ауранг-Зеб оказывал ему особые милости: дарил алмазы, золото и самоцветы, разрешил осмотреть дворец и знаменитый «Павлиний трон». Алмаз «Шах» находился постоянно перед глазами Ауранг-Зеба, когда он сидел на «Павлиньем троне». Продолговатый камень свисал с балдахина в окружении изумрудов и рубинов. На более узком конце его была пропилена борозда глубиной полмиллиметра, которую охватывала шелковая нитка.

После Ауранг-Зеба империя Великих Моголов потеряла былую мощь и величие. Сопредельные государства отхватывали от нее лакомые куски. В 1737 году в Индию вторгся беспощадный Надир-Шах, владыка Ирана. В двухлетней войне он покорил Северную Индию, захватил Дели. Число награбленных им сокровищ превосходит всякое вероятие. Летописи свидетельствуют, что одними лишь алмазами, яхонтами, изумрудами набрали шестьдесят ящиков. Украшенные драгоценными камнями сабли, кинжалы, щиты, перстни, перья к чалме, литавры, кресла едва уместились в двадцати одном вьюке. Только для того, чтобы увезти «Павлиний трон», потребовалось восемь верблюдов. «Такие сокровища видя,— восклицал летописец,— все обезумели!»

В сороковых годах XVIII века в империи Надир-Шаха начались восстания и междоусобные войны феодалов. В результате заговора деспот был благополучно зарезан. Шахом Ирана стал внук Ага-Мухаммад-Хан, основавший династию Каджаров. Детей у него быть не могло, поэтому наследником он провозгласил племянника Бабахана, вы-

<sup>2</sup> Следует различать твердость алмаза и его прочность. Алмаз ничем не царапается, но легко раскалывается на куски.

<sup>3</sup> В романе «Третий глаз Шивы» писатель Е. Парнов утверждает, что самую твердую грань алмаза отполировать нельзя. Как видим, он ошибается.

<sup>4</sup> Великие Моголы — мусульманская династия, правившая в Индии более трехсот лет (1526—1858). Ее основателем является Вакур, прямой потомок грозного Тимура. Шах Акбар был внуком Вабура.

<sup>5</sup> Вода камня — качественный показатель чистоты и прозрачности алмазов. Камень чистой воды — это камень совершенно прозрачный, без замутнений, включений, трещин и других дефектов.

росшего в бедности и нищете. Бабахан перед восшествием на престол на всякий случай зарезал брата, а затем принял имя Фатх-Али-Шаха... Через тридцать лет престарелый шах отпраздновал юбилей правления. В ознаменованье этого великого события было решено начертать на свободной грани алмаза «Шах» третью надпись.

Персидские камнерезы и гранильщики обладали большим опытом и мастерством. Третья надпись поражает совершенством работы, затейливой фантазией и талантом. Будто стилизованные лебеди с гибкими стройными шеями плывут по отполированной глади озера! Шедевр орнаментистики в русской транскрипции читается так «Схбкран Каджар Фтх ли шах ал-стан 1242». В переводе это означает: «Владыка Каджар Фатх-Али-Шах Султан, 1242». В нашем летоисчислении — год 1824.

По установившейся закономерности появление очередной надписи на алмазе предшествует бурным историческим событиям, которые заканчиваются сменой владычества.

В двадцатых годах XIX века Иран был ослаблен феодальными междоусобицами. Он стал объектом колониальной экспансии не только европейских капиталистических держав, но и феодальной России. Театр военных действий располагался на земле многострадальной Армении. Аббас-Мирза, воинственный сын шаха, потерпел полное и окончательное поражение. Ирану был навязан обременительный Туркманчайский договор, по которому русская корона должна была получить 10 куруров, то есть 20 миллионов рублей серебром. В выработке условий договора принимал участие А. С. Грибоедов. Он же был назначен русским посланником (по-персидски — вазир-мухтаром) в Тегеране. Автор пьесы «Горе от ума» ревностно исполнял свой долг, вызвав недовольство различных слоев населения. 20 миллионов рублей легли на плечи народа тяжелым бременем. 30 января 1829 года толпа фанатиков, подогретая духовенством, растерзала Грибоедова. Нависла угроза новой войны.

Шах и его окружение были в смущении. Весной того же года из Тегерана в Петербург выехало высокое посольство. Фатх-Али-Шах, как и многие восточные владыки, владел гаремом, который за много лет произвел ему около сотни сыновей. Из этого числа и был выбран Хозрев-Мирза, неглупый молодой человек приятной наружности. Род Каджаров ничего не потерял бы, если бы его кровь взяли за кровь вазир-мухтара Грибоедова. В посольство входили мирзы и беки, лекари и поэты. Их обслуживали оруженосцы, постельники, водочерпни, кофевары и шербетчики. Особое положение занимал сундуктар (казначей), который вез цену крови — алмаз «Шах». В посольстве не было женщин, что послужило источником некоторых неудобств для Хозрев-Мирзы.

Весной 1829 года принц достиг Петербурга. Его принял Николай I со всей пышностью (это уже работал алмаз). В ответ на витиеватую персидскую речь российский император сказал всего семь слов: «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие!»

В тот же вечер в присутствии царских чиновников алмаз «Шах» был рассмотрен О. И. Сенковским (1800—1858)<sup>6</sup>. Известный писатель и востоковед первым среди русских прочитал и дал толкование надписей на алмазе. Позже надписи еще раз исследовал академик С. Ф. Ольденбург, советский востоковед.

А принц Хозрев-Мирза веселился в Петербурге. Он посещал театры, музеи, встречался с женщинами (светскими и далекими от света). В результате он заболел некоей болезнью, которую в те времена лечили пиявками,

шпанскими мушками и ртутью (ртутной мазью). Это было не последнее огорчение царевича. Через пять лет во время борьбы за престол ему выкололи глаза, и он прожил остаток дней слепым.

В 1898 году в описи драгоценностей русской короны под номером 38/37 появился следующий текст: «Солитер,<sup>7</sup> Хозрев-Мирза неправильной факеты<sup>8</sup> — 86 7/8 карат. Поднесен в 1829 году персидским принцем Хозрев-Мирзой и доставлен на хранение от г. министра Имп. Двора при письме № 3802».

Алмаз «Шах» хранился в подвальном сейфе Зимнего дворца. После Октябрьской революции вместе с другими сокровищами был перевезен в Москву, в Оружейную палату Кремля. Здесь в 1922 году его исследовал академик А. Е. Ферсман, написавший затем большую статью об алмазе. Александр Евгеньевич восхищался техникой гравировки, исключительной и малопонятной по совершенству, изяществу исполнения. По его словам, камень имеет форму удлинённой призмы, притупленной на концах пирамидальными плоскостями. Грани октаэдра мягко округлы. Самая широкая из них разделена на длинные узкие факеты, которые хорошо отполированы (работа Джихан-Шаха!). Ферсман замерил углы между гранями, изучил скульптуру поверхности кристалла. Алмаз «Шах» был оценен в 80 тысяч рублей золотом.

Одновременно специальная комиссия рассмотрела и оценила другие бриллианты. Работа проводилась с целью изыскания средств для преодоления голода и разрухи в стране. В начале 20-х годов Советская республика выбросила на алмазный рынок большое количество ограненных камней. Стоимость поставленных алмазов превышала 12 миллионов английских фунтов. Фирма «Де Бирс» была вынуждена сократить продажу собственных алмазов, чтобы стабилизировать цены на рынке. Наиболее дорогие самоцветы некоторое время хранились в семье Я. М. Свердлова на случай поражения большевиков и бегства за границу. По-видимому, среди них находились алмаз «Шах» и другие исторические камни (за исключением бриллианта «Санси»). Ныне мы можем любоваться ими на выставке Алмазного фонда СССР в Кремле.

## Фантастика и реальность

О древней мудрости Индии и таинственных самоцветов любил писать И. А. Ефремов. Меня, как геолога, до сих пор волнует научно-фантастический рассказ «Алмазная труба», написанный в военном 1944 году. Прочитаем из него несколько абзацев:

«Небольшой кусок темной породы был плотен и тяжел. На грубозернистой поверхности скола мелкими каплями сверкали многочисленные кристаллы пирропа — красного граната — и чистой, свежей зеленью отливали включения оливина. Эти кристаллы отчетливо выделялись на светлом голубовато-зеленом фоне массы хромдиопсида. Кое-где сверкали крошечные васильковые огоньки дистена. Порода очаровывала глаза пестрым сочетанием чистых цветов».

Так поэтично Ефремов писал гриквант — породу, которая в виде включений находится в кимберлитовых алмазных трубках Южной Африки. Находка грикванта в любом месте Земного шара сигнализирует: здесь ищи алмазы! И вот героя рассказа Ефремова, испытывая невероятные лишения, идут по сибирской тайге, ищут алмазы. И добиваются своего.

«Султанов взглянул на свежий раскол породы — и вздрогнул от радости. Кроваво-красные кристаллики пирропа выступали на пестрой поверхности в смеси с оливковой и голубой зеленью зерен оливина и диопсида.

— Гриквант! — крикнул Султанов».

Достоверно известно, что рассказ Ефремова читала геолог Л. А. Попугаева, первооткрывательница кимберлитов Якутии. Рассказ поразил ее научно обоснованным

<sup>6</sup> Жизнь и деятельность О. И. Сенковского исследовал В. А. Каверин в книге «Барон Бромбеус».

<sup>7</sup> Солитер — крупный алмаз.

<sup>8</sup> Факета — грань. В рукописном документе сочетание «це» можно прочитать как «ус». В связи с этим в некоторых публикациях (в частности, у А. Е. Ферсмана) вместо термина «факета» употреблено бессмысленное слово «фауста».

сравнением Сибири и Южной Африки. Л. А. Попугаева совместно с Н. Н. Сарсадских и А. А. Кухаренко предложила новый метод «пироповой съемки», который заключается в том, что дорога к коренному месторождению алмазов показывают пиропы. Вот как описана первая находка кимберлитов в документальной повести Г. И. Свиридова:

«Пошли по реке. Тщательно осматривали берега и косы. Изредка попадались пиропы. Они лежали прямо на отмелях, одиноко алая среди серости гальки. Примерно через километр сделали привал и начали работу. Опять пиропы и отдельные ильмениты. Перекусили затирухой, которую приготовили в котелке Федор. И снова за дело. Перед вечером, промывая шлихи, Федор неожиданно обнаружил странный камень. Черные и красные кристаллы в какой-то густой зеленой породе. Понес Попугаевой:

— Что это?

Она взглянула и обомлела. Федор держал на распухшей от холодной воды коричневой ладони заветный минерал...»

Геологи пошли выше по ручью. Близость алмазной трубы придавала им силы. И вдруг Попугаева увидела под ногами камень, который, казалось, искала всю жизнь. Это был кусок грикванита, весь облепленный сочно-альми пиропами, бледно-зелеными оливинами и черными точками ильменита.

«Попугаева стояла, боясь сдвинуться с места,— пишет далее Г. Свиридов.— Стояла на таинственной голубой глине, на кимберлите, что родилась миллионы лет назад. Отечественная кимберлитовая трубка!.. Она первой стояла на ней, первой держала в руках загадочную породу, на поиски которой отдано столько сил, средств и жизни.

— Алмаз,— не выкрикнул, а деловито произнес Федор, словно они попадались ему ежедневно.

У него в руках, в разломе ноздреватой голубой глины, среди алых пиропов искристо сверкал в утренних лучах солнца прозрачно-чистый кристалл драгоценного камня. Это произошло 21 августа 1954 года».

Не правда ли, рассказы И. А. Ефремова и Г. И. Свиридова, один научно-фантастический, другой документальный, похожи? Иван Антонович гордился тем, что книжку с «Алмазной трубой» таскали геологи в полевых сумках. И вполне закономерно, что через двенадцать лет после написания рассказа на письменный стол ученого и писателя легли три кристаллика алмаза из Якутии. А выставка Алмазного фонда с тех пор каждый год пополняется крупными желтоватыми октаэдрами. Вот названия и веса в каратах некоторых якутских алмазов: «XXVI съезд» — 332, «Звезда Якутии» — 232, «Революционер Иван Бабушкин» — 171, «Великий почин» — 135, «Большая Медведица» — 114,5, «Мария» — 106. Из последних находок отметим правильный октаэдр «Индира Ганди» весом 71,55 карата и два скошенных октаэдра — «Саманта Смит» (32,5) и огромный с желтым нацветом «Ломоносов» (105,6 карата). Алмаз «Шах», как мы помним, весит почти 87 каратов.

Основным мировым поставщиком алмазов является Южная Африка. В конце прошлого века близ города Кимберли в бассейне реки Оранжевая были открыты крупные месторождения ювелирного камня. Добыча продолжается до сего времени. В 1982 году в шахте Окта найден алмаз весом 64,79 карата. Специалисты отметили высокое качество уникального камня и оценили его в 850 тысяч долларов. Как вы понимаете, это не верхний предел цены на алмазы. Найденный в 1888 году алмаз «Де Бирс» был недавно выставлен на аукционе в Женеве. Компания «Сотби парк Барнет» установила минимальную цену в три миллиона долларов. Алмаз весит 234,5 карата, таким образом, цена за карат составляет почти 13 тысяч долларов. Может быть, это и есть верхний предел? Отнюдь нет. Алмаз «Куллинан» (рудник «Премьер», 1905 год)

весил 3106 каратов. Из него изготовили сто пять бриллиантов общей массой 1063,65 карата. Начальная цена алмаза составляла 150 тысяч фунтов стерлингов, а в 70-х годах специалисты уже оценивали его в ... 94 тонны золота!

Находки не прекращаются. В 1978 году на шахте «Куллинан» был найден алмаз весом 354 карата, названный «Большая Роза». Из него огранили три бриллианта: грушевидный, весом 137 каратов, круглый в 32 карата и двухкаратную «Бэби Розу». В 1986 году рудник «Премьер» вновь разродился гигантским алмазом — 599 каратов! Его назвали «Большим бриллиантом» и оценили в 30 миллионов долларов. Для обработки алмаза выбран гранильщик экстра-класса Гэби Толковский из Антверпена. «Алмаз сам заговорит со мной и подскажет, как это сделать», — заявил Толковский журналистам.

Богата алмазами и Западная Африка. Обширную территорию республики Мали называют «Алмазным краем». Близ города Кенеба за последние годы найдены 70 алмазов общим весом до тысячи каратов. Двухсоткаратные камни обнаружены в бассейнах рек Диссе и Гара. Новое месторождение алмазов открыто в Северной Луанде (Ангола). К сожалению, молодая республика стала жертвой экономической диверсии. В апреле 1984 года в столице Анголы Луанде начался судебный процесс, на котором выяснилось, что похищенные камни попали в США, Португалию, Бельгию, Швейцарию. Стране нанесен ущерб в 140 миллионов долларов.

Курьезный случай произошел в Сьерра-Леоне. Близ пририсков Енгема в верхних слоях почвы обнаружили крупные алмазы. Немедленно началась алмазная лихорадка. Так как прииски являются собственностью государства, охотники за бриллиантами начали раскопки под собственными домами. Некоторым улыбнулась удача, и увлечение стало поголовным. Район словно попал в эпицентр землетрясения: многие дома покосились, а то и вовсе завалились набок и разрушились. В 1972 году на берегу реки Сева был найден камень весом 961,1 карата. Его назвали «Звездой Сьерра-Леоне».

Наконец алмазная лихорадка разразилась в Австралии. В 1978 году в отдаленном районе на северо-западе материка было найдено около трехсот крупных камней. Затем обнаружили богатое коренное месторождение, которое тут же начали разрабатывать. О значении находки алмазов для экономики страны свидетельствуют следующие цифры. Австралийское правительство осуществляет политику так называемого регулируемого курса национальной валюты. Курс австралийского доллара по отношению к валютам основных торговых партнеров (Японии, США, Великобритании) меняется. Так вот, в середине 1979 года австралийский доллар был на шесть процентов дешевле, а уже в 1980 году на два и в 1981 году на десять процентов дороже валюты партнеров. Сопоставьте эти даты с годом открытия алмазов, и вы поймете причину резкого подъема курса австралийского доллара.

Самым фантастичным в этой истории является то, что алмазы были найдены вблизи города Кимберли. Попробуйте объяснить парадоксальное совпадение названий городов в Южной Африке и в Австралии, вблизи которых открыты богатейшие месторождения алмазов!



Рисунки  
Николая Мооса

# РОБИНЗОН В РУССКОМ ЛЕСУ

Ольга  
КАЧУЛКОВА

Повесть

## ГЛАВА ПЯТАЯ

Праздник. Радостное открытие. Глина. Кирпич и посуда. Тын и ров. Будущий огород, ледник и погреб.

Желая отпраздновать окончание основных работ, мы дали себе два дня отдыха и занимались тем, что спали или бродили по лесу, собирали грибы и ягоды. Но при этом мы не упускали из виду и своих главных целей. У нас не было глины, а нужно было разыскать ее.

Накануне праздника в ночь перепадал тихий и теплый, но сильный дождь. Грибы так и полезли из-под земли. Я увлекся их собиранием до того, что стал брать с собою большую угольную корзину, а по вечерам начал плести две поменьше, для себя и Васи.

Утром мне вздумалось пробраться повыше к вершине. Я отправился один, едва пробираясь сквозь чащу со своей огромной корзиной. В одном месте мох рос как-то особенно тоще. Корзина моя застряла между двумя молодыми елками. Желая высвободить ее, я сильно уперся на правую ногу и рванулся вперед, но нога моя скользнула, свозя за собой тонкий слой мха; я ничком полетел на землю, корзинка за спиной опрокинулась и обдала меня дождем грибных обломков. Из чувства самосохранения, чтобы не удариться лицом о землю, я вытянул руки и на четвереньках проехал аршина два вниз. Я очень рассердился, — и грибов было жалко, и ушибся я, и испачкался во что-то мокрое, липкое...

В одно мгновение вся досада моя исчезла! Я поскользнулся на мокрой глине, не успевшей еще просохнуть под мхом после дождя! Я нагнулся, взяв комок, — сорт был отличный, — мягкий, нежный, почти без камней и светло-серого цвета! Я бросил корзинку, вытащил из-за кушака топор, который всегда носил с собою, и пошел

домой, как можно заметнее отмечая дорогу срубленными ветками.

— Вася, Вася! А... У...! — вопил я во всю силу легких.

Он был уже дома и сидел в тени под стеной. Возле него с одной стороны стояла сделанная из бересты коробка с прекрасной крупной земляникой, с другой моя наволочка, почти полная грибами, которые он очень серьезно чистил ножом. Он поднял голову и, насмешливо улыбаясь, проговорил:

— Ну и что? Не послушали меня! Ведь я вам говорил, что на горе не может быть других грибов кроме горянок, козьяков да рыжиков, — а нам от них и так деваться некуда! Ведь солить их нам нельзя, — соли нет. А вот я так пошел да белых набрал. Их на зиму засушить можно! Э! А где же это ваша корзина? Да и сами-то вы хороши!

— Постой ты! — вскричал я, едва переводя дух от быстрой ходьбы, и бросил возле него на землю комок мокрой глины. Он взял его, помял в руках и с довольным видом взглянул на меня.

— Вот это так получше даже белых грибов будет, — сказал он. — А место заметили?

— Еще бы! Чуть не целую дорогу к нему прорубил да и корзину там оставил! — отвечал я самодовольно. — Оно, правда, не очень от нас близко, да то хорошо, что порожняком придется ехать на гору, а с глиной под гору!

— А грибы-то славные, — ворчал мой Пятница, продолжая возиться с ними, — жаль только, что нанизать их не на что. Разве на палочки, что-ли.

— Как не на что? — оживленно возразил я, — разве ты забыл нянин ларец? Там, я думаю, ниток не оберешься. Я ведь его тогда так, без всякой цели прихватил, а вот он и пригодился. Пойду, кстати, притащу его из шалаша в дом.

Продолжение. Начало в № 10

Ларец оказался не легок. Я нес его и все боялся, что лубяное дно провалится, а потому, как только поравнялся с Васей, опустил его на землю, уселся возле и открыл крышку.

Кроме больших клубков бели, катушек, разноцветных тряпочек, утыканных иголками всех размеров, вязальных спиц, старых и новых ножниц, в «рабочем ящике» няни оказалось несколько мешочков, по-видимому, вовсе не имевших отношения к женским рукоделиям. На каждом из них красовался ярлычок, исписанный няниным почерком. Я сам когда-то выучил ее писать и читать, и меня всегда очень забавляли «крючочки и пузырьочки», которые она выводила вместо букв. Я с чувством какой-то нежности схватил самый большой мешочек и прочел:

«Рожь Вазя от господина Праскурова радить сам даже двадцать».

— Вася, — проговорил я, чуть не сквозь слезы, — ты знаешь, что это? Ведь это рожь! У нас хлеб будет!

Он даже чуть-чуть побледнел, схватил мешок и бережно развязал его. Я взялся за второй такой же величины. «А эта уже переродок родит десить и девить тоже любит место низкое», — повествовала няня на ярлыке своими пузырьками и колечками.

Вообще няня была великая любительница цветов, огородов и всякой растительности. Еще она любила рассказы разных странниц и монахинь. Они усердно навешали ее и не падали своих языков, а также старались угодить разными приношениями в ее вкус: образками, крестиками, ладанками, брошюрками духовного содержания и семенами огородных и других растений, которых несли часто очень издалека.

Между прочим, мне попался мешочек со следующей надписью:

«Симина агуречные от матери Анфисы — говорит с голову бывает должно быть врет а попробовать можно».

Другая более почтительная и доверчивая гласила: «Агурцы от Митрадоры Ликсеевны прорастить на мокрой мохе и сажать обкурены не бояться мошки».

Один за другим я перебрал семена всех огородных растений, и все с подобными же наставлениями.

— Вася, да ведь это целое богатство! Это дороже золота! — вскричал я. — Экая прелесть эта няня! Божий дар! Непременно поцелую ее.

— Если придется увидеть, — закончил за меня Вася. — А семена это дело, разумеется, хорошее, только ведь нам еще придется целую осень ломать из-за них кости, потом мечтать о них зимою, потом опять работать весною и летом и уж осенью добиться кое-чего.

— Что ж делать, Вася, это все-таки лучше, чем ничего, — из ничего ведь ничего и не сделаешь, — возражал я.

В этот день мы не пошли больше никуда, нанизали грибы, а потом принялись делать формы для кирпичей.

Утром мы встали вместе с солнцем и тотчас же принялись прокладывать дорогу к открытой мною глиняной залежи. Рубить у нас вошло уже в привычку, и дело подвигалось скоро. Часам к десяти просека была готова и даже очищена от срубленного молодого ельника и березняка, а после этого, наскоро позавтракав, мы взяли тележку и поехали за глиной. Везти ее обратно с горы не представляло уже никакого труда. Часа в четыре мы нашли, что на первый раз глины с нас достаточно, и начали возить песок, а кирпичи собирались делать уже на следующий день.

Делать кирпичи нужно, сидя верхом на скамейке, во

всяком другом положении это чрезвычайно неудобно. У отца моего был кирпичный завод, и там мы с Васей достаточно насмотрелись на это производство и натолковались с рабочими.

Мы раскололи толстый обрубок и принесли чурки в дом. Костра мы в доме никогда не зажигали, боясь пожара, а работать впотьмах нельзя. Вася, впрочем, нашел выход: он взял палку, аршина в три длиной, заострил ее с одного конца и расщепил с другого. Острый конец он вогнал в землю, а в расщепленный воткнул лучину, зажег ее, и комната озарилась тем тусклым чадным светом, которым пользуется всю жизнь большинство русских крестьян.

— Постой, Вася, у нас есть свечка и подсвечник! — вскричал я, спохватившись, побежал к углу и отыскал между вещами свой подсвечник и огарок. Но он был таким жалким, изломанным, что едва мог прогореть с час. Пришлось все-таки зажечь лучину. По мере того, как одна сгорала, мы заменяли ее другой. В комнате скоро стало так душно, что пришлось отворить дверь. Дышать стало легче, но глаза нестерпимо разъедало дымом.

В этот вечер, несмотря на боль в глазах, мы работали очень долго и легли только тогда, когда сделали гребную широкую скамейку из двух толстых, соединенных вместе досок. Верхнюю часть ее мы тщательно выстругали, чтобы удобнее было делать кирпичи. Мы, истомленные, присели на нее и невольно рассмеялись — только теперь пришло нам в голову, что мы давно уже не сидели и не лежали иначе, как на голой земле. До чего человек и его привычки зависят от обстоятельств.

Кирпичи делаются очень просто, хотя и не без труда. Повторяю, мы с Васей знали это производство, а потому начали с того, что принесли в дом добрую кучу глины, середине ее сделали яму, залили туда воды и насыпали песок. Мы пробовали смешать все это в однородную массу лопатами, но дело шло так медленно и неудачно, что Вася, наконец, не выдержал.

— Нечего тут нежничать! — вскричал он, садясь на скамейку и быстро скидывая сапоги, — мы теперь лесные люди и не нежнее и умнее деревенских мужиков.

Он быстро стащил и носки, которые были, впрочем, ничуть не чище глины, до колен засучил брюки и бойко стал мять глину босыми ногами. Так действительно делали у нас на кирпичном заводе рабочие: мужчины, женщины и даже дети.

Я молча следил за ним. Мне было и противно ступать босой ногой в мокрую глину, но в то же время и совестно, что Вася делает это один. Последнее чувство было лучшим из двух, и я радуюсь, что оно одержало верх. Я тоже сел на скамейку, разулся и, скрепя сердце, принялся босыми ногами мять глину. Иногда нога попадала на камень, — было больно, но не долго, неприятное же ощущение холодной сырости прошло очень скоро, — напротив, ноги горели и прохлада сырости казалась приятной.

Долго плясали мы с Васей какую-то дикую, неуклюжую пляску, временами поворачивая кучу с боку на бок лопатами. Наконец глина стала ровной густой массой отставать от ног.

Мы тотчас же придвинули к куче скамейку и взялись за формы. Кирпичная форма вещь тоже очень простая. Это ящик без дна и крышки, в полтора вершка глубиной, в три шириною и в шесть длиною, вернее рамка.

Делающий кирпич сидит верхом на посыпанной песком скамейке, берет форму и опускает ее в воду, потом

быстро ставит перед собою и набивает глиной. Рядом лежит заранее приготовленная дощечка в виде линейки, он ставит ее ребром на края формы и сгребает весь излишек глины, затем быстро хватает форму за ручки и оборачивает ее другой стороной вверх и так же, добавив глины, сгребает излишек ее линейкой, и кирпич готов. Его вытряхивают из формы, просушивают, ставят на ребро, сначала на солнце или на сквозном ветру, а потом уже обжигают. Мы должны были выставить окно и отворить двери в доме, чтобы устроить сквозной ветер, так как погода опять стала дождливой.

Мы с Васей сделали по двести пятьдесят кирпичей, но и этого было для нас много, так как низ печи мы задумали сложить из простого булыжника.

В том месте, где мы брали глину, оказались и камни. Пока просыхали кирпичи, мы стали возить их. Вскоре выяснилось, что вся вершина горы состоит из глины. Дожди размыли ее, и колеса тележки под тяжестью груза каменной стали оставлять в просеке глубокие колеи. Работать стало гораздо тяжелее, но моего дальновидного Пятницу смущало и еще одно обстоятельство.

— Все эти колеи, — сказал он мне однажды, — весной обратятся в целые потоки, которые побегут прямо к нашему дому и подмоют его. Непременно надо окопаться рвом.

Я, разумеется, вполне согласился с ним, но втайне тлеял другую мысль, — не очень практичную, но, мне кажется, извинительную в моем положении. Я был гораздо более избалован в пище, чем Вася, а потому вечно одни и те же жареные утки, а и то хлопотливые дни впроголодь начинали нестерпимо тяготить меня. Мысль о нянином ларце не давала мне покоя — так и хотелось бросить все остальное и заняться огородом. Мне часто даже снились целые груды огурцов, редиски, печеного картофеля.

— Вася, — начал я довольно вкрадчиво, — ведь осень еще далеко, а весна и еще того дальше, — значит, со рвом успеем. А мне кажется, у нас есть дело гораздо важнее рва. Отчего бы нам не посеять кое-чего из нянинных семян. Ведь, право, утки надоели!

Мой Пятница остановился и даже бросил лямку, за которую тащил под гору тележку, нагруженную камнями.

— Да что вы, Сергей Александрович! — вскричал он, вытаращив свои добродушные серые глаза. — Разве вы не видите, какое теперь время! Кто же сейчас огороды затеивает. Ведь сегодня, надо думать, седьмое или восьмое июля, а нам еще нужно гряды делать, да тогда уж сеять. Что же успеет у нас созреть?

— Да видишь, Вася, — слабо защищался я, — ведь мы живем на южном склоне горы, осенние холодные ветры дойдут сюда не скоро, — может быть и успеем собрать что-нибудь. А то, подумай сам, ну что мы станем делать зимой, ведь просто заболеть можно.

— Ну, уж если вам так хочется, — отвечал он, видимо сдаваясь, — навозить от озера черной земли гряды на две, да посадить редиски, она ровно через шесть недель будет готова, луку, тот хоть луковиц не даст, а все же зелень будет, морковки-каратели, та еще тоже поспеет, — а уж больше ничего нельзя.

Я рад был и этому.

Кажется, ни над чем не работал я так усердно, как над этим огородом! Устроить его было чрезвычайно трудно. Место, которое мы отвели для своего двора и вообще всего хозяйства, было на песчаной почве. Пришлось навозить для гряд черной земли от озера и перемешать ее

с песком, так как все корнеплоды: картофель, редис, морковь и прочие любят почву сыпучую. Подвозка земли была истинно каторжной работой! Приходилось тащить ее на себе по крутой, размытой дождями глинистой дороге. По вечерам я наделал несколько граблей. Когда гряды были готовы и засеяны, мы тотчас же до всходов стали обносить их плетнем. Материал рубили и приносили днем, а заплетали его даже ночью. Но и после этого наш огород требовал прополки и ежедневной поливки.

Между тем кирпичи, хоть с грехом пополам, но просохли. Можно было начать класть печку, за что мы и принялись. Под мы довольно легко и правильно вывели из булыжника, стены сошли тоже довольно благополучно, но когда пришлось выводить чело, мы поневоле призадумались. Чтобы сдерживать верхние кирпичи, обыкновенно кладут от одной стенки к другой довольно толстую полосу железа, но у нас таковой, разумеется, не оказалось, и мы очень озадачились. Наконец долгой поломавши голову и перебрав в ней все мои убогие познания, я вспомнил об устройстве арок и сводов. Мы тотчас же сбегали с Васей к озеру, вырубали несколько толстых лозовых побегов, расщепили их надвое и постарались изогнуть самыми правильными дугами, по ширине нашей печки, между стенками которой и выставили и несколько штук, отступая одну от другой вершка на два; а затем стали поверх их класть кирпичи на ребро и очень плотно один к другому. Нижние края приладились действительно совершенно плотно, но зато верхние расхлябились как лучи от одного центра. Расстояние между ними мы заполняли трехгранными обломками кирпича и цементировали их глиной. Когда потолок был таким образом выведен, мы продолжали класть печку. Я хотел было сделать трубу совершенно прямую и широкую, но Вася энергично и очень основательно воспротивился этому, говоря, что при сильной тяге в прямую трубу может выноситься не только искры, но даже и мелкие уголья, которые станут падать на крышу и подожгут ее. Кроме того, если труба образует в самом корпусе печки несколько изгибов, то печка и скорее накаляется, и дольше держит тепло.

По обеим сторонам печки мы оставили лежанки, трубу вывели высоко над крышей, наконец, когда все было готово, протопили ее, но очень слегка, чтобы она просохла. Дуги, которыми поддерживались своды, разумеется, сгорели при этой же первой топке, но теперь это было нам не страшно, потому что главное свойство арок и сводов и состоит в том, что чем большая тяжесть на них давит, тем сами они становятся прочнее.

Внешние стены печки мы аккуратно обмазали глиной, как настоящие печники. При этом случилось одно обстоятельство, имевшее большое влияние на все наше лесное благосостояние.

Вася стоял на вершине печки и обмазывал трубу. Ему беспрестанно нужна была вода, чтобы глина не приставала к линейке. Поднять котелок на печку было нам не под силу, поэтому я подавал ему воду в стакане, сделанном из разбитой бутылки. Но и это становилось неудобным, так как Вася забрался высоко. Я поставил котел с водой на кучу глины и взгромоздился на него. В пылу работы я не заметил, что котел под давлением тяжести моего тела, глубже и глубже вязнет в глину. Наконец вода кончилась и нужно было пойти на озеро, я спрыгнул на землю и хотел взять котел, но он увяз так плотно, что это оказалось невозможным.

— Тащите вверх, и крутите его за ручку, как винт, —



посоветовал Вася. Я послушался и, хотя не без труда, вытаскил котел. Под ним оказался совершенно правильный и чистый слепок внешних стенок нашего чугуна.

— Вася, смотри! — вскричал я в восторге. — Ведь это значит, что у нас будет посуда. Теперь наделаем и котлов, и тарелок, и чашек! Пойдем скорее вместе за водой, да принесем со двора и глину. Ты кончай тогда печку, а я попробую сделать другой котел.

Вася слез с печки, мы взяли палку, которая служила нам водоносом, принесли воды и вылили ее в отпечаток котла в глине. Она не вытекала, не впитывалась, а напротив, держалась очень хорошо, как в настоящей посудине. Я выбежал на двор, захватил несколько комков глины, размочил и уже собирался облепить стоявший вверх дном чугун, когда Вася остановил меня.

— Ну, это вы напрасно, Сергей Александрович, — сказал он. — Так, я думаю, у нас ничего не выйдет, нужно песку прибавить. Ведь песок плавится, он как растает, так остывши и свяжет глину. Только вы берите песочку ровенького, без камней.

Ни в детстве, ни в молодости не танцевал я так усердно, как отплясывал босыми ногами на куче глины, из которой предстояло лепить наш первый котел. Сапоги на этот раз я снял без малейшего колебания. Наконец глина была готова. Я облепил ею котел пальца на два толщиной, подкинул в печку дров, позвал на помощь Васю, и мы поставили мое произведение в огонь. Но через несколько минут наружная сторона глины высохла и стала садиться, а внутренняя была еще сыра и по всему котлу пошли трещины. Со вторым опытом мы были осторожнее: во-первых, поставили котел не прямо дном вверх, а не-

сколько приподняли с одного края и подгребли под него горячих угольев; во-вторых, как только он достаточно просох, чтобы держаться и без чугуна, мы его вынули. На этот раз глиняный котел не растрескался, высох и обжегся, но все-таки оказался хрупким. Только после доброй сотни неудач добились мы умения делать сносную глиняную посуду. Я заготовил несколько деревянных форм и по ним в свободные минуты стал делать кружки, чашки, тарелки, горшки.

Между тем дни становились заметно короче, а вечера длиннее. При нашей бедности и при привычке жить порядочно нам нельзя было терять времени. Поэтому все вечерние часы мы проводили за столярной работой. Я начал с того, что смастерил хотя и убогий верстак, но все-таки значительно облегчавший мне труд своими приспособлениями. Для работы нужна сухая древесина. Я не поленился загромоздить верхнее пространство нашего жилья досками и бревнами, которые там просыхали довольно скоро, так как наша печка давала столько тепла, что мы даже не ожидали. Был в ней, однако, один большой недостаток. За неимением вьюшек мы не сделали душника, — тяга в трубе продолжалась и после топки, так что к утру становилось холодно. Зимой мы рисковали замерзнуть даже лежа на печке. Я сделал большой глиняный круг с ручкой, тщательно обжег его и, когда печка кончала топиться, лазил на крышу и закрывал трубу.

В доме я сделал вдоль стены несколько прочных полок и расставил на них вещи и посуду. В комнате стало просторнее и чище. Затем уж, вместе с Васей, мы смастерили стол и два табурета, чтобы есть сидя, как цивили-



лизованные люди. Все это было грубо и непрочное, но мы утешали себя мыслью, что найдем дорогу домой, а если не найдем, то успеем сделать для постоянного жилья и что-нибудь получше.

Наконец погода разъяснилась, и мы решились заняться обмазкой стен дома. Пока солнце и ветер просушивали отсыревшие за непогоду стены, мы возили глину и песок. Я заранее приготовил для себя и Васи штукатурный инвентарь, — широкие четырехугольные доски с ручками посредине, небольшие лопаточки и дощечки с ручками, наподобие утюга, чтобы гладко размазывать ими глину по стене. С обмазкой стен мы справились быстро, а пока штукатурка просыхала, принялись за смолу. Варить ее с песком пришлось в чугуне, и только тогда мы поняли всю цену своей мысли делать глиняную посуду, — без нее нам пришлось бы, живя над озером, нуждаться в воде.

Горячая масса смолы с песком быстро остывала и твердела, так что работать приходилось очень спешно, но зато стена становилась буквально непроницаемой для сырости! Внутреннюю сторону стены мы также разделили глиной, но уже без смолы, впрочем, тщательно избегая трещин, так как тонкая черная угольная пыль жестоко нам досаждала.

Наконец у нас был прочный, безопасный и теплый дом, даже с некоторым запасом утвари. Надо самому пережить это чувство довольства, чтобы вполне понять его. Под его влиянием забывается весь ряд тяжелых трудов и усилий и остается только одно спокойное сознание веры в себя.

Между тем в природе уже начали появляться признаки наступающей осени. Многие птицы улетали, лиственные деревья стали переходить из темно-зеленого в нежно-палевый, ярко-желтый и даже пурпурный цвет. По утрам стали прошибать морозцы. Но погода все еще стояла ясная, даже теплая.

— Эх, скоро и зима настанет! — сказал однажды Вася, выходя утром из дому и задумчиво глядя на белые, сверкавшие на солнце, блестящие инея. — Батюшки светлы! — вдруг крикнул он, в отчаянии хватаясь за голову. — А рожь-то! Ведь мы ее так и не посадили. Подумайте-ка, ведь это значит еще целых два года не брать куска хлеба в рот!

Эти слова побудили меня проверить нянины семена. Я возвратился в дом, подставил к полке табуретку и... обмер от горя...

— Вася! — крикнул я.

Он тотчас же вошел, а я протянул ему пустой мешок. К нам, очевидно, забрались крысы! В обоих мешочках были проточены дырки, а зерна не было и в помине. Все остальные мешки с огородными семенами были тоже попорчены.

Не могу описать, какое горе причинило нам это открытие. Чтобы спасти остальные семена, мы подвесили их на лыках к потолку.

На другой день мы энергично принялись за ров, но сначала небольшими кольями распланировали двор. Чтобы защитить дом и огород от непрошенных гостей, вроде волков, лисиц и зайцев, мы порешили обкопать его широким ровом, аршина четыре глубиной, землю же изо рва употребить на вал, на вершине которого хотели поставить острый частокол. Ров должен был охватывать двор лишь с трех сторон, в виде огромной буквы П, так как четвертая выходила на обрыв и была достаточно защищена его крутизной, а также и частоколом, который мы

хотели поставить и с этой стороны. Ров мог принести нам неисчислимые выгоды. Вешние воды, обегая с вершины горы, могли подмыть наши стены, но, встречая ров, они попадали бы в него и, не доходя двора, сбегали бы до обрыва, а с него хоть каскадами в озеро. Он мог служить нам также надежной защитой от опасных зверей и даже ловушкой для волков и медведей. Для выхода к озеру мы задумали сделать в частоколе лишь неширокую калитку, а в лес целые ворота, за которыми должен быть подъемный мост. По одну сторону дома, возле огорода, мы собрались поставить погреб, а по другую — ледник.

Ров мы рассчитывали окончить до зимы, но, несмотря на то, что за два месяца постоянной и упорной физической работы на открытом воздухе мы значительно окрепли, копать ров задуманной глубины оказалось для нас делом почти непосильным. Вырытую землю приходилось выносить на вершину вала. Чтобы облегчить работу, мы сделали две корзины, приспособленные для того, чтобы носить их за плечами. Но вскоре мы поняли, что целый день земляной работы нам, положительно, не под силу. Поэтому утром, со свежими силами, мы брались за лопаты и работали до полудня, потом обедали и ложились отдыхать часа на полтора, а затем уже шли в лес и рубили жерди для частокола. Работа топором, сама по себе очень утомительная, стала нам казаться отдыхом сравнительно с земляной.

Кроме того, в своей уверенности окончить ров раньше, чем земля замерзнет, мы сделали еще одну капитальную ошибку, — начали ров не с нагорной стороны, а от обрыва: таким образом, зима застала нас не защищенными от предстоявших весенних вод. Убедившись, что, несмотря ни на какие усилия, нам не удастся довести ров до конца, мы решили завершить другое, чрезвычайно для нас важное дело, подготовку настоящего большого огорода, который мог бы прокормить нас, за неимением хлеба, хотя бы овощами.

Дело это было тоже, без преувеличения можно сказать, каторжное. Мы неутомимо возили в тележке землю от озера и сваливали ее в том месте, до которого на будущий год собирались продолжить плетень огорода. Болотная земля была слишком сыра и холодна, и мы перемешивали ее с песком, а за неимением навоза удобряли перегнивший растительностью.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ

### Мы убиваем лося, нападение волков.

А время все шло да шло, и приносило нам то новые заботы, то новые радости.

Однажды я пошел к озеру, чтобы поставить петлю с убитой лягушкой для ловли уток. Из шести заготовленных Васей петель непременно одна или две доставляли нам утку на жаркое. Никто не беспокоил птиц на этом озере, Бог знает сколько лет, а потому их было очень много. В этот раз я отошел от дому дальше обыкновенного. Пробирался топким берегом в чаще кустов, я заметил, что они сильно поломаны, а на земле следы лосей. Придя домой, я рассказал об этом Васе.

— А знаете, Сергей Александрович, ведь до нашей зелени добрались-таки зайцы и попортили пучков десять, но я разыскал дырку, в которую они пролезали, и заделал ее. А главное, что меня удивило и напугало, — возле самого плетня я тоже заметил следы лосей. Что, если они заберутся в огород? Прощай наша работа! Я хочу пойти ночью подкараулить их. Может быть, удастся и убить

хоть одного. Пойдемте вместе. Оно не так страшно вдвоем, да и убить можно скорее.

Три ночи кряду ходили мы с Васей и, сдерживая дыхание, таились по несколько часов возле плетня. Но лоси не подходили к огороду. Каждую ночь мы слышали их тяжелый топот. Они приходили на водопой всегда по одному месту, саженей за 20 от нашего жилья, так что мы не могли даже увидеть их за лесом. Я предложил Васе влезть ночью на одну из сосен, возле протоптанной ими тропинки. Вася согласился. Вечером мы зарядили ружья, захватили по куску жареной утки и, дойдя до лосиной тропинки, взобрались на высокую, крепкую сосну и уселись на толстых сучьях. Вскоре мимо нас пронеслись шесть лосей. У двоих были довольно большие рога, остальные были безрогие, а последняя пара вообще походила скорее на телят, чем на взрослых лосей. Бежали они поразительно быстро, высоко подняв головы. Они были еще далеко, когда я понял, что стрелять по ним бесполезно, потому что попасть мало надежды, а выстрел, пропав даром, только испугнул бы животных, соседство которых вовсе не вредило нам, а в будущем обещало еще и выгоды. Я махнул Васе рукой, чтобы он не стрелял. Лоси довольно долго оставались на озере. Слышен был сильный плеск — они купались, плавали и пили.

Придя домой, мы легли спать, но Вася долго еще толковал мне, что нам непременно нужно убить лося, чтобы получить шкуру и мяса на суп. Он предлагал в другой раз влезть на дерево возле самого водопада и стрелять в ту самую минуту, когда лоси станут пить.

Настал конец сентября и пришла пора собирать огородное. Мы решили заняться им на другой день, а вечером, накануне, сидели дома и занимались каждый своим делом. Погода стояла холодная, мы затопили печку. Ночью Вася хотел сушить в ней что-то. Я усердно работал рубанком. Мне стало жарко. Чтобы немного освежиться, я оделся и вышел из дому. Ночь была светлая, лунная. Вдруг со стороны огорода раздался сильный топот и какой-то странный, до сих пор мне не знакомый крик. По топоту я догадался, что это лоси.

— Пропадет наш огород! — мелькнуло у меня в голове.

Я быстро вбежал в дом, схватил ружье и крикнул:

— Вася, лоси в огороде!

Тот, даже не одеваясь, взял ружье и пошел за мной. Мы осторожно пробрались к плетню. В огороде еще не было никого, но из-за плетня виднелись лосиные рога. Сердце у меня так и стучало. Вдруг из-за плетня показалась вся огромная, рогатая голова лося. Он стоял несколько минут и смотрел на нашу зелень. Должно быть, ему очень понравилась ботва свеклы, потому что он вскинулся на задние ноги и тяжело прыгнул в огород. Из-за забора показалось еще несколько лосиных голов. Я толкнул Васю, приложился и выстрелил, стараясь опять попасть в плечо. Мне удалось, но животное было так велико и сильно, что могло бы убежать. К счастью, выстрел Васи подоспел очень вовремя: пуля, пройдя сквозь сердце, сразила лося наповал. Остальные разбежались.

— Вот счастье-то! — вскричал Вася во все горло.

— Да, хлопот нам с ним будет много, — ответил я, — нужно снимать шкуру сейчас же, а то, пока рассветает, придут волки и перепортят ее. Делать же это придется в огороде, потому что нам вдвоем не стащить его с места.

— Да уж нам, видно, не ложиться сегодня спать, — заключил Вася.

Я решительно не знал, как приняться за обдирание шкуры. Но Вася сказал, что он внимательно наблюдал за разделкой лося, которого я убил на охоте, и он знает, как снять шкуру, как разрубить животное и как прокоптить окорока. Мы сходили домой за ножами и топорами и возвратились к лося. Нужно было сначала отбить рога, и это оказалось очень трудным, но когда мы, наконец, осилили их, Вася разрезал от нижней губы по груди к брюху до самого хвоста: потом от этой длинной черты прореза — другие по внутренней стороне каждой из ног. После этого он стал отдирать шкуру от мяса, подкожный слой подрезая ножом. Я принялся помогать ему, стараясь не перепачкаться в крови. Мы работали очень усердно и не обращали внимания на то, что делается вокруг. Но вдруг меня поразил сильный треск и шелест возле плетня. Я оглянулся. Из-за плетня на нас смотрели две волчьи морды со свирепо оскаленными зубами. Должно быть, их привлек запах крови. Я невольно вскрикнул. Ружье мое стояло далеко, но Вася поставил свое рядом и, схватив его, выстрелил. Один волк завыл и сорвался с плетня, но другой, с окровавленной мордой, перепрыгнул в огород и бросился к Васе. Тот ударил его по голове прикладом, но волк все-таки успел сцепиться с ним в ногу. К счастью, я не потерялся от испуга, поднял с земли топор и перерубил ему шею. Волк упал, а с ним рядом со стоном опустился на землю и Вася. Забыв все предосторожности, я разобрал часть плетня и провел Васю домой. Там он разулся и мы осмотрели рану. Оказалось, что волк сильно разорвал голенище его сапога и конец заправленных в него толстых суконных брюк. На ноге оказались две довольно глубокие царапины. Мы обмыли ранки и обвязали их чистыми тряпочками, которые оторвали от одной из моих запасных рубашек. Вася быстро успокоился, потому что сначала плакал не столько от боли, как от сильного испуга. Он благодарил меня за спасение и помощь, но вскоре практичный ум его опять обратился к повседневным заботам.

— А мы все так и оставили там! — вдруг спохватился он. — Пожалуй, придут другие волки и перепортят обе шкуры, или в огород прибегут зайцы, съедят капусту, Господи, скоро ли рассветет! Да вот что, приотворите дверь, да выстрелите несколько раз пистонами, этот шум напугает их.

Я хотел воспользоваться его советом, но вспомнил, что ружья остались в огороде. Уходя оттуда, Вася ничего не помнил от страха и боли, а я забыл все, спеша помочь ему.

Мы прислушались. Где-то очень близко слышался вой волка.

Я утешал Васю тем, что съесть целого лося волки не могут в несколько часов, что они, вероятно, примутся есть его с той части, которую мы уже освободили от шкуры, и она останется цела, что, наконец, при волках зайцы не посмеют прийти в огород. Наконец рассвело совершенно. Волк не переставал выть где-то недалеко, я боялся выйти один из дому. Вася попробовал встать с лежанки. Оказалось, что он может ходить, хотя и с трудом. Мы решили, что выйдем на двор вместе, я влезу на крышу маленькой постройки, которую мы приготовили для сохранения овощей, и посмотрю оттуда, что делается на огороде. Вася шел прихрамывая и опираясь на меня. Я, дрожа от страха, взобрался на крышу. Лось лежал подубодранный, в нескольких шагах от него растянулся мертвый волк, а вокруг валялись наши ножи, топоры и



ружья. Но больше всего удивило меня то, что со стороны огорода все-таки раздавался вой волка. Я рассказал обо всем Васе, который уже присел на землю.

— А знаете что, — сказал он задумчиво, — ведь там было два волка, когда я выстрелил, один вскочил в огород, а другой упал с плетня. Может быть, он так ранен, что не в силах убежать, вот и воет. Пойдемте в огород и посмотрим сквозь плетень.

Я забежал в дом и на всякий случай захватил с собой пороховницу и дробницу. Подкравшись к плетню, мы увидели другого волка. Морда его была вся в крови, из обоих глаз она текла ручьями. Вася стрелял дробью на близком расстоянии. Должно быть, почти весь заряд попал ему в глаза, только несколько дробинок досталось на долю того волка, который бросился на Васю.

— Что же ему так мучиться, — сказал Вася, — зарядите ружье и пристрелите его.

Я сделал это, но, признаюсь, с чувством глубокого отвращения.

За весь день мы едва успели снять со зверей шкуры, разрубить лося и закопать волков в землю, отгавив их подальше от нашего жилья. Хотя крупная добыча очень развеселила Васю, и он старался изо всех сил, но боль в ноге делала из него плохого работника. Погода была холодная, а бедный товарищ мой не мог надеть сапога. Чтобы защитить его от холода, я сшил из хранившейся у нас от первых охот заячьей шкуры носок, вроде теплого ботинка. Он был мягок и не жал ногу.

Вася продолжал удивлять меня. Когда мы закопали волков, разрубили лося на части и убрали их в сарай, он сказал:

— Ну, Сергей Александрович, я со своей больной ногой никуда не похужу, а вы не знаете, как и что нужно делать, так уж, пока я хвораю, вы работайте, а я буду вас учить. Приниматься за огород сегодня поздно, успеем и завтра, так давайте коптить окорока. Вырубите сук потолще, соберите побольше гнилого дерева и нарежьте можжевельника.

Я захватил нож и топор и ушел. Через час, возвратясь с тяжелой ношей, я застал Васю возле дома: он приставил к крыше лестницу и ждал меня. Рядом лежали окорока, привязанные вдоль веревки один ниже другого.

— Обыкновенно их сначала солят, — сказал Вася, — но у нас мало соли. Если оставить их так, то они испортятся, так уж давайте коптить как можем. Полезайте на крышу, всуньте окорока в трубу так, чтобы они висели один ниже другого, конец веревки привяжите к середине сука, который вырубил, и положите его на трубу.

Я взобрался на крышу, втащил за собою окорока и сук и, сделав все так, как советовал Вася, снова сошел на землю.

Между тем Вася, внеся можжевельник и гнилье в дом, заложил их в печку и ожидал только меня, чтобы затопить ее.

— А где же наши шкуры? — спросил он, разведя огонь. — Нужно натереть их солью, а то они так затвердеют и высохнут, что их будет не согнуть.

Я было стал возражать ему, что соли у нас мало, но он сказал, что лучше остаться без соли на три дня раньше, нежели остаться зимой без шубы.

Я знал так мало, что поневоле приходилось подчиняться Васе. Он принялся за шкуры, стараясь тратить как

можно меньше соли, а меня попросил натаскать как можно больше хворосту, потому что печка была занята копчением, а он хотел завтра выварить из лосины бульон, пока я буду собирать овощи.

Я натаскал во двор все, что попало мне под руку, и возвратился домой. Вася уже насолил шкуры, натянул их на палки и повесил под крышей, подальше от печки.

— Шибко мы с вами утомились,— сказал он,— но спать ложиться нам еще нельзя. Завтра мне нужна будет ложка, чтобы, вываривая бульон, мешать в котелках.

Я почти с отчаянием взял сухой кусок березы, выдолбил в ней круглую и довольно глубокую впадину, отпилил лишние части и обровнял ножом, придавая форму ложки. Разумеется, вышло очень грубо, но глаза мои так и слипались, и только энергия, с которой трудился неутомный Вася, заставила меня довести дело до конца.

— Ну, теперь давайте ужинать,— сказал он.— Пока вы работали, я приготовил вам угощение.

Он достал из печки два куса превосходного лосино-го бифштекса, на глиняной тарелке. Я так давно не ел мяса, что у меня разбежались глаза и прошел сон.

— Что, хорошо?— спросил Вася, с самой счастливой улыбкой на своем милом лице.— А завтра я еще сварю щи из ботвы редиски, как весной делают.

Мы с аппетитом поужинали.

— Вот теперь можно и выспаться! Ложитесь вы, а я еще обмою рану, перевяжу ее и уж потом лягу. Я все-таки устал меньше вас.

Я с наслаждением растянулся на мягком мху, которым была устлана моя лежанка, натянул на себя одеяло и сейчас же заснул.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ

### Ловля зайцев. Наступление зимы. Новые труды и заботы.

В прекрасном настроении проснулись мы с Васей на другое утро. Он встал даже несколько раньше меня, успел сходить в сарай и принести кусок лосино-го мяса, из которого опять состригал два бифштекса. Чаю у нас не было, а потому мы поневоле должны были начинать день с такого плотного завтрака. Впрочем, это имело свою хорошую сторону. Мы постоянно принуждены были заниматься тяжелой работой и очень дорожить временем. Закусивши так плотно, мы долго не хотели есть.

Еще накануне мы решили, что Вася будет вываривать бульон, а я убирать огород. Нога его сильно болела, а лечить ее было решительно нечем. Осталось одно — не слишком натруждать ногу и держать рану как можно чище. Мы строго исполняли оба эти условия. Вася обмывал и перевязывал рану раза четыре в день, а я делал все, чтобы освободить его от тяжелого труда. Прежде чем отправиться в огород, я развел три небольших костра, помог нарубить лосину на куски, чтобы их можно было уложить в горшки, и принес с озера воды.

— Ну, теперь спасибо вам, Сергей Александрович,— сказал он.— На то, чтобы ходить от одного костра до другого, у меня силы хватит. Зато завтра к вечеру у нас будет запас сухого бульону на целую зиму.

Я взял лопату и тележку и отправился в огород. Пять небольших грядок были засеяны редиской, морковью и луком. Прежде всего я занялся луком. Сея его, мы следовали указаниям, написанным няней на ярлыке мешка: разрезали каждую луковицу пополам. Я все боялся, что

из нашего посева ничего не выйдет. Это было для нас тем более страшно, что мы засеяли весь лук, который нашли. Накануне Вася вырыл несколько луковиц, чтобы поджарить вместе с бифштексом, но по ним трудно было судить об урожае. Но когда я принялся за работу, то страх мой обратился в сильную радость. На каждой почке было по 5-6 луковиц. Я выкопал весь лук, ссынал в тележку, разобрал часть плетня и повез урожаем домой. Вася тоже очень обрадовался. Чтобы сохранить лук от морозов, я навязал его в виде ожерелья на веревку и повесил подальше от входа.

Затем я принялся за редьку и морковь. Все уродилось отлично, только несносные зайцы попортили несколько отличных пучков ботвы. Я не сдержался и помянул их недобрим словом. Вася выслушал меня и, когда я отвел душу, сказал:

— А знаете, не выбрасывайте листья от свеклы и моркови, а соберите их в погреб. Сегодня вечером скотлим несколько небольших ящиков, поставим их на огороде вверх дном, подопрем с одной стороны палочкой и подложим под ящик по пучку ботвы, которую нужно привязать к палочке. Ночью придут зайцы, станут ее есть и непременно дернут за веревочку. Ящик упадет и накроет зайца. Когда я был маленький, то часто ловил так мышей в людской.

Мне очень понравилась его выдумка, она позволяла не тратить порох, которым мы очень дорожили.

К вечеру я перевез в погреб весь урожай, разложил овощи по корзинам и пересыпал их песком.

Едва я вышел из погреба, как меня окликнул Вася. Он хотел снять горшки с огня и просил помочь ему. Он вынул из них мясо длинной, заостренной палочкой, принес из дому одну из моих наволочек и всю глиняную посуду и принялся с моей помощью процеживать бульон.

— Вот,— говорил он,— мясо можно есть, а бульон надо кипятить еще долго: уж без него он выкипит, и когда остынет, будет крепкий, как черствый хлеб. Эх, чудесным бы был я поваром!— прибавил он, самодовольно улыбаясь и ставя процеженный бульон опять на огонь.

Я натаскал еще хвороста, наколот дров, принес с озера гнилья и можжевельника для копчения и принялся за изготовление ящиков-ловушек. Гвоздей у нас осталось уж очень немного. Это меня заставило призадуматься, чем заменить их. Не умея вырезать шипы и гнезда, как обыкновенно делают столяры, чтобы скреплять ящики без гвоздей, я отпилил доски и просверлил буравчиком дырочки в местах, где должны были проходить гвозди, обстругал небольшие и круглые палочки, обмакнул их в остатки чистой смолы и крепко заколотил в дырочки. Ящик вышел очень прочный. Вася очень хвалил меня за изобретательность.

Мы решили поставить ловушку для зайцев в эту же ночь. Но первая ловля наша окончилась неудачей. Зайцы пришли и съели ботву, но ящик не упал, потому что мы поставили его на грядку и подперли очень тонкой палочкой. Ящик своей тяжестью вдавил ее в рыхлую землю, и она стояла так крепко, что не повалилась от слабого подергивания зайцев. Ставя ловушку на другой день, мы подложили под конец палочки небольшой камень. Теперь она стояла очень шатко, и, действительно, в эту ночь в нее попались два зайца. Утки уже улетели, и зайцы отлично заменили их.

Заячи шкурки тоже не пропадали у нас даром: мы сберегали и сушили их; только с тех пор, как убили лося, натирали уже не солью, а салом. Это требовало гораз-

до большего труда, потому что нужно было натирать кожу до мягкости и в то же время стараться, чтобы она не пачкала. Сала у нас было много. Вася натопил его из лосиного жира и хранил в глиняном горшке. На нем он жарил зайцев. Бульон он выварил превосходно, хотя работал над ним целых два дня. Образовалась довольно густая масса. Вася разлил ее в небольшие глиняные чашки, и когда она затвердела, мы получили несколько фунтов отличного крепкого бульона. Мы на другой же день попробовали его, сварив небольшой кусок с луком и морковью.

— Теперь, — говорил Вася, с наслаждением хлебая своей неуклюжей деревянной ложкой, — можно будет поесть горячего зимой, а то все приходилось питаться сухим мясом и запивать водой.

Началась зима, пошли морозы, и мы поневоле должны были проводить большую часть времени в доме. Как дорог и уютен показался он нам теперь! Защищенные от ветра и стужи, мы могли наслаждаться теплом и светом, которые позволяли нам работать для удовлетворения наших еще очень многочисленных нужд. Занимаясь очень тяжелой работой на открытом воздухе, мы почти не замечали осеннего холода, но снег напомнил о том, что нам необходимы шубы. Шкуры двух волков уже высохли, и мы решили сделать из них себе по хорошему полушубку. Ни кроить, ни шить мы не умели, но нужда всему научит! Долго раздумывали мы, как приняться за дело, наконец Вася предложил взять за образец его казакинчик, который разостлал на полу, на шкуре. Кроить приходилось перочинным ножом, потому что у няни в ящике оказались только маленькие ножницы для вышивания. Резать ими шкуру — значило изломать их, а мы с Васей очень берегли свои вещи! Наконец, мы смастерили полушубок, тщательно выскоблив безволосую сторону шкуры. Три необходимые к нему пуговицы мы отпороли от моего сюртука, обшлага и ворот обшили заячьим мехом. Окончив его, мы радовались, хохотали и прыгали, как сумасшедшие. Второй полушубок дался нам легче. Шапки мы сделали из заячьего меха, шерстью наружу, а чтобы грубая невыделанная шкура не терла лоб, я пожертвовал своей жилеткой, из которой Вася вырезал подкладки. Легкие сюртуки наши сохранились довольно хорошо, потому что работать в них было жарко и приходилось снимать их. Мы повесили их на стену, намереваясь не надевать до самого лета. Но брюки и сапоги совсем износились. Пришлось шить и их из заячьих шкурок, но меха хватило только на одну пару, для меня. Мне было неловко, но Вася объявил, что моими лохмотьями он залатает свои брюки, так что они прослужат ему еще довольно долго, а до тех пор мы успеем еще наловить зайцев. Это меня несколько успокоило. Больших трудов стоили нам также сапоги. Мы выкроили их из лосиной шкуры, шерстью внутрь. Но кожа была так тверда и жестка, что пришлось делать их гораздо ниже колен, чтобы они не терли ногу при сгибании. Шить ее можно было не иначе, как сперва наколов дырочек столярным шилом. Сколько раз вспоминали мы няню и благодарили Бога, что мне пришла в голову мысль захватить ее рабочий ящик! Он дал нам возможность завести огород и обзавестись теплой одеждой. Занимаясь шитьем теплого платья, мы не забывали и о благоустройстве нашего жилья. Я сделал два стола, два стула и несколько полок. На одной из них мы разложили столярные инструменты, на другой разместили порох, дробь, пистоны и пули, а под нею повесили два ружья, пороховницы, дробницы, ягдташ, летнее

платье и шляпы. Остальные полки заняла глиняная посуда. Под самой крышей я вбил в стену два кола и на них положил несколько досок, заготовленных мною еще с лета для разных домашних поделок. Там они отлично просушились. Стружки и щепки, оставшиеся от работ, мы ежедневно подметали и сжигали в печке. Бульон стал нашим постоянным кушаньем. Я выстрогал новые ложки, потому что те, которыми мы сначала пользовались, были очень грубы. Деревянные вилки часто ломались, а потому в свободное время смастерил их около дюжины. Очень хотелось мне сработать шкаф, но для этого оказалось слишком мало материала, и пришлось отложить на будущее. Вася усердно трудился над посудой из глины, которую мы спрятали в сарай при первом появлении снега. Он вылепил еще несколько котлов, горшков, чашек и кружек и обжигал их в печке.

Снег в эту зиму выпал очень глубокий и доставлял нам немало хлопот. Мы все боялись, что он своей тяжестью раздавит крышу, а потому после снегопадов сбрасывали его вниз. Вокруг дома скоро образовались высокие сугробы, которые грозили совершенно погresti нас. Избавиться от них одними лопатами было невозможно. Тележка не годилась, потому что колеса глубоко врезались в снег и везти ее стоило непомерных усилий. Необходимо было сделать сани, и у нас не было годного для этого дерева. Мы оделись в свое меховое платье и пошли на поиски. Нам попадалось много глубоких следов волков, лосей, лисиц, но самых зверей мы не видели. Идти было очень трудно, мы беспрестанно проваливались или спотыкались за обломанные ветви деревьев, так гладко засыпанные снегом, что приметить их не было решительно никакой возможности. Такие мелкие неприятности повторялись часто и очень смешили нас. Наконец, у самого берега озера мы вырубili два молодых вяза, обчистили и с трудом дотащили их домой. На другое утро мы обтесали вязы с двух сторон, как можно глаже в тех концах, которые нужно было загнуть, сделали их гораздо тоньше, чем в остальных частях. Вася привязал к тонкому концу веревку, толстый упер в стену и принялся изо всей силы натягивать ее. Дерево поддалось и стало сгибаться. Чтобы оно снова не выпрямилось, мы привязали другой конец веревки к толстому комлю вяза, положили его на лежанку. Высохнув в согнутом положении, дерево навсегда сохраняет его. Затем мы занялись заготовкой второго полоза и обстругиваньем копыльев: на это ушла целая неделя.

Наконец полозья высохли, мы продолжили гнезда для копыльев, вколотили их, переплели заготовленным заранее молодым березняком, и сани наши были готовы. Мы поставили на них корзину и стали вывозить со двора и сваливать снег ниже дома.

— А то, — говорил предусмотрительный Вася, — весной он станет таять и вся вода потечет к нам в дом. Пожалуй, размочит еще стены.

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ

### Моя болезнь. Заботы Васи и его способ лечения. Выздоровление.

Эта работа не прошла для меня бесследно. Снег был очень глубокий и очень легко засыпался за мои низкие широкие голенища, таял от теплоты ног, и я скоро промок до колен. Оттаскивание саней требовало больших усилий, меня бросало в испарину, и я расстегивал полушубок. Вероятно, меня прохватило в это время холодным



ветром. Когда смеркалось, мы возвратились домой. Я почувствовал сильный озноб и головную боль. Вася уговорил меня не работать в этот вечер, уложил на лежанку и покрыл всем теплым, что только у нас нашлось. Я скоро согрелся, но озноб перешел в сильный жар, головная боль усилилась. С лета у нас остался небольшой запас сушеных ягод. Вася вспомнил, что в случаях сильной простуды заваривают сушеную малину, как чай, и дают ее пить больным.

Он тотчас же занялся приготовлением этого первобытного потогонного средства. Я выпил несколько кружек, но испарина не появлялась. Ухаживая за мной, бедный Вася совершенно выбился из сил, и я уговорил его лечь спать. Он долго не соглашался, наконец сказал:

— Хорошо, я лягу, только не на своей лежанке, а у вас в ногах. Если вам что-нибудь понадобится, толкните меня ногой — я сейчас же вскочу.

Когда он заснул, на меня напала невыразимая тоска. До сих пор все время мое было так наполнено насущными заботами и трудами, что я редко, да и то как-то мелко, вспоминал о родном доме, о матери, о сестрах, об отце. Теперь все они пришли мне на память — и мне казалось, что я способен отдать половину жизни, чтобы в эти минуты заботливо наклонилась ко мне мать, ласково заговорил со мной отец, или весело защебетали сестры.

Дома ко мне позвали бы доктора, а здесь за окном завывает ветер, и волки точно подтягивают ему, помогая петь какую-то замогильную песню. Вот до чего довела меня моя опрометчивость. Точно я тогда не мог сообразить,

что остров, на который буря выбросила Робинзона, совсем не то, что наш глухой сосновый лес. Там не было зимы, ему не приходилось возить на себе снег. Там не было ни одного дикого зверя, а водились только смиренные и полезные животные. Он мог почти не заботиться о своем пропитании — на деревьях росли для него все припасы. А мы-то: вечная работа, вечный страх умереть с голоду, вечное опасение попасть на ужин какому-нибудь серому волку!

Мне стало страшно и невыразимо жаль себя. Вася спал невозмутимо. Переменить лучину в светце было некому. Она догорела и потухла. Мне было душно, голова болела нестерпимо, мной окончательно овладела тоска: я принялся было плакать, но скоро впал в забытие.

Сколько времени продолжалось мое бессознательное состояние — я не знал. Когда я пришел в себя, Васи не было дома. Я от нечего делать стал осматривать наше жилище. Меня поразило множество мелких перемен: вокруг моей лежанки были сдвинуты два стола, оба стула, а в ногах торчали сани. Окно, свет которого падал мне прямо в глаза, было завешено. Перед дверью был натянута остаток лосиной шкуры. Я попробовал было приподняться, но почувствовал такую слабость, что принужден был снова опуститься на подушку.

Прошло довольно долгое время. Наконец я услышал шаги по снегу, затем какой-то странный стук у дверей, и через минуту из-за лосиной шкуры осторожно появилась фигура Васи. В руках у него был мертвый заяц, за спиной висело ружье.

— Вася, — заговорил я и сам удивился писклявости

своего голоса, — что это тебе вздумалось загородить меня, точно дикого зверя?

Услышав мой голос, он вздрогнул, швырнул в сторону зайца и опрометью бросился ко мне.

— Вы живы?! Ну, слава Богу! Теперь вы скоро будете здоровы! Господи, как я намучился! — говорил он, со слезами на глазах обнимая меня. — Лежите, лежите! Не хотите ли есть?

Я действительно был голоден. Вася дал мне кружку крепкого, горячего бульону, приподнял меня, чтобы я мог пить, и поправил подушку.

Делая все это, он рассказывал мне, что с того вечера, как я заболел, он не имел ни минуты покоя. Я разбудил его страшным плачем и криком. Я то несвязно и слезно просился домой, то начинал драться с волками, вскакивал с лежанки, размахивал руками. Ловить и укладывать меня снова на лежанку ему очень было трудно, потому что в бреду я был необыкновенно силен.

— Жалко мне вас было, и-и-и как! — рассказывал мой добрый товарищ, — но что поделаешь: пришлось связать руки и ноги простыней. Хорошо бы еще, кабы я мог постоянно сидеть с вами, — но ведь мне нужно было все делать одному: снег шел очень сильный — пришлось его скидывать с крыши, вышли все дрова — нужно было нарубить и навезти их; воду с озера приходилось возить одному; ну, тоже надо было и пищей раздобыться. Еще спасибо зайцам, что хорошо ловились. Один раз я ушел из дому, да видно плохо связал вас. Прихожу, а вы стоите возле окна босиком. Я так испугался, что совсем не знал, что делать: схватил вас в охапку и повалил на лежанку. Потом разогрел лосиного жиру, растер вас, особенно ноги, и обвязал их заячьими шкурами. С тех пор я выстлал пол возле вас мехом, а кругом загораживал всем, чем мог, а чтобы вам было тепло, и денно и нощно топил печку.

Я от души благодарил Васю за его заботу и спросил его, сколько времени мучил я его так.

— Разве вы мучили? Разве вы виноваты! — с досадой возразил он. — Ведь когда волк укусил меня за ногу — вы ходили за мной, мыли и перевязывали мне рану. Теперь случилась беда с вами, и я был бы подлец, если бы не берег вас. А сколько времени вы хворали — я не знаю. Сначала считал было, но как дошло до пяти дней, я и счет потерял. Кажется мне — недели три.

Продолжительный разговор с Васей утомил меня: мне захотелось спать, и я уснул, а он пошел рубить дрова.

Вася беспрестанно забегал домой узнать, не хочу ли я чего: пить или есть. Вечером, когда он совсем возвратился в дом, я опять принялся расспрашивать его о подробностях моей болезни.

— В лесу теперь очень страшно, — рассказывал он, — волки бегают целыми стаями и подходят к самому дому. Да вот, как вы поокрпнете — мы постреляем их, а за лето обкопаемся такой глубокой ямой, что они сами в нее попадутся. Выздоровляйте-ка поскорее, Сергей Александрович! — прибавил он, ласково и весело глядя на меня.

Я всей душой был бы рад исполнить совет Васи, но выздоровление шло довольно медленно. Когда силы мои восстановились настолько, что я мог встать с лежанки, Вася позволил мне ходить по комнате не иначе, как в полушубке и теплых сапогах. Он усердно кормил меня бульоном и жареными зайцами. Милый, добрый Вася: я уверен, что спасением моей жизни обязан тебе и твоему неусыпному уходу!

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

### Лыжи. Волки и лось. Приманка и бойня.

Вскоре я уже настолько окреп, что мог приняться за работу и выходить из дому, но Вася решительно объявил, что не выпустит меня до тех пор, пока я не сделаю себе лыжи — иначе ноги мои опять промокнут от засыпавшегося в голенища снега. Делать было нечего: я покорился и принялся мастерить лыжи. В толстой доске, аршина полтора в длину, я выдолбил углубление, тщательно обровнял низ, стараясь, чтобы лыжи вышли как можно глаже и тоньше. На эту работу ушло четыре дня.

Кроме того, я смастерил два копыя, наподобие лапландских, крепко привязав к длинным палкам острые ножи.

Между тем Вася успешно добывал зайцев. За время моей болезни он сделал еще несколько ящиков и расставлял их, подкладывая капусту, которой у нас было с избытком — около 50 кочанов. Каждый день он приносил по два-три пленника, сдирал с них шкуры, мясо замораживал, а внутренности старательно прятал в сарае. Я спросил его, зачем он сберегает вещи совершенно нам не нужные? Он хитро улыбнулся и сказал:

— Вот, как только вы станете совсем молодцом, — увидите, какую штуку я с ними сыграю.

Когда лыжи и копыя были готовы, мы стали выходить с Васей вместе, но вели себя очень осторожно. Пока один рубил дрова, осматривал ящики и вынимал оттуда зайцев, или наливал из проруби воду в котелки, которые мы устанавливали на сани, — другой стоял с заряженным ружьем, зорко вглядывался и чутко прислушивался. Следов волчьих, медвежьих, заячьих, лосиных и лисьих было пропасть, и нас очень удивляло, отчего волки, страдая так сильно от голода, никогда не трогали ящиков, под которыми часто бывали зайцы.

Однажды мы отправились осматривать ящики, по обыкновению, на лыжах, с ружьями за спиной и с копыями в руках. Вдруг недалеко от нас послышались шорох и треск ветвей. Мы быстро взобрались на толстую ель и стали наблюдать. Из чащи выскочили три волка, приподняли морды, понюхали воздух и бросились к одному из ящиков, который был виден и от нас. Сторожок упал, следовательно, под ящиком был заяц, чутье говорило об этом голодным волкам. Но, дойдя до ящика, они жалобно и злобно повыли, видимо, боясь приблизиться к нему, и опять скрылись в чаще.

Я хотел было выстрелить по одному из них, но Вася ухватился за ствол моего ружья и опустил его.

— Не стоит тратить заряда, — прошептал он, — если вам хочется шкур, то обождите. Я доставлю их вам хоть дюжину.

Я с некоторым сомнением отнесся к обещанию Васи, но покорился, тем более, что волки уже скрылись из виду.

В другой раз нам удалось быть свидетелями страшной, но чрезвычайно интересной сцены. У нас кончилась вода, пришлось ехать за ней перед вечером. Только мы спустились к озеру, как с противоположной стороны его, из лесу, показался огромный лось, следом за ним на снежную равнину вынеслись штук двенадцать волков. Лось вообще бежит поразительно быстро, но сейчас под ним была не твердая земля, а глубокий снег. Ноги лоса легко проваливались в рыхлую массу, что очень затрудняло и замедляло его движение. На середине озера волк, опередивший других, ловко схватил его за горло. Но лось взвился на дыбы и дал смельчаку такого сильного пинка,



что он глухо завыл и отлетел далеко в сторону. Все это продолжалось с минуту, но ее было достаточно, чтобы остальные успели настигнуть жертву и с бешенством броситься ей на спину. Несчастный великан попробовал было кататься по снегу, рассчитывая, вероятно, раздавить врагов тяжестью своего громадного тела, но только он падал, волки быстро отпрыгивали и начинали терзать его грудь и брюхо, ловко избегая ударов его передних ног. Наконец бедняга изнемог и сдался, не издав ни малейшего звука. Волки с отвратительным зверством принялись раздирать и пожирать горячее, кровавое тело лося.

Едва завидев лося и волков на озере, мы взобрались на дерево. Я сидел, как окаменелый, не в силах отвести глаз от страшной борьбы, но когда волки победили и принялись праздновать победу, я поневоле с отвращением отвернулся и зажмурился. Наконец, когда волки увлеклись уничтожением своей жертвы, мы тихо слезли на землю, надели лыжи и быстро понеслись к дому, махнув рукой на котелки и сани.

Как только мы вошли к себе и заперли дверь, Вася дал волю обуревавшему его бешенству, он то вспоминал самые отвратительные моменты неравной борьбы, только что виденной нами, то страшно грозил волкам. Наконец, несколько успокоившись, он снял лосиную шкуру с дверей, потом отыскал на полке несколько крепких гвоздей и вколотил их в притвор и в дверь. Он попросил меня взять ружье и проводить его до сарая. Там он собрал все внутренности зайцев, принес к дому и разбросал около двери. Затем он взял веревку, приотворил дверь ровно настолько, чтобы в нее не мог проскочить волк, и крепко привязал ее в таком положении.

— Теперь, пока сыты, они улягутся отдыхать в чаше, а ночью опять проголодаются. Заячий запах приманит их сюда, а мы их угостим! Сегодня, верно, нам спать уже

не придется. Ну, да я готов хоть неделю не ложиться, чтобы только насолить этим косматым разбойникам. Ведь какие злющие! Как они лося-то разбирали! Смотреть гадко! А вот за этим пусть попробуют протянуть сюда свою морду, — прибавил он, кладя в нескольких верхках от двери, на полу комнаты, кусок жареного зайца, оставшегося от обеда.

— Я давно уже это задумал, — продолжал он. — Теперь нужно зарядить ружья и наточить наши копыя. Когда придут волки, я стану впереди, а вы сзади, на стуле. Пока они едят заячьи потроха возле двери, нужно разозлить их, покалывая копыями. Они станут бросаться в эту щелку, но к нам им не проскочить, а мы можем набить их, сколько вздумается.

Когда мы окончили свои приготовления, было уже очень поздно: меня сильно клонило ко сну. Вдруг возле двери захрустел снег, точно по нему бежало несколько собак. Вася вкопал с лежанки, схватил копые и махнул мне. Сон мой совершенно прошел. Я взял копые, влез на стул и нагнулся над Васей. За дверью были те же двенадцать волков, за которыми мы наблюдали на озере. Они жадно поедали разбросанные Васей приманки и злобно ворчали друг на друга. Один из них просунул морду в щель, собираясь схватить кусок жареного зайца, но Вася так ловко и сильно ударил его копыем по затылку, что он страшно завыл и упал в конвульсиях. Я думал, что это остановит других волков, но ничуть не бывало — они бешено бросились пожирать убитого товарища.

— Я подтащу его копыем к щели, — быстро зашептал Вася, — они станут открывать пасти, чтобы схватить его,



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Еще лось. «Рыбий дух». Стирка. Бук. Ледник. Вешние воды. Блок и ворот.

а вы только не зевайте, старайтесь попадать копьём прямо в глотку.

Я изо всех сил старался выполнять его совет. Двум волкам я очень удачно разрезал глотки, но третьему воткнул копьё так глубоко, что у меня не хватало силы вытащить его. Мне помог Вася. Звери с бешенством бросались к щели, а мы убивали их одного за другим. Наконец, когда пало девять наших врагов, а остальные три старались пожрать их, Вася начал распутывать веревку у дверей.

— Возьмите ружье, — сказал он, — и подайте мне мое. Как только я отворю дверь, стреляйте. Двух положим на месте, а третий, если не убежит, то бояться нечего: ведь у нас заряжены оба ствола.

Он развязал веревку, взял ружье и толкнул дверь. Я никогда в жизни не забуду картины, которую увидел в ту минуту. Многие волки были еще живы и старались приподняться на ноги. Но те, которые не были ранены, с непонятной жестокостью мешали им встать, стараясь окончательно добить их. Я с отвращением выстрелил в одного из волков, который запустил зубы в шею своего полумертвого товарища. Весь заряд засел у него в ухе, и он упал. Вася смертельно ранил другого. Но в эту минуту третий волк одним прыжком оказался в избе. Должно быть, запах крови, вид такой богатой добычи и страх, что у него отнимут ее, окончательно остервенил голодного лесного разбойника. Я соскочил со стула и выстрелил в него, но промахнулся. Вася сорвал со стены топор, изловчился и размозил ему голову.

Когда опасность миновала, я почувствовал страшную усталость, и забыв, что дверь наша отперта, что могут прибежать другие волки, опустился на лежанку.

— Сергей Александрович! — крикнул Вася. — Что ж вы легли? Помогите мне поскорее втащить волков в избу, не то возле двери опять соберется стая побольше этой, а мы устали да и не приготовились их встретить.

Я встал, и мы быстро перетаскали волков в избу.

— Теперь, если хотите, ложитесь, я стану сдирать шкуры, — сказал Вася, — а завтра накидаем их на сани и оттащим подальше от дому.

Лечь, пока работал Вася, мне было очень совестно. Я помог ему снять шкуры с двух зверей, но дольше не выдержал и лег спать.

С раннего утра мы занялись противной, но необходимой работой — обдиркой и приготовлением шкур к просушке. Обданных волков мы оттащили на саних подальше от дома.

Вася был очень доволен, что ему удалось уничтожить больше десятка волков, которых он просто ненавидел.

— Ведь нет у нас зверя хуже этого разбойника, — толковал он мне. — Пользы от него нет никакой. Сколько лошадей, коров, телят, овец, гусей зарежет он летом! Я особенно не взлюбил их с тех пор, как они съели лошадь у одного бедного мужика. Она была единственной помощницей и кормилицей его семьи. Я видел, как он плакал. Большой, сильный, бородастый, а плачет как малый ребенок. Видно, горько было. Только вспомню — зло разбирает.

И Вася сильно рванул шкуру, натягивая ее на распорку.

Остальная часть зимы прошла довольно тихо и однообразно. Запомнился случай, когда мы настигли очень молодого лося в рыхлом снегу и убили его. Большого труда стоило нам притащить его домой, но мы так боялись волков, что справились в один день. Зато мы долго питались превосходным жарким, обзавелись порядочным количеством сухого бульону и отличной шкурой. Вообще к концу зимы мы стали очень богаты мехами волков и в особенности зайцев и белок.

Однажды мы пошли на озеро за водою и увидели, что за ночь прорубь замерзла и ее замело снегом. Пришлось вернуться за топором и лопатой. Через полчаса работы мы расчистили довольно большой круг от снега и сделали прорубь. Каково же было мое удивление, когда из воды на лед так и ринулась рыба. Тут были и ерши, и плотицы, и окуни и даже крупные лещи и лини. Я сначала испугался и отпрыгнул назад от неожиданности.

— Все это славно! Вот это уж совсем на руку таким убогим дикарям, как мы! — кричал между тем Вася, руками и ногами отбрасывая рыбу подальше от проруби. — Да что же вы! — крикнул он на меня, — ловите же, коли Бог посылает!

Я тоже начал хватать рыбу. Побившись на снегу, она засыпала и замерзала. Через час на льду образовалась гряда свежей рыбы.

— Теперь пойдем домой за корзинами! — объявил Вася. Поднимаясь с ним на гору, я опять спросил его, что означает эта фантазия рыбы выпрыгивать из воды на явную смерть.

— Это рыбий дух. Когда осенью заморозки не круты и лед на озерах еще тонок, да вдруг падает глубокий снег, то лед-то под ним гнется и жмет на воду. Рыбе становится тесно и душно. Как она где зачует прорубь, так сейчас и летит туда гурьбой и выскакивает. А эти дни, сами видели, какие снега валили.

Мы три раза спускались к озеру и возвращались, неся по полной корзине, а потом тотчас же принялись потрошить и чистить рыбу. Из мелочи мы сварили уху, а остальную высушили в очень горячей печке. Благодаря «рыбному духу» мы немного разнообразили свой стол.

Боясь волков и простуды, мы редко выходили из дому без крайней необходимости. Зато появилось время на домашние заботы и подготовку к весенним и летним работам. Так, например, мы сделали дверь и амбразуру для ледника и несколько новых лопат.

Особые огорчения приносила нам стирка белья. Мы пробовали усердно полоскать его в озере, или отмыть в горшке с горячей водой, но из этого выходило очень мало толку: он выглядело очень непривлекательно. Наконец Вася вспомнил, что крестьяне делают щелок и в нем стирают свое белье, но для этого нужно корыто. Пользуясь свободным временем, я с помощью Васи выдолбил большое корыто, сварил в железном котле щелок из березовой золы и перестирал белье. Утюга у нас не было, но Вася сделал круглый валец, на него мы наворачивали белье и прокатывали по столу под тяжелой доской. Первая довольно чистая и гладкая рубашка произвела на меня очень приятное впечатление.

Дверь из нашей единственной комнаты отворялась прямо на двор, и это имело двойное неудобство: во-пер-

вых, из нее дуло, а во-вторых, очень часто, когда один из нас работал при лучине, а другой входил или выходил, то огонь погасал от сквозняка. Поэтому мы порешили летом пристроить сени.

— Сколько лесу-то нам будет нужно! — восклицал Вася. — Надо построить сени и ледник, докончить часток, выстлать стенки рва! Знаете, полно нам бояться волков и медведей, будем брать с собою ружья, копыя и топоры и давайте рубить и свозить лес теперь же. На санях сделать это гораздо легче, чем носить его на плечах. Как начнем сильно стучать топорами, так звери перепугаются и разбегутся подальше.

Я согласился, и с этого времени мы каждый день привозили домой воза два-три кольев.

А между тем зима шла к концу. Чаще и теплее за светило солнце, веселее запели птицы, прекратились снегопады. В воздухе запахло весной.

— Тяжелая работа будет нам с ледником, — сказал однажды Вася, — а делать нечего: придется его непременно устроить, а то летом пропадешь с голоду. Ужасно портится все от тепла.

На другой день мы раскрыли яму, которую заготовили еще с осени, потом взяли сани, лопаты, топоры и спустились к озеру. Расчистив снег на довольно большом пространстве, мы принялись рубить лед. Тяжелые глыбы, какими обыкновенно набивают ледники, оказались нам не под силу — пришлось откалывать небольшие квадратные льдины. Положив на сани куска четыре, мы со страшными усилиями тащили их до ледника. Не легче было и опустить лед в яму. Вася спускался в нее по лестнице, а я обвязывал льдину веревкой, опускал ее к нему. Вася старался уложить их как можно плотнее, а промежутки мы забивали снегом, который от давления также обращался в лед. Десять дней прошло, пока мы, наконец, набили ледник, насыпали на него целую гору снега и закрыли толстым слоем еловой чащи.

С каждым днем становилось все теплее и теплее. Снег на вершине стал таять, а вода начала сбегать с нее небольшими ручейками. Весна была еще в самом начале, но позднее эти ручейки должны были обратиться в довольно сильные потоки, которые могли подмыть наше жилье. Мы уже заметили, что земляной пол стал как-то сырее. Вася пошел осмотреть и исследовать, в чем было дело. Он вернулся домой очень невеселый.

— Думалось, что полно работать вместо лошади, а, видно, нам никогда от этого не избавиться. Только мы отвозили лес, пришлось таскать лед; кончили со льдом, принимайся за снег! Если мы не свезем снег с высокой стороны двора и не обкопаем канавой от горы, то наши стены пропали. Упускать времени нельзя: нужно сейчас же приниматься за дело.

Он обошел дом кругом, стараясь оставить на снегу голубые, заметные следы.

— Вот какой длины канаву нужно нам вырыть не только в снегу, но и в земле, — угрюмо сказал он, — а не то — пропали все труды наши. Рыть ее можно не особенно глубоко. Вода, как найдет русло, так сама промоет сколько ей нужно.

Работу мы начали сверху, чтобы поскорее перехватить воду канавой. Расчистив довольно широкую дорогу в снегу, стали рыть канаву в замерзшей почве. Я предложил складывать выкопанную землю ближе к стене, чтобы получился еще невысокий вал, ограждавший нас от воды. В неделю, работая почти безостановочно, мы обрыли свое жилье и двор довольно глубокой канавкой,

имевшей форму подковы. Те ручьи, которые стремились с вершины к нашей избушке, изливались теперь в канаву и по ее руслу неслись вниз, стекаясь в общий поток далеко ниже нашего двора.

Окончив с канавой, мы принялись вывозить снег со двора. Мы так были заняты сначала лесом, потом льдом, а теперь снегом на дворе, что совершенно забыли скидать с крыши довольно толстый слой снега. Мы спохватились только тогда, когда однажды за обедом мне в тарелку упало несколько капель воды. Мы оба очень огорчились — кроме всех работ, еще переделывать крышу.

— Боже мой! — думалось мне. — Неужели мы никогда не избавимся от необходимости не переставая работать, чтобы хоть таким жалким образом сохранить свою жизнь!

Вася решительно встал из-за стола, пошел на двор, приставил лестницу к крыше, влез на нее и быстро стал скидывать снег. Я стоял внизу с санями и корзиной и едва успевал подбирать его. Никогда еще не работали мы так усердно и поспешно. В какие-нибудь два часа мы очистили крышу и двор. Вася, продолжая молчать, слез на землю, взял топор и пошел к леднику. Я поспешил за ним. В этот день мы успели вбить остальные колья для стен и даже заплести несколько венцов плетня. Мы окончили бы ледник в какие-то пять дней, но земля еще не оттаяла, а она была нужна нам, чтобы засыпать стены. Я предложил продолжать копать начатый прошлым летом ров за частоколом и землю засыпать в стены ледника.

— Все это так, — сказал Вася, — со стенами мы, конечно, справимся! Но я думаю теперь, как мы будем копать ров? Ведь надо, чтобы он нас ограждал от волков и медведей, а для этого он должен быть очень глубок — аршина в три. Поначалу можно выбрасывать землю лопатой, а зароешься глубоко, как тогда? Неужто носить ее в корзинах за спиной по лестнице? Ведь этак его ввек не выраешь! И знаете, что я надумал? Нужно нам сделать блок и ворот, как у рыбаков на челнах. Жаль, что нет у нас железной толстой палки, ну, да ничего, — и так справимся!

Я признался Васе, что не имею никакого понятия о вороте, но он просил меня только помочь ему. На обрезке толстой доски Вася нарисовал небольшой, верхков шести в диаметре круг, в центре наметил дырку и просил меня обилить и просверлить его, а сам с топором пошел в лес.

Я не успел еще окончить работу, как он явился, неся на плечах пару бревнышек, аршина по два в длину. Он бросил их на землю и стал обтесывать с двух сторон. Сделав колесо, я пришел к нему на помощь. Шепки от топоров так и летели во все стороны!

В середине обтесанных плах мы выдолбили глубокие гнезда. Для стоек нам потребовались две толстые и длинные доски. Их у нас не было, поэтому пришлось пожертвовать одной из лавок, в избе которые мы смастерили еще осенью.

На одних концах стоек Вася вырезал шипы, подогнав их под размеры гнезд. На других мы просверлили отверстия для вала, приспособив под него крепкий, прямой, хорошо очищенный от сучьев и коры ствол молодой сосны.

На вал Вася надел подготовленный мною блок, на котором я, по его указанию, вырезал стамеской желобок для веревки. Мы долго добивались того, чтобы блок свободно вращался на валу, затем накрепко закрепили вал в гнездах стоек, а их нижние концы забили в отверстия на плахах. Таким образом у нас получилось сооружение

в виде большой буквы «П», опирающееся на две массивные плахи. Чтобы надежнее укрепить стойки, нам пришлось сделать укосы. Вместо гвоздей мы, руководствуясь прошлым опытом, использовали деревянные колышки, окуная их в чистую смолу.

Когда все было сделано, Вася перекинул через блок веревку, зацепил один конец ее за довольно толстое бревно, а за другой стал тянуть книзу. Бревно со скрипом поднялось до самого блока. Надо было видеть сияющую физиономию Васи! Кажется, этот пронзительный, неприятный скрип нравился ему больше самой лучшей музыки.

— Вот так и будем поднимать корзины с землей из ямы, — объяснял он.

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

### Мы продолжаем улучшать свое хозяйство.

Вообще лето было для нас временем постоянной и спешной работы и весьма полезных и интересных открытий, изобретений и наблюдений. Работа, правда, утомляла нас, но все-таки шла легче и успешнее, чем в прошлом году, потому что мы оба выросли, окрепли и путем опыта и частых упражнений достигали некоторого навыка и сноровки. Кроме того, мы освоились с лесом и его обитателями, поняли, что если, с одной стороны, у нас было много врагов и нужд, то, с другой, стоило только хорошенько призадуматься и повнимательнее присмотреться к окружающей природе, чтобы в ней же найти средство спастись от одних и удовлетворить другие.

Я уже говорил, что прошлогодние огородные посевы наши были очень малы, и мы решили увеличить их. Я не знал, как собрать семена с капусты, свеклы, моркови, репы и редьки. Раньше я не задумывался, откуда берутся семена. Я спросил об этом Васю. Ему, видимо, льстила возможность поучать меня, которого он, до нашего переселения в лес, считал чуть ли не самым сведущим человеком на свете.

— Дивно это мне, Сергей Александрович, — важно заговорил он, — ведь сколько вас, господ, учат! Вы и читать, и писать знаете, и по немецкому, и по французскому понимаете и про всякого китайца расскажете, как по писаному, а не знаете, как от капусты семена идут. А отчего? Оттого, что нет у вас привычки присмотреться, как кто и что делает, как что растет. Знать, все на книжку, да на чужой ум полагаетесь! Книжка дело хорошее, кто ж об этом говорит, а если около нее и свой глаз, да своя смекалка не дремлют, так выйдет гораздо лучше. Ведь жили мы с вами в одном селе. Огородник мой дядя родной, я весной от него не отходил, да и осенью возле вертелся, вот теперь и знаю, где у капусты семена. А вы, бывало, придете, только гороху да огурцов нарвете, да меду попросите, а на то, что он делает, и не посмотрите.

Я был очень сконфужен хотя и внезапной, но весьма справедливой нотацией Васи и сильно покраснел. Он заметил это, и ему, вероятно, стало жаль меня.

Вася объяснил мне, что капуста за один год не даст семян. Для того, чтобы получить их, следует выбрать лучший кочан, тщательно ухаживать за ним и осенью, до начала морозов, не срезать его, как обыкновенно делают со всеми остальными: а выкопать с корнем, пересадить в ящик с землей и на зиму поставить в теплое место. Весной такие кочаны опять высаживают на гряды и оставляют там до осени. Кочан пустит высокие побеги, вовсе не похожие на капустные листья, а осенью на них

окажутся семена. Сеют их не прямо на грядках, а самой ранней весной сажают семена в ящики с землей. Там они прорастают, и только когда станет совершенно тепло, их пересаживают на гряды.

Прошлой осенью мы так и поступили, а теперь снова высадили несколько кочанов обратно на гряды. Зная, что через год у нас будут уже свои семена, мы решили затратить на посев все оставшиеся у нас, для этого необходимо было увеличить число гряд.

Опять пришлось возить черную землю от озера на себе. Эта работа была гораздо скучнее и утомительнее всех остальных. Мы исполняли ее очень неохотно. Наконец, однажды, сильно утомаясь тащить тележку с землей на гору, мы остановились отдохнуть.

— Это просто несносно! — воскликнул Вася. — Я готов делать, что хочешь, только не работать по-лошадиному! Этот год я уж, так и быть, доработаю, а на будущей заведу такую лошадь, на какой давно никто не ездил.

— Это какую-же? — спросил я насмешливо и печально, — локомотив сделаешь или дикого волка впряжешь?

— Нет, не волка, а лося, — ответил Вася задорно. — Мне рассказывал отец, что у вашего прадедушки был ручной лось, и его впрягали в сани.

— Будто ты, Вася, посмел бы сесть на впряженного лося? Да и, наконец, чем мы его будем кормить зимой и чем впрягать, — ведь у нас нет ни хомута, ни веревок.

— Было бы кого кормить и впрягать, а чем — найдется, — ответил он коротко и опять повез тележку на гору.

На огороде мы проработали недели две. В один из дней нам было как-то особенно жарко и беспрестанно хотелось пить, поэтому мы принесли на огород котелок с водой и кружку. Я начал пить и нашел, что вода не особенно вкусна. Мне очень взгрустнулось о домашнем квасе.

— Хорошо бы выпить теперь квасу, Вася! — сказала я.

— Нет муки, нет и квасу, а питье устроить теперь очень легко, — ответил он, — надо затеять соковицу.

Я даже хлопнул себя по лбу: как это до сих пор мне не пришла на память моя любимая весенняя забава!

Я побежал домой, захватил три глубоких глиняных чашки, небольшую тряпочку, три лучинки, топор и спустился к озеру. Выбрав не особенно молодые березы, я сделал в стволах довольно глубокие косые надрубы, вколотил в них по лучинке, вырезал ножом из тряпочки треугольники и развесил их так, что основания треугольников приходились на концы лучинок, а вершины свешивались над серединами чашек. Скоро в надрубках показались крупные капли сока. Они сбегали по наклонной плоскости лучинок, впитывались в треугольные тряпочки и с их угла капали в чашки. Через несколько часов у нас было очень вкусное, прохладное и сладкое питье.

Окончив с огородом, мы опять принялись за ров. Одна треть его была уже готова. Блок наш вращался довольно трудно и с сильным скрипом, который уже перестал так нравиться Васе, потому что, вместе с этим звуком перетиралась ось его изобретения. Мы пробовали смазывать ось лосиным салом, но это представляло для нас слишком чувствительный расход, да и сало скоро стиралось. Наконец однажды, когда я тянул корзину с землей, ось переломилась, корзина полетела обратно в ров, а я повалился на спину.

— Не одна беда, так другая! — кричал Вася, вылезая из ямы. — Нет! Видно, хочешь-не хочешь, а придется гнать деготь! Пока вы чините машину, я его сделаю...

Приготовив два больших котла, он сделал из глины круг с дыркой посередине и обжег его. Затем вырыл яму, вставил в нее один из котлов и накрыл глиняным кругом с дыркой. Другой котел он крепко набил до краев берестой и осторожно поставил его вверх дном на глиняный круг. Чтобы в котел не попадал воздух, он замазал щели глиной. Вася обложил котлы хворостом, прибавил туда несколько поленьев дров и зажег. Огонь он поддерживал целые сутки. Потом потушил его, дал остыть котлам, отбил глиняную обмазку и открыл их. В нижнем оказался отличный деготь, и Вася остался совершенно доволен.

Все эти хлопоты заняли четверо суток. Я давно уже окончил свою починку, и, так как Вася не хотел приниматься за ров, пока не смажет ось дегтем, то, чтобы не терять времени, спускался каждый день к озеру, рубил липы и снимал с них кору. Мне очень не нравилось, что кора, как только я снимал ее с дерева, свертывалась в трубки: я пытался подложить их под гнет из досок и камней, но тогда некоторые из них полопались и изломались. Чтобы избежать этого, я стал сначала мочить лубы в воде и потом уже выпрямлять, просушивая под грузом.

Когда мы снова принялись за ров, оказалось, что корзина, в которой мы подымали землю, обветшала и могла скоро развалиться. Копать землю целый день было слишком утомительно, единственным отдыхом, который мы себе позволяли, была поливка и прополка в огороде, завтрак и обед, но этого было мало: поэтому мы решили, что около полудня, когда становится очень жарко, будем ходить к озеру сдирать лудья или резать лозу для корзины, плести которые предполагалось вечером. Поэтому мы стали часто ходить на озеро и опять принялись за ловлю уток. Однажды мы зашли дальше обыкновенного в такую местность, где до сих пор еще не бывали, и вдруг очутились на довольно большом лугу, поросшем прекрасной, сочной травой.

— Вот где сено! — невольно воскликнул я. — Просто жаль, что у нас нет коровы.

— Хоть коровы у нас и нет, а сено косить все-таки придется, — ответил Вася. — А чем же мы лося-то зимой кормить будем?

— Значит, он не шутил, — подумалось мне.

— Вот и новая работа по вечерам! Нужно делать грабли да придумать косу, — продолжал Вася.

Он ступил было на заманчивую мураву луга, но ноги его так глубоко ушли в топь, что я должен был помочь ему выбраться оттуда.

— Вот тебе и сено! Значит, скосить его нельзя, — печально сказал он, отряхивая с сапог лишнюю грязь.

— А я думаю, что все-таки можно, — ответил я. — Летом топь, может быть, просохнет, а если даже и нет, то ведь ходили же мы с тобой по снегу на лыжах, попробуем и здесь.

— Умно сказано! — одобрительно кивнул Вася. — Однако пора нам уж домой. Пойдемте берегом.

Мы возвращались, весело разговаривая о предстоящих работах. Вдруг из-под самых моих ног шумно сорвалась утка. Это было так неожиданно, что я вздрогнул и остановился.

— Это утка, а не селезень, — сказал Вася, когда птица опустилась в тростник недалеко от нас. — Здесь должно быть где-то гнездо с яйцами, оттого она и села так близко. Поищемте-ка. Уж ведь больше года, как мы не вели яиц. Только прячут они их мастерски! — ворчал

он, осторожно разводя руками высокую болотную траву. Я также нагнулся и стал искать.

Через несколько минут мы, действительно, нашли на сухой кочке, под густым кустом, утиное гнездо. Оно было сделано из сухих веток, листьев и болотной травы, а в середине выстлано пухом. В этом простом хранилище лежало двенадцать яиц.

Мне было жаль лишать бедную утку всей кладки, и я уговорил Васю взять только пять. После этого случая мы часто лакомились утиными яйцами, а впоследствии ловили и жарили утят. Мы уже не боялись, что избыток провизии испортится: у нас был ледник, в котором все сохранялось очень долго.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ





# ЖЕЛТЫЙ КЛАДКА

Александр БОЛЬНЫХ

Повесть

Рисунки  
Константина Комардина

Ветер гнал тучи, постоянно готовые опрокинуть на путников мелкий холодный и оттого особенно противный дождь. Одежда не просыхала, ведь солнце почти перестало греть, хотя теперь уходило с синевато-серого неба совсем ненадолго. Дни стали ощутимо длиннее, а ночи светлее и короче.

Из многочисленных ям поднимались быстро таявшие в воздухе клубы фиолетового дыма или пара, едкого и горького. Когда порывы ветра выносили его на дорогу, люди кашляли и чихали.

— Ну и мерзость! — с чувством сказал Александр, когда их накрыло особенно большое облако.

— Это делишки грифонов, — с внезапной ожесточенностью бросил леший. — Посмотри вокруг! Что они сотворили с этой землей!

— Но где они сами? — поинтересовался Александр.

— А что им здесь делать?! — вконец озлился леший. — Из этой земли они вычерпали все, что могли. Все золото, все самоцветы. Изгадили ее и запакостили... И отправились дальше.

— Мы их увидим?

— Не торопись. Я не думаю, что встреча доставит тебе хоть малое удовольствие.

Плохо стало с водой. Скапливающиеся в бесчисленных ямах лужицы и озера были сплошь покрыты радужной маслянистой пленкой, вода в них была просто омерзительна на вкус. Но Гремислав не давал даже прикоснуться к заветной фляжке с родниковой водой, висевшей у него на поясе.

— Она еще понадобится нам, — твердо пресек он робкие поползновения Александра.

Так прошли три дня.

На четвертое утро они увидели первого грифона.

Обглоданный, без единой травинки, каменистый холм был увенчан высоким и толстым четырехгранным гранитным столбом. Красный гранит резко выде-

лялся на фоне блекло-серого известняка. Александр сразу обратил на него внимание, но черный силуэт, венчавший столб, принял за поставленную неведомо кем статую. Дорога привела их к подножию холма, и лишь здесь он понял свою ошибку. Это был грифон.

Подъехав поближе, путники ощутили неприятное давление, какое-то странное чувство, словно невидимая паутина опутывала руки и ноги, мешая двигаться. Заартачились кони. Они жалобно ржали, упирались. То и дело понукаемые всадниками, с трудом продвигались вперед, на каждом шагу спотыкались.

Когда путники поднялись на холм к самому столбу, грифон взмахнул крыльями и слетел на дорогу. Размерами он действительно не уступал льву, и туловище его было совершенно львиным. Но шея и голова были покрыты перьями, как ожидал Александр, а блестящей зеленой чешуей. Чешуйчатыми были и мощные крылья. Вид грифона показался Александру довольно отталкивающим, веяло от зверюги чем-то доисторическим и кошмарным.

Тусклые серые глаза пристально уставились на путников. Александр с легким замешательством обнаружил, что руки окончательно отказывались ему повиноваться. Гром невольно попятился. Грифон открыл большой крючковатый клюв и хрипло каркнул, словно гигантская ворона. Потом каркнул еще раз и вдруг гортанным голосом спросил:

— Что привезли менять? И наверняка опять дорого?

— Мы ничего не привезли, — возразил Гремислав.

— Вы хотите, чтобы я сбавил цену? Напрасно, я не уступлю.

— Мы не собираемся торговать.

— Лжете. Все едут сюда торговать.

— Но мы не торговцы, — вмешался Александр.

— Опять врешь. Зря. Я не сбавлю ни гроша.

— Глухой пень! — в сердцах рявкнул Гремислав. — Разве мы похожи на купцов?

— Зачем тогда вы явились сюда? — Грифон. — Скло-

Окончание. Начало в № 10

нил голову набок, внимательно разглядывая путников.— У нас только торгуют. Или вы намерены что-нибудь украсть?— Свинцовый глаз засветился красным. Александра обдало жаром.— Не получится!— В горле грифона заклокотало.

— Он же нас не слушает,— шепнул Александр Гремиславу.

— Сговариваетесь?!— Грифон припал к земле, расправил крылья и вытянул шею.— Я вас убью! Воры! Вы не получите моего золота!— Он пронзительно зашипел по-змеиному.— Я сейчас позову своих мантикор! Ваши кости останутся лежать в ямах вместе с костями других охотников за моим золотом!

Гремислав медленно достал из ножен саблю. Лезвие странно засверкало, хотя солнце скрылось за тяжелыми обложными тучами. Грифон несколько смутился.

— Если бы ты не помешал нам, мы просто проехали бы мимо,— скучно сказал Гремислав.— Нам нет дела ни до тебя, ни до твоего проклятого золота. Нас вообще не интересуют все золото мира... Прочь с дороги, поганая тварь! Убирайся в свою зловонную яму! Я уже путешествовал в этих краях, и меня здесь должны отлично помнить!

Грифон сложил крылья и сел нормально.

— Это ты, князь Гремислав? Я не узнал тебя. Мне показалось, что кто-то хочет подобраться к моему золоту.

— Жадность спит тебе глаза.

— Не жадность, а бережливость,— обиделся грифон.

— Ты все еще хочешь помешать нам?

— Нет.— И после маленькой заминки грифон с сомнением спросил.— Так вы и вправду не собираетесь ничего продавать? А то у меня много золота.

— Нет, я же сказал тебе! Мы идем к Железной Горе.

Глаза грифона вновь покраснели.

— Странные времена. Уже много веков люди не вспоминали про нее. Со времен Искандера-зуль-Карнайна. И вдруг один за другим... Еще вчера по этой дороге туда же ехали всадники.— При этих словах Александр насторожился. Кто бы это мог быть?— Один из них хотел украсть мое золото, и я убил его. Я убил бы и остальных, но они откупились золотом и драгоценностями. Потом появился купец. Он приобрел у меня немного золота, но не вернулся, а почему-то тоже двинулся дальше. Сегодня вы... Странные времена.

— Послушай,— обратился вдруг Александр к грифону,— зачем тебе золото?

— Чтобы купить товары.

— А товары?

— Чтобы нанять новых мантикор.

— Мерзкие твари, как я полагаю...

— ...добывают новое золото.

— Добывать, чтобы добывать?

— Совершенно верно,— величаво кивнул грифон.—

Вам не понять сокровенного смысла добывания.

Александру наскучил бессмысленный разговор, и он чуть выдвинул саблю из ножен.

— Довольно, прочь с дороги!— бросил он.

Грифон дернулся было, но, видя двух воинов, готовых к отпору, сник, втянул голову в плечи и шмыгнул прочь. Он уже не посмел взгромоздиться на столб и теперь робко выглядывал из-за него.

— Очень странный мир,— вздохнул Александр.—

Все, что я читал о грифонах, не дает и малейшего представления о повадках этих зверей. Мне они казались чистыми и благородными, пусть и хищниками. А здесь... Даже не поймешь: не то меняла, не то рабовладелец... И также впервые я слышу о мантикорах, которых приманивают товарами.

— Мало ли на свете чудес,— уклончиво заметил Гремислав.— Тебя ждет еще много сюрпризов.—

Потом встревоженно добавил:— Мы должны догнать Ослепительного раньше, чем он достигнет Железной Горы! Соединившись со стражей Желтого Колокола, призвав на помощь Гога и Магога, он соберет немалые силы. Нам будет крайне трудно прорубить дорогу к Колоколу.

— Вперед!— воскликнул Александр.

И они помчались по дороге.

Как сообщил леший, это была последняя ночевка. К исходу следующего дня они выйдут на берег океана, потом еще немного проедут на восход и доберутся до цели путешествия— Железной Горы.

Александр задумался, глядя на хилое пламя небольшого костерка. Несмотря на все старания, им так и не удалось догнать степняков. Зорковид подтвердил, что два отряда всадников соединились. Конечно, Гром и Сильный— отличные ходоки, но Ослепительный взял с собой много подменных лошадей, а кони витязей уставали. Какая встреча уготована им завтра?

Древолюб поманил к себе филина.

— Сейчас везде ночь, что ты видишь?

Похоже, его донимали те же мысли.

Филин наклонился, распустил крылья. Его глаза сверкнули золотыми искрами. Он торопливо защелкал клювом. Выслушав птицу, леший перевел:

— Он говорит, что на Железной Горе стоит вооруженная стража. Басурманы развели костры и караулят нас день и ночь. Ослепительный тоже там.

Гремислав почернел.

— Наконец я встречу того, кто мне нужен!

— Но ведь наша задача— уничтожить Колокол,— осторожно возразил Александр.— И может, стоит попытаться пробраться к нему тайком, не ввязываясь в бой с неизвестным исходом?

— Молчи, чужак!— резко оборвал его Гремислав, но тут же спохватился:— Извини. Конечно, мы должны разбить его. Однако я не могу пренебречь священной обязанностью мстить.

— Я помогу тебе.

— Нет,— жестко возразил Гремислав.— Это будет битва!

Вдруг филин снова встревожился.

— К нам ползут мантикоры,— испуганно сообщил леший.

— Мантикоры?— насторожился Гремислав.— Не приведи Бог встретить... Адская тварь. Ядовитая и смертельно опасная.

— Кажется, я догадываюсь, что влечет их сюда,— еще больше заволновался леший.— Лучше бы нам переменить место очага!

— Ты думаешь, здесь есть золото?— спросил Гремислав.

Ответить леший не успел. В темноте раздался высокий разкий крик, похожий на голос диковинной птицы. Или на протяжный стон.

— Это они...— прошептал Древолюб.

Гремислав обнажил саблю и подозвал коня. Глядя на него, то же сделал и Александр. Ответом на призыв невидимой твари была трескучий раскат грома, мощный грохот и зеленоватый просверк молнии в сером небе. Сумерки начали быстро сгущаться, искажая очертания предметов, лишая их объема и цвета.

— Смотрите!

Гремислав рванул кустик вереска прямо у себя под ногами. Тот подозрительно легко подался, и в дрожащем свете костерка блеснуло желтое. Гремислав встряхнул куст, с корней градом посыпались самородки размером с крупную фасоль.

— Золото...— не поверил собственным глазам Александр. Он впервые видел подобное.

— Оно самое,— спокойно подтвердил Гремислав,



— Значит, они ни за что не оставят нас в покое, — уныло подвел итог леший.

Снова раздался пронзительный вопль мантикоры. С шумом и плеском ударили крупные капли дождя, пока еще редкие. Вдруг перед ними возник черный силуэт с красными фосфорически светящимися глазами. Александр вздрогнул. Но это был всего лишь крупный грифон. Он неистово щелкал клювом и наступал на путников. Они немного отошли.

Следом за первой вспышкой последовал целый каскад молний. В неверном колеблющемся свете Александр увидел, что неведомо откуда появился второй грифон, и оба зверя сцепились в яростной схватке, катаясь по земле. Дождь усилился, превращаясь в страшный ливень. Но к звукам дождя пришивалось другое — странное потрескивание и похрустывание, точно кто-то шел по мелкому гравию.

— Приближаются! — крикнул Гремислав. — На коней!

Они вскочили в седла. Филин не мог лететь в такой дождь и спрятался под плащом у Александра. Тот различил за косой сеткой ливня слабо светящиеся зеленые фигуры. Похожие на исполинских скорпионов, они медленно надвигались, рассыпая фонтаны искр. Александр уже видел тупые хитиновые морды, огромные клешни, которые угрожающе смыкались и размыкались. И еще он увидел длинные хвосты с большими крючками-жалами на конце.

— С ними можно драться только днем! — снова крикнул Гремислав. — В темноте они видят много лучше человека, это будет не бой, а просто безумие. Нужно спасаться. Скоро сюда приползут полчища этих тварей. Золото! Золото манит их!

Коня рванули по дороге. Вдруг Гром встал на дыбы, едва не выбросив Александра из седла. Прямо перед ним звонко щелкнули две огромные клешни. Но вместо хищной морды насекомого Александр увидел странное человеческое лицо — белое, плоское,

искаженное страшной мукой. Наполненные слезами глаза долго потом преследовали его по ночам... Александр обмяк и выпустил поводья. Еще мгновение — и он свалился бы на землю. Но умный конь спас его, не поддавшись наваждению. Гром увернулся от клешней и обрушил страшный удар передних копыт на сверкающий панцирь чудовища. Скорлупа раскололась, плеснула вязкая жижа. Александр ощутил болезненный укол в правую ногу: уже в агонии чудовище дернуло хвостом, и жало пробило толстую кожу сапога... Ногу словно кипятком обдало. Александр не помнил, кричал он или нет...

Дальше было бесконечное бегство сквозь ночную грозу, пронзительно скрежещущие крики мантикор, вопли дерущихся грифонов, раскаты грома...

К утру кони совершенно выбились из сил и еле-еле плелись, поминутно спотыкаясь. Александр ехал как в полусне, окружающее скрывалось от него за дрожащей черной пеленой. Нога онемела, и каждый шаг коня отзывался уколом раскаленной иглы в бедре. Когда кони встали, он, не в силах больше держаться, с тихим стоном соскользнул на мокрые камни дороги.

Встревоженные Гремислав и Древолюб подбежали к нему.

— Что с тобой? — спросил Гремислав.

— Нога...

С трудом витязь содрал с распухшей ноги сапог. На месте укола вырос большой желвак, а сама нога раздулась, налившись черной кровью. Витязь и леший стремительно переглянулись, не проронив ни слова. Но Александр и сам чувствовал, что дела его плохи.

— Это... смертельно? — с трудом разлепив запекшиеся губы, спросил он.

— Трудно сказать, — неопределенно ответил леший. Гремислав выхватил кинжал и неудовимым движе-

нием крестообразно рассек место укола. Кровь, смешанная с гноем, хлынула струей. Гремислав тщательно выдавил весь гной и промыл рану водой из фляжки. Боль немного утихла, но онемение не прошло. Казалось, будто к бедру привязали бревно.

— Я постараюсь найти кое-какие травы.— Леший подозвал филина, уменьшился и вскочил ему на спину. Птица улетела.

Александр провалился в жаркое забытие. Ему мерещилось, что в лицо несет горячим воздухом из плавильной печи, горьким едким дымом. Он задышался, хрипел. Прохладная ладонь Гремислава прерывала горячечный бред. Но опять подступало пламя... Потом он уловил тихое хлопанье крыльев, еле слышные голоса. Долетел пряный аромат, теплая волна окатила ногу. Что-то терпкое и приятное лило в пересохший рот. Он очнулся.

Древолюб и Гремислав склонились над ним.

— Ну как? — озабоченно спросил леший.

— Вроде лучше...

— Я нашел целебные травы, они должны остановить распространение яда. Но вряд ли они излечат твою ногу. Прошло слишком много времени, нужно было сразу после укола...

Александр сел. Лихорадка прошла, сознание больше не мутилось. Однако ногу он не ощущал по-прежнему.

— Придется возвращаться, — с заметным сожалением сказал Гремислав. — А ведь мы почти прорвались к цели. И кто знает, повезет ли нам в следующий раз, ведь идти сюда все равно придется.

— Значит, надо использовать случай и ехать дальше, — твердо произнес Александр.

— Прости, но в бою ты станешь обузой!

— Не забьтсь обо мне. Не думай даже. И не пытайся помочь! Пусть в бою каждый будет представлен собственной участи. Мы должны исполнить долг, невзирая на обстоятельства. Если я отвлеку на себя хоть сколько-то врагов, я буду считать, что погиб не зря.

Гремислав сдвинул брови и сурово посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Да. И наша цель стоит этой малой жертвы.

— Кузнец был прав, а мы ошибались, — с раскаянием заметил леший.

— Ладно, — согласился Гремислав. — Едем.

Александр с трудом поднялся, постоял, качаясь. Нога не болела, но и не повиновалась. Да, трудно ему придется.

— Едем, — повторил он, подзывая Грома.

Они ехали не спеша, пешком — и то вышло бы быстрее. Но Гремислав не хотел перед боем утомлять коней. Он не останавливал Сильного, если тот сворачивал с дороги пощипать чахлую травку... Его примеру следовал и Александр. Ехать одногим было невозможно, это больше напоминало балансирование на канате — все время приходилось следить, как бы не выпасть из седла. Но постепенно Александр приоровился и даже начал поглядывать по сторонам. По краям дороги высились все те же унылые каменные холмы, усыпанные битым щебнем, шлаком и пемзой. Невольно начинало мерещиться, что где-то рядом укрылся от взора вулкан, опустошивший все окрест, и что еще недавно он плевался раскаленной лавой... Это впечатление усиливалось бесчисленными столбами дыма, поднимающимися из глубоких ям, где копошились мантикоры. Грифоны сидели на каменных столбах, по-хозяйски бдительно озирая свои участки. При приближении путников они настораживались, принимались тревожно бить крыльями, хрипло каркали. На зов повелителей выскакивали из ям мантикоры, угрожающе разводили клешни и поднимали ядовитые

хвосты, что неизменно бросало в дрожь Александра. В таких случаях кони сами ускоряли шаг, и добытчики золота успокаивались.

— Мертвая земля, — сумрачно заметил Александр.

— Не мертвая, а убитая, — поправил леший. — Если бы я мог заняться ею... Можно многое исправить.

— Ты бы вырастил тут лес? — предположил Гремислав.

— Конечно! Пихты и кедровые могут расти и здесь. Они неприхотливы и выносливы... но ведь эти мерзавцы не допустят!

— К сожалению, — согласился Гремислав. — Им нужно золото, а не леса.

— Паразиты, такие же паразиты, как вши! — убежденно подытожил Древолюб.

Постепенно раненая нога снова начала ныть тупой мозжащей болью. Александр не жаловался, но, видя его бледное лицо и запавшие глаза, Гремислав снова решил устроить привал. Выбрали тихую ложину, укрытую от холодного сырого ветра, с трудом развели костер из гниловатых кривых веток. Леший опять приготовил отвар... Александру стало немного легче, но полностью боль не исчезла. Когда он сказал об этом, леший перепугался.

— Неужели яд так силен? Что же нам делать?

Гремислав только развел руками.

Александр, стараясь бодриться, успокоил их.

— Ничего! Все будет нормально. Я уже почти в порядке!

— Хорошо бы, — с сомнением отозвался Гремислав.

Закат был тревожно багровым, пылал весь западный небосклон, точно за горизонтом развели чудовищный костер.

— Все небо словно кровью залито, — со вздохом сказал Александр.

— Так оно и есть, — угрюмо подтвердил Гремислав. — Такой закат предвещает большую кровь. Завтра будет бой, и, может быть, не все из нас увидят следующий рассвет.

— Ты слишком мрачен, — возразил леший. — Нельзя с такими мыслями готовиться к битве.

— Я не имею права умереть раньше, чем отомщу, — сухо сообщил седой витязь. — Смерть меня подождет. Я боюсь за других.

— Смотрите! — вскрикнул Александр. — Что это!

По красному небу протянулись две молочно-белые полосы.

— Звезды падают! — объяснил леший. — Загадывайте скорее желания!

Полосы пересеклись, образовав прямой белый крест на красном фоне.

— Это знамение, — впервые за много дней обрадовался Гремислав. — Не берусь угадать, как закончится завтрашняя битва для меня, но добрый знак внушает надежду! Крест святого Георгия Победоносца! Покровитель Рутении показывает, что нас впереди ждет славная победа. Я загадал свое желание.

— Я тоже, — твердо сказал Александр, глядя на крест. — Нас ждет победа. Прольется много крови, но враг будет уничтожен!

Через какое-то время белые полосы исчезли.

— Вот теперь можно спать со спокойной душой, — произнес Гремислав, кутаясь в плащ.

— Одна только мысль мучает меня, — задумчиво сказал Александр. — Почему мне показались тогда, что я вижу человека вместо мантикоры?

Он не видел, как вытянулась физиономия лешего. — Позволено ли будет мирному купцу разделить ваш ночлег? — спросил вдруг знакомый голос.

Все трое так и подскочили.

Старый приятель, — не смог удержать улыбку Александр при виде закутанного до самых бровей



Хасана. Верблюд, похоже, тоже чувствовал себя не слишком уютно.

— Знаете, так холодно, так страшно,— зачистил жалобно Хасан, опасливо поглядывая на лешего.— Там такие грубые, дикие, невоспитанные разбойники чуть не поколотили меня, едва не отобрали товар...— Он осекся.— Верблюд идти отказывается, вот я и решил прибиться к огоньку. Ведь здесь не обидят, не прогонят, защитят и помогут. Благородные витязи всегда...

— Подожди,— зловеще перебил леший.— Ты не бось и сюда приволок свои зловредные отравы?

— Какие отравы? — вскинулся Хасан.

— Кофий!

— Ну, зачем так сразу... Отравы...— увял Хасан.

— Давай, выкладывай,— потребовал леший.

— Может, не надо? — попытался возразить купец.

— Какое вам дело до того, что пьют Гог и Магог? Гремислав расхохотался. Александр тоже улыбнулся, но тут же застонал. Древолюб, вмиг забыв о Хасане, кинулся к нему.

Хасан торопливо засуетился:

— У меня есть отличный бальзам... Аравийский. Помогает при любых ранах! Затягиваются буквально на следующий день!

— Его ужалила мантикора,— тихо пояснил Гремислав.

— И от яда тоже помогает,— заверил Хасан. Он достал маленький глиняный горшочек с темной, резко пахнущей мазью. Протянул его Древолюб.— Вот, попробуй.

Леший подозрительно понюхал горшочек.

— Ну, смотри! Ежели чего... Тогда тебе лучше не родиться!

Мазь приятно охладила рану, и боль почти сразу ушла. Александр тут же известил об этом своих друзей.

— И еще...— Хасан замялся, глядя в землю.

— Чего тебе? — все еще неприязненно спросил леший.

— Чтобы бальзам подействовал наилучшим образом, раненый должен выпить кофе. Это остановит растекание яда.

— Что?! — взревел леший.— Кофе? Ни за что!..

— Но ты же хочешь, чтобы твой друг выздоровел...

— Выздоровел — да! Кофе — нет! — Древолюб был непоколебим.

— Успокойся,— пытался увещевать его Гремислав.

— Скверна!.. Соблазн!.. Ад!..

— Завари,— обратился к купцу Александр.

— Я не позволю!..— взвился леший.— Отрав!.. Яд!..

— Ох, мне снова становится хуже! — слухавил Александр.

Леший моментально умолк, а Хасан понимающе глянул на Александра. Тот подмигнул ему украдкой.

— Заваривай,— слабым голосом попросил больной.

Гремислав поймал лешего за шерстку и подтащил к себе. Кивнул Хасану:

— Действуй, он тебе не помешает!

Как Древолюб ни бился в крепких руках витязя, вырваться ему не удалось, и Хасан без помех священнодействовал над котелком... Ночь наполнилась приятным ароматом крепкого натурального кофе. Александр с удовольствием отпил из кружки, чувствуя, как горячая струя разбегается по жилам, и радушно предложил лешему:

— Попробуй и ты!

Древолюб аж захлебнулся от негодования.

— До скончания мира не запачкаюсь!..

Зато Гремислав неожиданно попросил:

— Дай-ка мне разок глотнуть!

Отведал, довольно прищурился, почмокал, чтобы лучше расчувствовать вкус, и одобрил:

— Приятно! Усталость снимает, силы восстанавливает... Полезный напиток! Мне понравилось!

Хасан расцвел. Зато оскорбленный до глубины души леший удрал в темноту вместе с филином, который не бросал его ни при каких обстоятельствах.

Обрадованный торговец угостил витязей сушеными финиками, засахаренными орехами, душистыми сладостями — и получилось что-то вроде небольшого пира. Но сколько они ни звали Древолюба, тот не сменил гнев на милость и не появился.

А утром уже Гремислав первым попросил диковинного напитка, чтобы взбодриться. Древолюб чуть не лопнул от возмущения. Он даже дар речи потерял, только фыркнул, сверкая глазами, и плевался. Но это не подействовало. Оба воина с удовольствием отдали должное крепкому кофе. Александр чувствовал себя почти великолепно: аравийский бальзам снял все признаки воспаления, хотя нога упрямо отказывалась подчиняться.

Когда всадники уже садились на коней, Гремислав предложил Хасану:

— Поедем с нами, тебе ничто не грозит!

Хасан, не раздумывая, затряс головой.

— Нет-нет! Я лучше подожду. Вы едете сражаться, а на поле боя какая торговля? Купец должен держаться поодаль!

— Ну, смотри... А то один ведь остаешься.

— Нет, со мной моя защитница.

— Не слишком-то она тебя защищала,— усмехнулся Гремислав. И тут же обнаружил, что висит в воздухе.— Эй, что за шутки! — крикнул он.

— Джинния, оставь его,— попросил Хасан.

Прозвучал хрустальный смех, и Гремислав с облегчением обнаружил, что снова прочно сидит в седле.

— Я осторожный,— повторил Хасан, возвращаясь к костру.— Я подожду...

Но Гремислав уже забыл о нем. Пристально глядя на поднимающееся в серых клубах тумана солнце, он тихо сказал:

— Едем!..

Вдалеке послышался равномерный гул.

Остались позади вонь и дымы золотых ям, все отчетливее в воздухе ощущался йодистый морской запах. Дорога постепенно забирала выше и выше, пока наконец не вывела на скалистый обрыв над морем.

Александр глянул вниз и зажмурился — ему показалось, что валы кипят в невообразимой дали, что до прибора версты две, не меньше. И пропасть притягивала... Седые пенистые волны сверху выглядели простой рябью, но скала гудела и дрожала под их ударами — так велики они были. Фонтаны брызг взметывались в воздух, порывы метра подхватывали их, скручивали в диковинные жгуты, разворачивали причудливыми веерами. Море бурлило и клочкотало у подножия скал, как в исплинском котле. Но ни радуги, ни сверкающих искр...

Плотные беспросветные тучи затягивали небо, не пропуская ни единого солнечного лучика. С неба струился странный серебристый свет, окрашивающий все вокруг в нереальные, неестественные тона. Над морем поднимались клубы серого тумана, сливавшиеся с тучами и полностью стиравшие грань между небом и морем.

Вид океана поразил Александра. Он никак не ожидал увидеть столь унылую картину. Ни радостного солнечного света, ни игривой сверкающей лазури, ни грозной черноты в белой оторочке, ни всеокружающей штормовой мощи... Всюду — только непобедимая серость. Поистине край света.

— Вот он каков, Кронийский океан,— упавшим голосом произнес Александр.

— Да,— согласился Гремислав.— Тот, кто назвал его Мертвым морем, не слишком ошибся.

— Велик их Один-бог, угрюмо море...

— У кого? — не понял Гремислав.

— Так, песня одна... Варяжского гостя.

— Только этих разбойничков здесь и не хватает! Смотри, накличешь беду... Нам и так придется солоно!

— Действительно, лучше не надо,— подтвердил леший.

Они двинулись по узкой, еле заметной тропинке: мощеная дорога, выйдя к морю, закончилась. Тропинка петляла между прибрежными скалами, не удаляясь от берега, пока не уперлась в отвесную бугристую скалу. И тоже пропала.

— Куда же дальше? — спросил Александр.— Может, отправим Зоркувида поискать Дорогу?

Древолюб хрюкнул, сдерживая смехок.

— А мы пришли! Это скала Гога и Магога. К Железной Горе нет иного пути, кроме как сквозь их пещеру. Вот только пустят ли они нас?

— Почему же нет?

— Потому что в последнее время они все реже открывают окна. А про двери... Про двери, кажется, они вообще забыли. Вдобавок недавно здесь проезжали наши враги. Также неизвестно, что они могли наговорить...

Александр лихорадочно вспоминал, кто такие Гог и Магог. Память мало чем смогла помочь. Два мифических народа, заточенных в скалу Александром Македонским (и здесь он!) за неведомые провинности... И все. Если по ошибке либо по глупости его примут за Искандера-зуль-Карнайна, то наверняка не пропустят. Или захотят отомстить — тогда вообще плохо...

— А как басурманы подбираются к Железной Горе?

— Они проходят с другой стороны Рифейского хребта,— ответил Гремислав, внимательно разглядывая каменную стену.— Где же здесь ворота? — обратился он к лешему.

— Надо искать...

— Может, перевалим хребет? — робко предложил Александр.

— Мы едва пробилась здесь. Пойди мы другой стороной, Басурманскими степями, вороны давно расклевали бы наши кости!

— Но это грозит нам и здесь,— чуть слышно сказал Древолюб. Александр взглянул на него и поразился: никогда раньше ему не приводилось видеть лешего в такой панике...

— Что там? — он тоже перешел на шепот.

— Ледяной крак,— еле вымолвил Древолюб.

Теперь побелел и бесстрашный Гремислав.

— Ты не ошибаешься?

— Смотри сам...

Александр повернулся, следуя за вытанутой рукой лешего. Но ничего, кроме неясного белого пятна, маячившего в густом тумане, не различил. И честно сказал об этом.

— Так это он и есть,— ответил Гремислав, лихорадочно потирая руки, словно они внезапно начали зябнуть.

— Да кто?! — в отчаянии возопил Александр.

— Крак,— отрывисто бросил Древолюб. Потом закрыл глаза и начал нараспев декламировать:

— Крак есть рак величины непонятной. Есть он во мраке подо льдами вечными и занимает ужасное место, и рыбаки бывают рады, когда на оное наедут, ибо над ним множество рыб вьется. В безлунную ночь крак выходит из-под льда на открытое место, и тогда познают пребывание его по мели в море: когда известное место, бывшее глубиною до ста сажен, по мере гирьки окажется сажен в тридцать, заключают тогда, что на дне крак обретается. Выпускает зверь

содержимое свое в воду, отправляя оную на расстоянии до пяти верст округ, и пожирает рыбу. Если же отмель сия отчасу мельче становится, заключают, что крак наверх поднимается, тогда спешат отъехать и, достигнув настоящей глубины, останавливаются. Тогда видят показывающуюся из воды поверхность сей ужасной твари, ибо всю ее ни один смертный не лицезрел и до окончания мира не увидит. Крак есть белый и твердый, аки гранит. Спина покрыта превеликим множеством рогов, достигающих лодейной мачты в размере. Ужаснее всего морда крака — квадратная и мерзкая, бородавками и буграми усуженная. В середине морды искомая дыра, дыхалом именуемая, через кою крак смертоносный яд извергает. Ежели поманутый яд на человека попадет — загорается тело адским пламенем, не гасимым ни водой, ни землею. И горит, покада горимое в пепел не обратится...

— Неужели это правда? — скептически покачал головой Александр.

— Не все,— ответил Гремислав.— Половина — правда, половина — выдумка.

— Но которая какая?

— Трудно сказать, уж очень все перемешано... Да и действительно, мало кто ледяного крака видел, а после в живых остался, чтобы об этой встрече рассказать. Но вот насчет яда — сущая правда. И еще они извергают ядовитые фонтаны на землю. От сей мерзкой жидкости сама земля пылать начинает.

Леший неистово замахал руками:

— Прячьтесь, он приближается!..

Александр увидел стремительно вырастающий из тумана белый блестящий купол. Бросился следом за Древолюбом, но парализованная нога подвернулась, и он покатился кубарем по земле, больно ударившись плечом. Подскочил Гремислав, схватил Александра под мышки и, ругаясь сквозь зубы, поволок на себе...

Послышался громкий свист, переходящий в рев, точно вырвалась из моря струя горячего пара. И — смотрите!.. Действительно в небе появилась черная дуга, рассекающая тучи. Какая-то неведомая жидкость с плеском ударила в то место, где наши путники только что стояли. Сразу с грохотом начали лопаться камни, точно их раскалили докрасна и обдали холодной водой. Там, куда отлетали дымящиеся капли, занялись бледным пламенем редкие кустики вереска и дрока. В воздухе резко запахло миндалем...

Витязь вдруг бросил Александра, снова ударившегося о камни, и с проклятием сорвал с плеч вышитый золотом голубой плащ. Александр с изумлением и страхом увидел, как по плащу ползет жидкое фиолетовое пламя, оставляя за собой обугленную ткань...

— Едва не попал,— перевел дух Гремислав.

Но снова в небе мелькнула смертоносная струя... К счастью, на этот раз крак промахнулся, и яд безвредно для них ударился в каменный склон. Гранит затрещал и окутался сизым дымом.

— И долго он плеваться будет? — дрожащим голосом заинтересовался Александр.

— Шестнадцать раз,— ответил Гремислав.

— Но почему?!

— Кто знает? Просто сосчитали — и только. Крак плюет не более шестнадцати раз.

Новые и новые порции яда обрушивались на скалы, море вскипало зловонным паром. Кони обезумели и с диким ржанием бросились прочь. Вместе с ними пропал и леший, перепуганный филин улетел еще раньше... Со свистом летели каменные осколки, звучно щелкали, ударяясь о скалы. Что-то горело, и клубы черного дыма стлались по земле, вынуждая путников вытануться во весь рост, чтобы не задохнуться...

Все стихло так же внезапно, как и началось.

Оглушенный Александр стоял, покачиваясь. В ушах звенело, и он долго пытался отогнать несуществующих комаров. Гремислав говорил что-то, однако Александр не слышал. Языки пламени трепетали, посте-

пенно угасая: чадили и потрескивали угольки. С земли поднимались мириады сизых дымков, словно в глубине ее загоралось что-то. Дымы походили на кобр, раздувающих капюшоны. А под всем этим безумным хаосом царило исполинское грибообразное облако. Оно поднималось из моря — там, где скрылся крак. Испоинский гриб что-то напоминал Александру. Но что? Какой-то ужас...

На месте недавно казавшихся несокрушимыми каменных стен теперь шевелилась и дрожала груда закопченных развалин. Скалу рассекли широкие и глубокие трещины. И тогда открылось путникам, что скала — поляя. Стена рухнула, и перед ними предстала огромная пещера.

Александр смотрел на картину опустошения широко открытыми слезящимися глазами, плохо понимая, что происходит. Подошедший Гремислав крепко ударил его по плечу, заставив очнуться.

— Кошмар... — еле сумел вымолвить Александр.

— Да, страшное зло приходит из северных льдов... Одно спасение — ядовитые струи не достают далеко, а крак слишком велик, чтобы подниматься по рекам. Иначе всей нашей земле пришел бы конец. Александр кивнул.

— Но с этим лбом тоже придется сражаться, если мы желаем ей благополучия!

— Придется... Однако сейчас у нас более близкая цель.

— А где Древолюб?

— Наверное, пытается догнать и успокоить лошадей... Вот уж за кого я совершенно не беспокоюсь! Леший нигде не растеряется и не пропадет... — Гремислав тряхнул головой. — И не было бы счастья, да несчастье помогло. Теперь не нужно искать пещеру — вот она, перед нами. Идем.

— Крак... Он ушел?

— Конечно. Ведь он израсходовал весь яд.

Александр подивился спокойствию витязя, успешного сосчитать ядовитые плевки. На всякий случай он поглядел на море. Блестящий белый купол пропал, развеваясь и чудовищный гриб, только черные кляксы остались в клубящемся сером мареве.

— Вот еще одна причина, по которой Кронийский океан зовут Мертвым морем, — вздохнул Гремислав.

— Понимаю, — согласно кивнул Александр. — И сколько же таких бестий скрывается подо льдами?

— Это одному Богу известно... Говорят, что их ровно сорок одна штука. Однако теперь, мол, вывелись новые адские твари, более крупные и опасные. Скорее всего, что пустые слухи... Я знаю истину, мне открыта ее... Неважно. Это потомки жуткого чудовища Гренделя, злогогучего порождения морских глубин, появившегося, когда волны мирового океана еще не освещались лучами солнца. Богатырь Бесвульф убил Гренделя, убил его породительницу, но не успел уничтожить ядовитое семя, растекшееся в холодных безднах....

— Красивая легенда...

— Это чистая правда!

— Может быть...

— Идем, — сказал Гремислав, не желая вяззывать в спор.

Александр широко шагнул и охнул.

— Прости, — Гремислав еле успел поддержать его. Александр оперся на плечи витязя, и дальше они двинулись вместе.

С большим трудом перевалив через груды дымящегося горячего камня, они столкнулись с хлопотавшими возле разрушенной стены людьми. Хотя — людьми ли? Александру не приводилось ни читать, ни слышать о подобных созданиях. Низкие, кривоногие и широкоплечие, они едва доставали ему до плеча. Но зато их узловатые мускулистые руки обладали

неимоверной силой — с такой поразительной легкостью они поднимали и швыряли большие камни. Жесткие черные волосы щеткой торчали над низким лбом, а кожа отливала нездоровой бледной желтизной... Странные создания то и дело прикрывали широкими ладонями прозрачные серые, почти бесцветные глаза. Похоже, даже слабый рассеянный свет северных равнин был слишком силен для них, привыкших к вечному мраку пещер. Они все были одеты в потертые кожаные костюмы.

Увидев их, Гремислав сказал:

— Похоже, торговля с Басурманскими степями у Гога и Магога не прерывается, несмотря на любые события вокруг.

— Это плохо?

— Хуже некуда!.. Это значит, что подземные кузицы не прекращают работать на степняков, снабжают их броней и оружием... Сами кочевники ничего не способны сделать, ведь они просто не могут оставаться на одном месте! Вот и покупают все у подземных жителей... Господи, все, решительно все объединяются против нас: аримаспы, грифоны, степняки... Эй, ты! — крикнул Гремислав одному из работающих. — Как нам пройти к правителю?

Стулая черная фигура равнодушными, ничего не выражающими глазами скользнула по нему и отвернулась.

— Что ж, будем искать сами...

Они пробрались сквозь суетящуюся толпу, пересекли полуразрушенный обгорелый вал, кишачий странными существами, и вошли в низкий подземный ход. Александр оглянулся — новая стена на глазах вырастала за ними.

— Будем надеяться, что чуть не подводит меня, — не вполне уверенно сказал Гремислав. — Иначе нам придется долгие годы блуждать по нескончаемым ходам.

Александр потер ушибленный лоб.

— Низковато...

— Да, на наш рост эти проходы не рассчитаны. Туннель был темным и грязным. Александр еще подумал, что за долгие годы заточения в горе можно было бы все привести в порядок... Но Гог и Магог, по-видимому, полагали иначе. Ход широкими петлями постепенно ввинчивался в недра горы. Его освещали редкие факелы, воткнутые в расселины стен. От их пламени противно несло рыбой, а потолки обросли длинными нитями жирной копоти.

До Александра долетело тихое «туки-тук, туки-тук, туки-тук...» В глубине горы стучали сотни молотов. Подтверждая невысказанную догадку, Гремислав кивнул:

— Это и есть подземные кузицы.

— Я всегда полагал, что в глубинах гор живут гномы и тролли, — произнес Александр. Он никак не мог освоиться с расхождениями прочитанных мифов и увиденного.

— До каких пор ты будешь пересказывать глупые сказки, занесенные в наши края легковерными пьянчужками-купцами! — возмутился Гремислав. — Под землей живет только народ Гога и Магога. Нельзя принимать за правду любую побасенку.

Туннель уходил все глубже. Воздух стал тяжелым, отчетливо запахло серой. Внезапно ход оборвался, привел их в большую пещеру. В дальнем ее конце вилось красноватое облако, окружавшее сполохи огня. Лица витязей обдало жаром.

— Это сердце вулкана? — спросил Александр.

— Не только. Еще и тронный зал Гога и Магога. Если бы не суматоха, вызванная нападением ледяного крака, нам вряд ли удалось бы так просто добраться сюда. Хотя... Вот и стража.

К ним уже бежали обитатели горы, вооруженные большими топорами с изогнутыми лезвиями. Александр заметил, что позади обуха лезвие переходило



в длинный острый клюв, напоминающий кирку рудопроходчика. Он машинально положил ладонь на рукоять сабли, но Гремислав перехватил его руку.

— Спокойно. Их так много, что они змиг зарубят нас...— Он выступил вперед и властно вскинул правую руку, останавливая бегущих.— Мы пришли с миром! Проводите нас к правителю подземного города.— И шепнул Александру: — Только ничему не удивляйся.

Ответом было настороженное молчание. Стража остановилась, но уступать дорогу, похоже, не собиралась. В тягостном молчании прошло какое-то время. Потом стражники, подняв топоры, начали медленно приближаться.

— Я страж лесов!— крикнул Гремислав.— Мы никогда не сражались с вами и не желаем того. Мы пришли с миром!

Стражники вновь замерли в нерешительности. Затем крайне неохотно расступились.

Перед путниками открылся высокий каменный трон, украшенный тяжеловесными бронзовыми фигурами. На троне сидел... Скорее, сидели... Александр протер глаза, полагая, что снова начались бредовые видения. Нет, ему не мерещилось — на троне сидели два человека, сросшиеся боками, как сиамские близнецы.

Гремислав подошел к трону и поклонился.

— Приветствую достойного правителя подземного города Гога и Магога.

Обе головы степенно кивнули. Затем правая, жирная и одутловатая, спросила басом:

— Все ли спокойно наверху? Покорили железные фаланги Александра Великого далекую Индию?

— Достойный Гог,— вежливо ответил Гремислав,— Александр Великий давно умер, а царство его распалось.

— Не обращай внимания,— проворчала брюзгли-

во вторая голова, желтая и сухая.— Мой брат, как обычно, немного не в себе. Что привело вас сюда? И кто это?— Она кивнула в сторону Александра.

Тот с трудом сделал пару шагов вперед и поклонился. Магог неожиданно перепугался.

— Стража, ко мне!— завизжал он, и шеренга стражников моментально заслонила трон.— Лесной витязь, я тебя помню! Но кого ты привел с собой? Я его не знаю! Мне предсказали, что хромые приносят беду! Вдруг он убьет меня?

Александр едва не сел на пол. Почему жители этого мира сразу чувствуют в нем пришельца и пугаются?

— Успокойся, достойный Магог. Это такой же воин, как и я. Просто мы не слишком удачно прошли через землю грифонов.

Магог движением руки убрал стражу.

— Если он не принес несчастья, то что случилось? Почему вы беспрепятственно прошли в тронный зал?

— Яд ледяного крака разрушил наружную стену. Ее уже чинят, но пока твои владения открыты, достойный Магог.

— Вот как... Я так и предполагал... Я знал!— надулся Магог.— Как ни стараешься жить в тишине и покое, обязательно найдется кто-нибудь, кому это не понравится. По глупому ли усердию, по злomu ли нраву, но ведь обязательно найдется! Ну почему? Мы никого не трогаем, за это Александр Великий нас в гору и заточил, так ведь и здесь нет укрытия от внешнего мира... Я прикажу не только восстановить стену, но и заложить весь верхний ярус ходов! Тогда до нас никто не доберется.

— Покой превыше всего,— неожиданно вполне разумно вставил Гог.

— Но как вы будете торговать со степняками?— насмешливо спросил Гремислав.

Магог смешался.

— Ну, предположим, не все выходы... Кое-какие оставим.

— Но сейчас, когда ледяной крак разрушил вашу темницу, вы можете идти куда вздумается. Вы стали свободными и можете подыскать более уютное место, чем грязное и сырое подземелье.

— Вижу, вижу бесовские игрища,— брякнул Гог. Магог от растерянности дернулся так, что оба тела едва не свалились с трона. Прошептав что-то беззвучно, Магог оправил темно-фиолетовую мантию, расшитую золотыми цветами, и снисходительно улыбнулся.

— Вы такой беспокойный народ. Постоянно куда-то бежите, спешите зачем-то... Зачем?.. Когда-то эта гора была нашей темницей, но время идет, ты мудреешь и начинаешь видеть сокровенное. Гора надежно укрыла нас от всех врагов. Вот сейчас мы восстановили стену, и опять начнется тихое спокойное житье. А наверху... Спешка и опасности. Вот ты, например, куда спешишь?

— К Железной Горе,— сухо ответил Гремислав.— Именно потому я и обращаюсь к правителю подземного города за разрешением пройти по туннелям под Рифейским хребтом. Ведь перевалов поблизости нет, горы непроходимы.

— К Железной Горе? — По лицу Магога проскользнула какая-то тень.— Интересно... Но даже вы, искатели приключений, почему-то избегаете опасных путей. Тоже спешите к спокойствию.

— Получим ли мы благосклонное разрешение правителя? — не дал увлечь себя в сторону Гремислав.

На запыленном жиром лице Гора появился проблиск мысли, в мутных глазках засветился интерес. Он что-то шепнул на ухо Магогу. Тот всплеснул руками.

— Нет-нет...

Гор снова зашептал. Магог энергично затряс головой.

— Это их дела. Мы живем своими заботами, не вмешиваясь в дела верхнего мира.

Гог обиженно крикнул и сразу потерял всякий интерес к происходящему. Он подозревал слугу, который подал ему жирный окорок, и принялся жевать, шумно сопя и чавкая, время от времени орошая глотку хорошей кружкой вина. Смотреть на это было неприятно, учитывая, что Магог продолжал деловой разговор.

— Не слишком ли дорогую цену вы заплатили за покой и безопасность? — спросил Гремислав.

Магог жельчно усмехнулся.

— Не слишком. Многие были бы рады поместиться с нами местом. Вспомни, что творят степняки в ваших градах.

Удар был нанесен по больному месту, и у Гремислава желваки забегали по скулам.

— Но в дела верхнего мира вы не вмешиваетесь... Откупаются чужой кровью?

Глаза Магога воровато забегали.

— Мы только куем оружие. Если бы к нам с такой просьбой обратились жители Рутении, мы точно так же, не задавая никаких вопросов, выполнили бы и ее. Мы продадим оружие кому угодно. Но я не слышал просьб от жителей лесов.

— Воистину за дешевую цену нашли Гог и Магог свое спокойствие: только потеряв свободу и всего лишь попав в кабалу к степнякам,— саркастически сказал Гремислав.— Уж не из вашего ли пота отлит Желтый Колокол?

По лицу Магога поползли нездоровые красные пятна.

— Стоит ли призрачная свобода реальной безопасности? Да и кто щупал ее, эту свободу? Может, наша свобода и есть истинная, а ваша ложная.

Гремислав пристально поглядел ему в глаза.

— Народ, способный ради мгновения безопасности поступиться хоть толковой свободой, не заслуживает ни

того, ни другого. И в конечном итоге не получит ни безопасности, ни свободы.

— Это отвлеченные рассуждения,— отмахнулся Магог.— Мы восстановим стену и тогда посмотрим, кто из нас прав. Не в наших правилах, в который раз это повторяю, вмешиваться в бои верхнего мира. Но мы проведем вас под горами. И я соберу всех жителей подземного города у своего хрустального глаза, чтобы полюбоваться на твой последний час, дерзкий витязь! — Магог уже кричал, брызгая слюной.— Безумец! Полагаешь, я не знаю, зачем ты идешь к Железной Горе?! Разбить Желтый Колокол... Ха! От века один человек пользовался трудами другого. Даже если на всей земле останется всего два человека, и тогда один будет господином, а второй рабом. Ты пытаешься изменить порядок бытия!.. Брат советовал мне бросить вас в огненную печь, но я поступил иначе. Я дам вам самим свернуть себе шею. И все убедятся, что порядок неизблем.

— Верный раб,— с презрением бросил Гремислав.— Что может быть отвратительней? Вы сами себя заточили в темницу и, мало того, гордитесь этим.

— Мы свободные люди! — огрызнулся Магог.— И если мы приняли решение укрыться в крепости, то лишь мы сами вольны изменить его. Мы и только мы! Замуровав себя в горе, мы сделали самым свободным среди вольных народов! Вот ты... Самый гордый из витязей служит князю. Князь служит королю. Король — императору. И так до бесконечности. Разве я не прав?

Гремислав пару раз глубоко вздохнул, успокаиваясь.

— Витязь служит только Родине и долгу, никому более, никакому земному владыке. Жизнь моя принадлежит Рутении, честь — ей же. А ты, променявший весь мир на зловонные подземные дыры... Что ты можешь знать о свободе?

— Станный способ просить избрал ты, витязь,— хихикнул Магог.— Я прикажу сейчас своей страже изрубить тебя, так завершится путь свободного человека. И наш спор тоже.

— Ты не сделаешь этого,— ответил Гремислав.

— Почему же?

— Потому что знаешь, куда я иду.

Магог задумался.

— Ты умен и находчив. Действительно, я знаю, куда ты идешь, знаю — зачем. Да, ты прав. Именно поэтому я пропущу тебя. Либо ты убьешь Ослепительного, либо он убьет тебя, в обоих случаях я окажусь в выигрыше. Но вот обратно... — Магог ядовито усмехнулся.— Я еще подумаю, пропускать ли тебя обратно.

Гремислав с достоинством поклонился.

— Прощай, повелитель подземного города.

— Ты выбрал верное слово. Прощай,— не приветливо ответил Магог.

Гог ничего не сказал, только махнул рукой, не прекращая жевать.

Древолюб уже поджидал их вместе с обоими князями. Он действительно отправил их ловить, и теперь по приказу Гога и Магога стража пропустила его. Александр, которому было трудно идти пешком, сел верхом на Грома. Точнее — лег, потому что шлемом он царापал потолок. И следом за проводником маленький отряд двинулся по извилистому туннелю. Александр бросил короткий взгляд назад — стена заметно выросла и вскоре должна была сомкнуться с потолком.

— Станный народ,— сказал он Гремиславу.

— Не странный, а слепой,— возразил витязь.— Но разве слепцу можно это доказать? Никакими словами не опишешь ему, что такое солнце и небо.

— Что же сделало их такими?

— Прошрое.

— Прошлое?

— Точнее, твой тезка. Александр Македонский, он же Великий, он же Искандер-зуль-Карнайн. Можно запугать людей до полной потери разума, хотя тогда перестают быть людьми...

Всю дальнейшую дорогу под землей Гремислав молчал. Не был расположен к беседам и Древолюб... Туннель завершился низкой деревянной дверью, окованной железными полосами. С большим трудом они протиснулись сквозь нее, и дверца мгновенно захлопнулась. Снаружи она была окрашена под камень, да так искусно, что уже через минуту ни за что на свете нельзя было найти потайной ход в подземный город.

Над вершинами Рифейского хребта пылало тревожное красное зарево.

— Опять кровь... Много крови...— пробормотал Гремислав.

— Это будет кровь врагов,— возразил Александр.— Вспомни предзнаменование.

— Где оно сейчас?

— Тоже сопровождает нас,— хрипло сказал Древолюб, протягивая руку.

Из-за горных пиков в небо поднялись два белых луча. Они заметались по красному шелку небосвода, потом скрестились и замерли.

— Святой Георгий за нас! — крикнул торжествующе Александр.— Святой Георгий и победа!

Гремислав медленно надел шлем.

— Пусть будет так... Но вот и те, кто столько ждал нас.

Неподалеку начиналась широкая дорога, спускавшаяся в долину между двумя хребтами. Внизу была большая плоская котловина, похожая на арену римского цирка или на рыцарское ристалище, словно кто-то специально позаботился приготовить здесь место для боя. На другой стороне долины, невысоко на склоне, замер конный строй. Приглядевшись, Александр различил грузную фигуру Слепительного, тяжело восседавшего на крепком высоком коне.

А сам склон... Александр напряг зрение. Он был иссиня-черным, гладким и блестящим, точно действительно был откован из вороненой стали. В этом мире все возможно, так почему бы не существовать Железной Горе? Ведь кое-где различимы красноватые пятна, похожие на ржавчину...

— Не сомневайся,— угадал его мысли Древолюб.— Это дань, которую платят «свободным» Гог и Магог басурманам. Каждый год тысячи пудов железа ложатся в основание чудовищной крепости Желтого Колокола. Пресветлый тзин умен. С подземным городом может произойти все, что угодно, но у степняков останется изрядный запас железа. А вон там... Там то, что мы искали.

Александр заметил узкую лестницу, змеящуюся по склону Железной Горы. Она уходила к самой вершине.

— Вот он, мой недруг,— прошипел Гремислав.

— Здесь же Колокол!

— Мстить! — жестко отрезал Гремислав, глядя в глаза Александру.

И тут до них долетел крик.

— Проклятые глупцы! — надсаживался Слепительный.— Вы все-таки явились сюда, чтобы найти свой бесславный конец! Воин, хромец, лесное чудище и птица... Хороши освободители! Я выброшу ваши сердца собакам!

Гремислав потряс саблями.

— Ты напрасно брызжешь ядом, старая степная гадюка! Твои часы сочтены. Если ты не потерял остатки разума, то лучше приготовься к встрече со своими погаными идолами!

Слепительный захохотал.

— Седой витязь, ты слишком много берешь на себя. Не тебе изменять течение сущности. Этот Колокол вечен, как сама земля.

— Я устал от пустых разговоров. Выйди, и сра-

зимся. Я пришел сюда, чтобы убить тебя. Выходи, или я назову тебя трусом!

Но Слепительный не собирался появляться из-за частокола копий стражи.

— И не подумай, Гремислав. Ты, кажется, забыл, что я сделал в твоём граде. О, это была великолепная забава!

— За которую ты дорого заплатишь! — окостеневшими губами пообещал Гремислав.

— Но эта забава не кончилась! — срываая голос, крикнул Слепительный.

Повинуясь взмаху его руки, расступились конные воины, и двое палачей выволокли вперед юношу в изодранной одежде. Гремислав сделался иссиня-бледным, как мертвец.

— Ратибор... Сынок...

Палачи сноровисто опрокинули жертву на спину, мелькнул докрасна раскаленный прут, врывающийся в глазницы... Страшный крик расколол тишину. Это, как раненый лев, взревел Гремислав. Хлестнув наотмашь коня, он поскакал вниз и в одно мгновение слетел в долину. Уже теряя разбег, он врвался в ряды степняков, но так силен был его гнев, так мощны удары, что многочисленные враги невольно попятнулись. Яростно свистела сабля — ни щит, ни шлем не спасали от нее. Гремислав не наносил ран, он только убивал.

Откуда-то сбоку, словно бесшумная метель, вылетела стая огромных полярных сов и кинулась на витязя. Птицы норовили вцепиться когтями ему в лицо.

— Зорковид, это работа для тебя! — крикнул леший, подбрасывая в воздух филина. Точно пущенный из пращи камень, он врезался в белый вихрь, сразу сбив наземь одну из хищниц.

Тем временем Гремислав, оставляя за собой окровавленные тела, пробился сквозь строй конников и схватился с Слепительным. В своей жажде мести витязь забыл обо всем на свете. Он не замечал сыплющихся на него ударов, одержимый только одним желанием... Степняки окружили его.

Спохватившийся Александр прищипорил Грома и поднял саблю. Бешеный порыв Гремислава сломал все планы басурман, они совершенно забыли о втором противнике и повернулись к нему спиной. Сейчас в бой мчался уже не тот Санечка, что начинал длинный путь. И потому он не колебался ни секунды, прежде чем ударить по пестрому халату. Вой ужаса разнесся над долиной, когда степняки увидели его.

Схватка была короткой и жаркой. Трое или четверо уцелевших бежали, остальные пали на окровавленном железном склоне, похожем на корабельную палубу. Но Гремислав пропал. Холодный пот прошиб Александра, он неловко соскользнул с коня и заковылял туда, где видел в последний раз седого витязя. Под грудой мертвых степняков он заметил золоченый шлем, раскидал в стороны трупы и нашел Гремислава, пронзенного тремя саблями. Витязь дышал. Александр сорвал у него с пояса серебряную фляжку с родниковой водой и смочил раненому губы. Гремислав открыл глаза.

— Как он? Сын...

— Жив,— уверенно солгал Александр, не раздумывая.— Сейчас с ним Древолюб.

— Это хорошо... Я отомстил. Я прикончил Слепительного. Но в жажде мести я забыл о своем долге, о нашей главной цели. За что и расплачиваюсь.

Гремислав устал закрыл веки.

— Ты будешь жить,— заверил Александр, стараясь, чтобы не дрожал голос.

— Нет,— вздохнул Гремислав.— Это конец... Разбей Колокол...— И после доягой паузы добавил: — Побойсь о сыне.

— Как ты мог подумать, что мы бросим Ратибора! Гремислав слабо улыбнулся.

— Вот ты и проговорился... Мы растаемся. Но

я все-таки срубил голову этому псу... Разбей Колокол... И помни о солнце...

— О солнце? — не понял Александр. — При чем тут солнце?

Но Гремислав молчал.

Кто-то тронул Александра за плечо. Он стремительно обернулся, вскидывая саблю. Перед ним стоял Древолюб. Вид лешего был ужасен — шерсть слиплась от застывшей крови, глаза горели мрачным огнем.

— Он умер, — тихо сказал Александр.

Леший печально кивнул.

— Ратибор тоже плох. Он истощен и измучен, у него выжгли глаза...

Александр протянул ему серебряную флягу.

— Возьми, там еще осталось немного воды.

— Она залечит раны, — леший провел рукой по лбу, — но он вернет зрение.

— Тогда позаботься о мальчике.

— А ты?

Александр указал саблей на вершину горы.

— Удачи, — коротко пожелал леший.

Александр, приволакивая ногу, направился к лестнице.

Лестница казалась просто бесконечной. Десятая ступенька, сотая, тысячная... Тут и здоровый из сил выбьется... Соленый пот заливал глаза, руки начали дрожать, ведь ему приходилось постоянно подтягиваться на перилах. Александр разорвал ворот рубахи, но воздуха все равно не хватало.

— Стой, — проскрипел равнодушный чужой голос.

Он поднял голову. Пятью ступеньками выше стояли два жителя подземного города. Их топоры угрожающе покачивались.

— Пропустите, — задыхаясь, приказал Александр.

— Нет, ты не пройдешь здесь. Мы не позволим разбить символ нашей свободы.

Александр слишком устал, чтобы вдаваться в философские споры. Он просто сделал внезапный прыжок и взмахнул саблей. Лезвие не только разрубило надвое противника, но и снесло кусок перил. Взметнулся топор, однако Александр успел поднять щит и, уже падая на ступени, проткнул и второго врага.

Дальнейший подъем превратился в бесчисленную череду поединков. Откуда здесь взялись подземные жители — он не пытался догадаться. Он просто рубил их все более тяжелеющей саблей. Если бы лестница была хоть немного шире или его оружие хоть немного слабее, Александр не поднялся бы и до половины горы. А так... Сцепив зубы, он прорубал дорогу наверх.

Еще шаг. Он с хрипом выплюнул кровавую слюну. И растерянно закрутил головой. Пробился!.. Александр стоял на вершине Железной Горы, и больше никто не преграждал ему путь к Желтому Колоколу.

И тут Александр увидел железную кумирню. Четыре витых столбика поддерживали четырехскатную граненую крышу. Злобно скалились драконьи головы, украшавшие углы. На столбах степняки развесили человеческие черепа. А под крышей, на массивной железной балке, висел желтый полупрозрачный колокол. Он действительно был отлит из желтоватого льда. То здесь, то там внутри колокола вспыхивали искры.

Александр доковылял до него и ударил. Раздался басовитый гул, но сабля отскочила, не оставив и щербинки на колоколе. Александр остолбенел. Потом ударил снова. И снова напрасно. Оружие, так хорошо послужившее ему, вдруг сделалось бессильным. В лицо пахнуло холодом. Порыв ветра донес звуки бесчисленных труб, грохот тысяч сапог, ржание конских табунов. Что это? Чьи рати двинулись в поход?

Сжав зубы, Александр ударил саблей по столбу. Нет, она не потеряла волшебной силы. Железный столб толщиной с человеческое туловище был разрублен. Но почему сабля не берет колокол?

В припадке ярости Александр изрубил кумирню на куски. Проклятый колокол теперь валялся перед ним на площадке. Но целый и невредимый!

Александр едва не разрыдался от злости и бессилия. Столько трудов и жертв принесены напрасно... Почему он не тает? Вот если бы солнце... Помни о солнце... Кто это сказал?!

Подчиняясь внезапному озарению, Александр поднял щит и пробежался пальцами по изрубленным золоченым лучам солнца. И внезапно они откликнулись глубоким протяжным звуком, словно загудели невидимые большие гусли. Уже уверенней он дотронулся до солнца. Грозная музыка зазвенела над вершиной Железной Горы. И растаяла заволакивавшая все вокруг противная серая дымка. Яркий солнечный луч ударил в колокол — и тот дернулся, словно живой, и завизжал подобно раненому зверю.

Александр ударил именно в то место, что было освещено солнцем. На этот раз колокол распался надвое с глухим треском лопающейся черепицы. От обломков в стороны потекли мутные желтые струи, неприятно запахло, начал куриться быстро тающий желтый дымок.

Тучи разбегались в стороны от Железной Горы, и Александр увидел... Увидел полчища закованных в железо рыцарей на северо-западе. На западе скакали всадники с орлиными крыльями за плечами. Караваны телег с огромными деревянными колесами ползли к Рутении с юга. На востоке собирались орды басурман.

Он вздохнул. Выбор сделан. Нет даже сомнений в том, что он остается здесь. Жаль, нога так и не слушается, а ведь придется много сражаться... У подножия горы его ждут Древолюб и слепой юноша, которому он должен заменить отца. Сумеет ли?

Александр доковылял к лестнице.



# Нехороший сегодня туман

Оскальзываясь босыми ногами, Кукольник с мешком за спиной упрямо продирается в туман. Чавкает жидкая грязь, плечи никнут от тяжести мешка и тишины, шаг все короче, мысли, заплутав в тумане, топчутся по кругу.

Хорошо Насте, ведьме сероглазой, у кипящего котла космы разматывать да бормотать: «Добрый тебе туман нужен, Кукольник. Светлый, как звездное небо над головой, легкий, как женщина на руках, теплый, как ее руки. Ищи его, Кукольник, ищи. Добрый туман да зеленые всплохи со звониками в нем... Там счастье тебе, там куклы твои запоют... Ищи, ты найдешь. Только бы вот туман тебе добрый, легкий да мягкий, как волосы любимой... Сам ищи, не помощница я тебе: дважды в туман не сходишь...»

Ведьмачит Настя, глазищами серыми сверкает, а руки норовит под шаль запрятать. Суметь надо — так руки-то покалечить! Мясо едва не до кости сошло. А все туда же: «В тумане... там счастье, там куклы запоют. Иди, Кукольник, ищи...» Вот и ищет которую ночь, старый дурень. Как туман на дворе, Кукольник — со двора. Добрые люди спать, он — в ночь... Мария уж и ругаться устала.

— Ну, что ты за хмарь такая? Ночью не мужик, днем не работник. Осень на дворе, дожди. Картошка не копана. Сено на покосе. Дров — чуть и вот столько. А у тебя одна печаль — куклы не поют...

Да, куклы — боль и радость сердечная. Все тут, за спиной. Примолкли, тоже намаялись. Дедуня, мудрейший старик, добродушный лукавец. Ладосшкой крошечной кольца бороды оглаживает, смешинку прячет. С ним рядышком Балагур прижорнул. Забавник-непоседа. Любимец хозяйский. Ну, а Юная Прелесь-Красота, как ни глянешь, все о чем-то с Веселым Чудичем шепчется. Хороши и они оба. Прелесь-Красота румяная, губки алые, зубки жемчужные, в глазках бесенята блестят. А платье-то, платье! Вот уж поголосила Мария по праздничному сарафану. Ничто, живы будем, новый справим... Сам ведь тоже не пожалел на Чудиче ни кожуха, ни сапог. Оба голенища ушли. Теперь вот босиком по грязи-то и лазай... Ничто! Зато вечером народ соберется... В избе тесно. Шум, дым. Мария ворчит для порядку, а гнать не гонит. Что гнать, когда уж и куклы встрепенулись! Дедуня небылицы-бывальщины сказывает. Балагур — тот хоть чертом пройтись, хоть балалайкой рассыпаться; а хоть и соврать что веселое: на все мастер! Ну, а уж сплясать, так то — Юная Прелесь-Красота. Пройдет павушкой, ножкой притопнет, ручкой прихлопнет. Девки от зависти аж стонут... А до Чудича дело дойдет — тут главное живот сдерживать, кабы не порвался!.. Людям весело, и Кукольнику хорошо: им ровно жизнь легче становится. Спины разгибаются, глаза искрятся. Душа поет!.. Да... Душа поет, а куклы — нет! Хотят, а не могут. Маюются, сердечные, мучаются. Легко ли в себе песню держать? А выпустить не могут. И он, Кукольник, ничем не поможет. Видит ту маету, иной раз — вроде все уже. Вот сейчас, еще чуть-чуть, а нет, снова ничего! Как помочь, чем? Никто не знает. И только где-то в углу, у печки, серым огнем сверкают Настины глаза. «Иди, Кукольник, ищи. Ищи туман, Кукольник...»

Ровно комар звенит... Хотя нет, не комар. Звон-то хрусталиком! Да и зелень вокруг поярче стала, туман светлее... Боль сама собой прошла. И мешок полегчал, и теплее стало. Господи, да это ж — они! Они, родные, и всплохи зеленые, и звоники! Звонь-звоник! Что боль, что — грязь да холод? Нашел, нашел все-таки! Вот же оно...

Упал темной грудой мешок. Удивленно тараща нарисованные глаза, куклы выпалились на траву.

— Неужто не узнаешь? Счастье, ха... Счастье лучистое! Протяни руки, Кукольник, подставь ладони, само придут. Вот же, все тут — и Счастье, и Доброта-И-Зелень-В-Серебре. Бери, Кукольник! Ха-ха... Да держи крепче, да смотри-слушай лучше. Скорее бери! Не один ты тут. Ах-ха-ха-ха...

И точно, не один. Нежить лохматая из тумана студнем тянется. «Всем звоников надо». Сколько ж той нежити?! И все себе кусок оторвать норовят. Лапой бескостной сгрести. Безглазыми впадинами, безгубыми провалами схватить. На себя тянут. «Счастья, Счастья бы, да звоников побольше!» Толпы лиц без единого лица. Мразь бесхребетная. Холодная мразь, недобрая... тянется, липнет к нему, звонистому, зеленосветному. К Счастью, к Доброте-И-Зелени-В-Серебре. Липнут да с собой его тянут. К себе тянут, уведят. Все себе, себе... — Не по-доброму так, не по-людски!

— Ха-ха... А сам-то ты зачем пришел?.. И ты, Кукольник, с ними! К себе пристроить норовишь. На руках, как свое, счастьеце-то удержишь. Рученьки жжет, а удержишь!.. Ну держи, держи. Вот и куколки твои тоже ручонки тянут. Не поют, говоришь? Сейчас разгуляются! Вот уж Дедок, старый похабник, схаркивает, горло прочищает. А любимчик твой, Балабон, как облизывается... Чудище от радости и вовсе рехнулось — блеет, скачет, Прелесь-Красотке все юбку задрать норовит. А той того только и надо! Зашлась по-русалочьи... Что ж ты, ровно померк, Кукольник? Чем тебе не счастье? Жизнь ведь это, ожили куколки-то, душа в них зашевелилась! Душа ожила, сейчас и песня пойдет... Чем тебе не нравятся? Ах, доброты... доброты тебе надо? А где ж ее на всех-то? Держи крепче, что есть! Уйду с туманом, не простишь себе. В другой раз не встретишь: дважды в туман не ходят!

Ровно гуще туман сделался. Или нежить сплотивлась? Прямо с рук к себе тянет!.. А оно — зеленое, светлое, лучистое — на руках-то так и скачет! Дразнит, кувыркается, из рук вырывается... Ну не надо же так! Жжет же руки-то... Пойдем с нами, к людям пойдем. Там на всех доброты будет! Ты поверь...

И вспышкой из тумана — удар серых глаз. «Только бы вот туман тебе добрый, Кукольник...»

Пальцы разжались, с хрустальным звоном ушло Счастье. Ушла Доброта-И-Зелень-В-Серебре. Все... Перед лицом — четкий черный росчерк мокрого забора.

Осень. Дождь. Картошка не копана. Дров ни полена. Корова без сена, дети без молока. Руки пожег, теперь гнить будут. Марии одной не сдюжить... Дождь. Грязь. И куклы не поют...

Нехороший сегодня туман, недобрый.



## «АЭЛИТА»-92

В сентябрьском номере журнала мы уже известили читателей о том, что традиционный наш праздник фантастики состоялся 22-24 мая. Добавим к тому сообщению некоторые необходимые подробности.

Упомянем прежде всего, что проведение «Аэлиты»-92 оказалось возможным лишь благодаря материальной помощи спонсоров. Издательства «Текст» (Москва) и «Эридан» (Минск), московская фирма «Стожары», ЛИА «Грифон» (тоже Москва), Литературное общество «Ренессанс» (Алма-Ата), наши земляки-уральцы ТМ «КВН УПИ» (Екатеринбург), РСК «Прима-4» (Орск), АО «Авеста» (Челябинск) — мы искренне признательны всем, кто откликнулся на нашу просьбу о помощи!

Чуть подробнее расскажем о тех, кого в этот раз чествовали на своем фестивале любители фантастики.

Лауреатом основного приза стал екатеринбуржец Сергей Александрович Другал.

Доктор технических наук, заведующий лабораторией в НИИ железнодорожного транспорта, ученый-практик, в чьем активе — свыше 50 авторских свидетельств и сотни надежных и экономических вибромаши, работающих на 24 дорогах СНГ, он — по счастливому стечению обстоятельств — в эти же весенние дни получил известие о том, что избран академиком Российской академии транспорта. Читателям же «Уральского слепопыта» Сергей Александрович давно известен своими рассказами о необыкновенном Институте Реставрации Природы и его сотрудниках — жизнерадостных, деятельных, с бесконечной чуткостью и добротой относящихся ко всему живому. Светлый полусказочный мир раскованных мыслей и чувств, возникающий в этих рассказах, вдвойне привлекателен сегодня и вдвойне утопичен, мечта о нем кажется откровенно иллюзорной. Однако именно мечта, светлая и добрая, способна — разве же не так?! — удержать нас на краю бездны, на краю того всеокушающего беспредела, который торжествует на развалинах показного, чисто внешнего благополучия нашего вчерашнего безнравственно-обезличенного казарменного рая...

Премия вручена писателю за

книгу «Василиск» (Средне-Уральское книжное издательство, 1990), в которую, помимо рассказов, вошла одноименная повесть, также первоначально печатавшаяся в нашем журнале.

На страницах «Уральского слепопыта» не раз появлялись и рассказы и повести Андрея Дмитриевича Балабухи. На протяжении двух десятилетий петербургский писатель активно выступает и в роли исследователя НФ: им написаны десятки статей, обзоров, рецензий, предисловий и послесловий к книгам коллег-фантатов, к составленным им коллективным сборникам. За этот-то вклад в развитие отечественной фантастики и присужден ему Приз имени И. А. Ефремова.

Третий наш приз — «Старт», за лучшую первую книгу — мы вручаем, опираясь на мнения КЛФ страны. Нынешние призеры — два Александра, Тюрин и Щёголев, авторы сборника повестей «Клетка для буйных» (1991), — по-настоящему молоды: по тридцати лет каждому. Запомните их имена: уже на выходе и другие их книги, обещающие быть весьма заметными даже на фоне нынешнего половодья НФ.

Формально «Аэлиты»-92 проходила точно так же, как и предыдущие. Заседали секции. Фантастиковедение, практически сведшееся — к сожалению?.. или, напротив, ко всеобщему удовольствию?! — к повтору докладов, прозвучавших во Владимири (мы уже сообщали в журнале о Вторых чтениях, посвященных творчеству Стругацких). Библиография НФ, которой было чем похвастать: с помощью упомянутых среди наших спонсоров «Стожар» вышел — тиражом в 250 экз.! — первый выпуск эпохального труда под общим названием: «Фантастика, изданная в России и СССР» — и расшифровывающим содержание выпуска подзаголовком: «Фантастика, опубликованная на Урале в 1882—1944 годах». Ролевые игры — вызывавшие вполне понятный повышенный интерес у непосвященных окружающих, ибо участники игр облачены были в доспехи давно минувших времен и, вдобавок, оснащены тех же времен оружием, коим владели на удивление искусно — с нашей, гм, сугубо дилетантской точки зрения. Фэн-пресса, наконец-то вышедшая из подполья и ныне паразитирующая многолика (причем, увы, не поддающаяся абсолютно никакому учету; это примечание в скобках сделано исключительно для того, дабы уведомить господ издателей вольной российской НФ печати: ежели все же захочется вам — а кому, скажите, этого не захочется?! — чтобы ваша газета, пусть даже вышедшая тиражом в сотню — меньше — экземпляров, тем не менее не затерялась в бурном сегодняшнем дне, но сохранилась и в почтение временам грядущим, — ПРЕ-

НЕПРЕМЕННО ПРИШЛИТЕ хотя бы один ее экземпляр в нашу редакцию; уж мы позаботимся о том, чтобы ее освидетельствовал и навечно зарегистрировал для потомства в своих анналах крупнейший, бесспорно, в пространстве нашего СНГ — и почти наверняка уже известный вам — Собиранье и Хранитель самой разнообразной НФ информации Игорь Георгиевич Халымбаджа!). Людьми — как и всегда, максимально использовавшие возможность личных контактов. Ряд других секций... Те, кто не был жестоко привязан к ним, — без затей, совершенно попросту общались с единомышленниками. Давними либо свежесобранными.

Однако ж (веяние времени?) наиболее многолюдной оказалась на этот раз секция издателей и распространителей НФ. Оно, впрочем, и понятно: если в Штатах фантастика, по слухам, составляет пятую (!) часть всей книжной продукции — вероятно, и нас ожидает нечто подобное! Не случайно же и у нас самые престижно-взыскательные издательства — сами или через всевозможные МП — с непредставимым прежде рвением отлавливают в свои сети вчерашнюю Золушку... Другое дело: чем все это для нас обернется? Издается-то, как правило, переводная фантастика! Причем издается чаще всего — пиратски, без указания переводчиков, явно из арсенала тех сугубо любительских переводов, что с давних пор бродят в нашем пространстве в машинописных копиях... Не кончится ли тем, что читатель, разочаровавшись в дорогуших, но откровенно подстрочных переводах, ностальгически потянется к ветхозаветным, зато вполне грамотным — русским языком! — написанным книгам?

На удивление вяло прошел нынче карнавал — в честь 100-летия со дня рождения Д. Р. Толкиена, полностью посвященный знаменитой эпопее и ее героям. Очевидно, нечто иное — более современное — было на уме у подавляющего большинства участников «Аэлиты»-92...

Как и в прежних отчетах, особливо — о семинаре молодых, который вел отв. секретарь «У. С.» С. Казанцев.

Семинар, по его словам, в этот раз оказался на редкость малочисленным: хотя и присутствовало более 20 человек, лишь 9 рискнули представить на обсуждение свои рукописи. Трудно сегодня судить о причинах этой робости (или — пренебрежения нашей, по-«аэлитски» скоротечной разновидностью многочисленных ныне НФ семинаров). Время покажет... Но (опять-таки по словам руководителя) с некоторым удивлением, тоже еще требующим осмысления, можно отметить, что, несмотря на свою малочисленность, семинар-92 принес богатый урожай. В портфель журнала рекомендованы

три крупные повести. Их авторы — Александр Громов из Москвы, Валентина Калинина (она же А. Щ.) из Новочеркасска и Юрий Якма (он же Ю. С.) из Челябинской области. «Не можем», — добавил Сергей Иванович, — объяснить стремление молодых авторов спрятать себя за псевдонимами, но и раскрыть оныне без их согласия не имеем права...» По установившейся традиции «Аэлиты» рекомендует одного из участников на Малеевский семинар. В этом году такую рекомендацию получил А. Громов. Большую помощь в проведении «аэлитовского» семинара, заключил С. Казанцев, оказал писатель из С.-Петербурга Святослав Логинов...

Для любителей статистики отметим, что оргкомитет «Аэлиты»-92 зарегистрировал 264 участника из 62 городов и поселков СНГ. В меньших, разумеется, масштабах, однако — как и в прежние годы — не одна только Россия с ее все еще не маленькими просторами, но и Украина, и Беларусь, и Молдова, и Прибалтика, и Закавказье, и Казахстан, и Средняя Азия зримо присутствовали здесь, словно бы фэнов бывшего Союза еще не коснулась общая тенденция к разбеганию...

Понятно, что это не так. Фэндом — отнюдь не заповедник, и фэны во всем, что не касается фантастики, — самые обычные люди, буруеваемые теми же страстями, подверженные тем же болезням, вовлеченные в те же процессы, что и прочее, «не фэнское» население стран Содружества.

Оттого и грядущая судьба «Аэлит» вовсе не безоблачна.

Если не с самим праздником, то вот с привычной-то формой его проведения мы, по-видимому, прощаемся. Она, эта форма, по-видимому, изжила себя, и в оставшиеся месяцы года нам предстоит решить — какими быть следующим «Аэлитам»?

## НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ

Окончание. Начало в № 10.

Федор СОЛОГУБ. ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА. Роман. М.: ХЛ, 1991. 100 т. э. (Забывая книга). Кн. 1 — 494 с., кн. 2 — 302 с.; То же. М.: Современник, 1991. 574 с. 100 т. э.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Т. 1. Извне: Путь на Амальтею: Стажеры: Рассказы. М.: Текст; РИФ. 1991. 431 с. 225 т. э.

Евгений СЫЧ. АНГЕЛ ГИБЕЛИ. Ф-ка. Красноярск: Кн. изд-во, 1991. 319 с. 5 т. э. Любовь — ТАЛИМОНОВА. ДРЕВНИЙ МИР В МОИХ ЛАДОНЯХ. Видеопритчи.

М.: Ментор Синема, 1991. 127 с. 10 т. э. ТАМОЖЕННЫЙ ДОСМОТР. Фант. рассказы. Симферополь: Таврия; РПК «Текст», 1990. 176 с. 75 т. э.

Виктор ТАРАСОВ. ОХОТА НА КЕНТАВРА. НФ повести и рассказы. Калининград: Кн. изд-во, 1991. 415 с. 50 т. э. (А)

Марк ТВЕН. ЯНКИ ИЗ КОННЕКТИКУТА ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА; Вениамин ГИРШГОРН, Иосиф КЕЛЛЕР, Борис ЛИПАТОВ, БЕСЦЕРЕМОННЫЙ РОМАН. Романы. Сост. А. Балабуха, А. Шербаков. Л.: ХЛ, 1991. 464 с. (Миф и ф-ка. Близнецы). 250 т. э.

ТВОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ Я. Науч. ф-ка. Сост. А. Балабуха, А. Бритиков. Л.: Политехника, 1991. 415 с. 100 т. э.

Александр ТЕБЕНЬКОВ. 61-Я ЛЕБЕДЯ. НФ рассказы. Бишкек: Кыргызстан, 1990. 48 с. 5 т. э. (А)

Юрий ТОМИН. КАРУСЕЛИ НАД ГОРОДОМ. Повести. Л.: ДЛ, 1991. 352 с. 100 т. э.

Эдуард ТОПОЛЬ. ЧУЖОЕ ЛИЦО. Роман. М.: Перо, 1991. 368 с. 100 т. э.

ТРЕТИЙ ГЛАЗ. Фант. повести и рассказы. Симферополь: Таврия; ТПО «Пульс»; СП «Интерст», 1991. 271 с. 100 т. э.

Юрий ТУПИЦЫН. СКАЗКА О ЛЮБВИ, XXIII ВЕК. Роман; ВЕДЬМА. Гипотеза. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1991. 304 с. (Ф-ка). 140 т. э.

Александр ТУТОВ. ЗАГОН ДЛЯ ЛЬВА. Повесть и рассказы. Котлас: Газ. «Двинская правда», 1991. 89 с. 30 т. э.

Александр ТЮРИН, Александр ШЕГОЛЕВ. КЛЕТКА ДЛЯ БУЙНЫХ. Фант. повести. Л.: ДЛ, 1991. 159 с. 100 т. э.

УКРАСТЪ У ВРЕМЕНИ. Ист. повесть, ф-ка. Сост. И. Павлова. Ставрополь: Кавказ. б-ка, 1991. 640 с. (Альм. «Шат-гора»). Вып. 1). 250 т. э.

Николай УЧВАТОВ. ВЗОРВАННЫЙ ОСТРОВ. Фант. повесть. Пер. с мордмошца. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1991. 208 с. (Фантотека). 15 т. э.

ФАНТАСТИКА, 1991. Сб. Сост. В. Фалеев. М.: МГ, 1991. 350 с. 100 т. э.

ФАНТАСТИКА: ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ. Рассказы. Сост. Б. Стругацкий. СПб.: ИИК «Северо-Запад»: О-во «Б-ка «Звезды», 1991. 269 с. (Дом. б-ка «Звезды»). Отч. и зарубж. проза). 140 т. э.

Игорь ФЕДОРОВ. ПЕРВАЯ ПЕЧАТЬ. Фант. повесть. Волгоград: ЛИА «БАЗИАТ», 1991. 122 с. 3 т. э.

Борис ФРАДКИН. НУЛЕВОЙ ЦИКЛ. НФ рассказы. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 166 с. (ПФ). 15 т. э.

ЦЕХ ФАНТАСТОВ, 1991. Фант. повести. Сост. И. Можейко. М.: Моск. рабочий, 1991. 285 с. 50 т. э.

ЦЕХ ФАНТАСТОВ, 1991. Фант. рассказы и роман. Сост. И. Можейко. М.: Моск. рабочий, 1991. 236 с. 50 т. э.

Виктор ЧЕРНЯК. КУКЛЫ САТИЛА. Детект. повести. М.: ХЛ, 1991. 158 с. 100 т. э.

Вадим ЧИРКОВ. СЕМЕРО С ПЛАНЕТЫ КОЛАМБА. Фант. повести, рассказы. Кишинев: Гипернон, 1991. 318 с. 25 т. э.

Александр ШАЛИМОВ. СТРАННЫЙ МИР. Повести, рассказы. Л.: СП, 1991. 512 с. 50 т. э.

Анатолий ШАЛИН. БУНТ МАРНОНЕТОК. Фант. роман, повесть, рассказы. Новосибирск: Кн. изд-во, 1991. 312 с. 15 т. э.

Анатолий ШЕРСТОВИТОВ. РАЙГОРОД. Фантастики из глубинки. М.: РИО ГИИТ СССР, 1991. 127 с. 30 т. э.

Вадим ШЕФНЕР. ДЕВУШКА У ОБРЫВА. Сб. НФ произв. М.: Знание, 1991. 272 с. 500 т. э.

Борис ШТЕРН. РЫБА ЛЮБВИ. Фант. повесть, рассказы. Киев: Молодь, 1991. 304 с. 65 т. э.

Сергей ШЕГЛОВ. ЗАМОК. Фант. повесть. Волгоград: КЛФ «Ветер Времени», 1991. 89 с. 20 т. э.

ЭТОТ ПРОКЛЯТЫЙ КОМПЬЮТЕР. Сб. НФ рассказов. Вып. 1. Сост. В. Ким. Л.: Агентство «Информпрессервис», 1991. 64 с. 100 т. э.

Зиновий ЮРЬЕВ. ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ. Фант. повесть. М.: МГ, 1991. 303 с. (БСФ). 100 т. э.

Фантастика печаталась, кроме того, в

сборниках «Аргус» (Екатеринбург: Интербук; ТПО «Старт», 1991), «Вампиры» (Владивосток: МП «Экслибрис», 1991), «Конец века» (вып. 1, М., 1991), «Мираж» (М.: Новости, 1991), «Приключения, фантастика» (М.: Воениздат, 1991, серия «Сокол»), «Торговец идеями» (Уфа: Баш. кн. изд-во, 1991), в книге Э. Бутина «Лицом к лицу» (Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1991), В. Бутова «Целующий раскрытые ладони» (Новосибирск: Кн. изд-во, 1991), Г. Данилевского «Святые вечера» (М.: ВИТА, 1991), Ю. Даниэля «Говорит Москва» (М.: Моск. рабочий, 1991), В. Ерашова «Коридоры смерти» (М.: ПИК, 1990), А. Жульна «Душа убийцы» (М.: МП «Конт», 1991), В. Кострова «Всего один сутки» (Курган, 1991), С. Кржижановского «Возвращение Мюнхгаузена» (Л.: ХЛ, 1990) и «Сказки для вундеркиндов» (М.: СП, 1991), В. Логинова «Белое. Красное. Черное» (М.: МГ, 1991), Ю. Мамлеева «Вечный дом» (М.: ХЛ, 1991), И. Паблос «Город Солнца» (М.: МГ, 1991), В. Пискунова «Голуби в чемодане» (Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1990), Д. Трускиновской «Обнаженная в шляпе» (Ужгород: Карпаты, 1990), И. Христулюбовой «Загадочная личность» (Пермь: Кн. изд-во, 1991), Н. Эренбурга «Неправдоподобные истории» (М.: Б-ка «Огонек», 1991).

Переиздавались, помимо уже указанных в основном списке, книги А. Беляева, М. Булгакова, К. Булычева, Е. Велтистова, А. Волкова, А. Грина (в частности, вышли первые два тома нового пятитомного собрания сочинений — М.: ХЛ, 1991), И. Ефремова, Л. Лагина, В. Набокова, Н. Носова, Ю. Олеши, А. Платонова, А. и Б. Стругацких, «Тайна двух океанов» Г. Адамова (Ташкент: Изд-во ЦК КПУ, 1991), «Невозвращенец» А. Кабакова (СПб.: ТПП «Петрополь», 1991), «Необыкновенные приключения Карика и Вали» Я. Ларри (М.: Правда, 1991), «Могила Таме-Тунга» К. Нефедьева (Челябинск, 1991), «Земля Санникова» В. Обручева (Томск: Кн. изд-во, 1991), «Лунная рудуга» С. Павлова (кн. 1 и 2, Красноярск: Рось, 1991), «Александрийская гемма» (М.: Профиздат, 1991) и «Ларец Марии Медичи» (М.: Рус. язык, 1991) Е. Парнова, «История парикмахерской куклы» А. Чайнова (Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1990).

Из книг о фантастике и писателях-фантастах перечислим следующие (добавив сюда и пропуски прежних лет):

Евгений БРАНДИС. РЯДОМ С ЖЮЛЕМ ВЕРНОМ. Докум. очерки. 3-е изд. СПб.: ДЛ, 1991. 207 с. 100 т. э.

Георгий ГРУБВИЧ. БЕСЕДЫ О НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Просвещение, 1991. 158 с. 100 т. э.

Аделаида ЛЮБИМОВА. ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА РОМАНОВ Г. УЭЛЛСА 1900-1940-х ГОДОВ. Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1990. 104 с. 900 э.

Евгений НЕЕЛОВ. СКАЗКА, ФАНТАСТИКА, СОВРЕМЕННОСТЬ. Петрозаводск: Карелия, 1987. 126 с. 2 т. э.

Александр ОСИПОВ. БИБЛИОГРАФИЯ ФАНТАСТИКИ. Опыт ист.-аналитич. и методико-теоретич. характеристики. М.: Изд-во МПИ, 1990. 222 с. 15 т. э.

СОВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА. Библиогр. указатель. Вып. 1. Работы по теории (1917—1970). Сост. А. Шек. Самарканд: СамГУ, 1988. 55 с. 300 э.

СТРУГАЦКИЕ О СЕБЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И МИРЕ (1959—1966). Омск: МП «Цефей»; Обл. ювш. б-ка; КЛФ «Алькор», 1991. 123 с. 1 т. э.

УТОПИЯ И УТОПИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ. Антология зарубеж. лит. Сост. В. Чаликова. М.: Прогресс, 1991. 405 с. 27 т. э.

ФИЛОСОФСКИЕ ПОИСКИ И НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА. Беседа за «круглым столом». М.: Знание, 1990. 64 с. (Философия и жизнь, 5). 28 877 э.

Ежи ШАЦКИЙ. УТОПИЯ И ТРАДИЦИЯ. Пер. с польск. М.: Прогресс, 1990. 455 с. 14 т. э.

# ОДНА ЛОШАДИНАЯ СИЛА

В тридцатые годы железнодорожные рельсы далеко на север Урала еще не забегали. Отмерив от города Серова (тогда Надеждинска) сотню километров до станции Вагран, они загибались салазками и полосатой шпалой-перекладной оповещали о конце железнодорожного путешествия. А если кому предстояло продвигаться дальше на север, к Ивделю, то следовало на Вагране искать подводу или топтать добрую сотню километров пешком.

Так мы и поступили с дружкой Nikolay той далекой апрельской порой,— отсчитывая трудные километры весенней распутицы, шагали вслед за нагруженным экспедиционным добром подводами. Целью Лозвинской экспедиции «Уралзолота», в которую мы, студенты Свердловского горного института, подрядились на работу, было геологическое картирование и поиски коренных месторождений золота в притоках реки Ивдель.

Золото, золото!.. Презренный желтый металл, вечно лихорадивший, приводивший в смятение человеческие души, не дававший покоя алчным искателям, приносящий людям либо бешеный фарт, либо разорение! Однако совсем не за фартом спешила к Ивделю наша экспедиция. Машины, поступающие из-за рубежа, надлежало оплачивать долларами, а доллары — золотом. Вот «за каким рождном» мы и месили распутицу.

В Ивделе кончалась и колесная дорога. Дальше на север и на запад в горы уходили пригодные лишь для вьючных караванов да оленьих упряжек тропы.

Мы с Николаем рвались в верховья реки, где нашему небольшому отряду предстояли поисковые работы. Однако не тут-то было. Сначала пришлось попотеть над сметами и заявками, горячась в бесполезных спорах с мудрыми кладовщиками и завхозами. На этой заключительной стадии экипировки мы и предстали перед экспедиционным конюхом Ерофеем.

Об этой личности мы немало понаслышались уже в первый день своего пребывания в Ивделе. Судьба закинула Ерофея на Урал с плодородных украинских степей. Среди ивдельчан он слыл человеком ловким и предприимчивым. Устроившись конюхом в геологическую экспедицию, имел много свободного времени и с немалым разумением пресуспевал во всяком браконьерстве. Односельчане Ерофея сообщили нам, что на Лозье вот-вот начнет нереститься щука, и по этой причине Ерофей теперь ждет не дождется, когда развяжет обе руки и «вышарит» в тайгу всех подопочных ему лошадемок.

С Ерофеем мы встретились на большом колхозном дворе. С морщинистого, обросшего бурой щетинкой лица, чем-то напоминающего распаренную в костре кедровую шишку, глядели на нас острые лукавые глазки.

— Здоровеньки буды! Что-то припоздали, соколики! Не шибко, видать, в тайгу-то поспешаете,— тоненько пролеп конюх.— Айдаге в завозню. Зараз во всем разберемся!

В складском помещении Ерофей указал на вешало.

— Седло сами выберите. Да не зарытесь на то, казачье. Брюхо дукой пропорете. Берите кавалерийское. На ем, правда, не больно поспешишь, зато не опасно. Значит так: начальство вам на отряд одного коня выделило. До базы с вьюками на трех лошадях уйдете. Двух лошадей с парнем назад воротите, а одну при себе оставите.— Посчитав дело законченным, конюх повернулся к дверям.

— Пошли, ребята. Покажу вам нашу лошадиную силу! Хе, хе, хе! Никак в толк не возьму, пошто люди машины-то лошадиной силой меряют. Чудно как-то...

Конюшня встретила нас крепким лошадиным душком.

— Вон ваша лошадиная сила!— Ерофей звонко шлепнул по крупу гнедого жеребчика, что стоял у самых ворот в стойле. Жеребец вздрогнул, высоко вскинул голову и, блеснув белком глаза, скосился на конюха.

— Колькой кличут. Кличку свою здорово знает...

Мой дружок Николая крикнул, и я поспешил успокоить приятеля:

— Ничего! Будем звать тебя Николаем Григорьевичем или тезкой. Чтобы с жеребцом не путать.

Николай возмутился было, но его остановил вопрос конюха:

— Вы, ребята, с конями когда управлялись? В седле-то сижвали? А то глядите, Колька-то уросной шибко! Я неожиданно для себя ответил:

— А как же! Как лето, с седла не слезаем. Такая работа!

Поздно вечером Николай Григорьевич поддел меня:

— Хо-о-рош! Разбрехался: с седла не слезаем! Работа такая! Тьфу! Слушать тошно!

Не знаю, что меня подхлестнуло, но я соскочил с кровати и выпалил:

— Спорим, что этот «уросливый» жеребчик у меня через лето шелковый станет?!

Николай хмыкнул, а потом добавил:

— Вызов принимается! Награда — финский нож! Джигиту желаю спокойной ночи!

На следующий день при сборах в дорогу я с особым усердием помогал конюху седлать и вьючить наших лошадей. Эту науку нужно было усвоить надежно и в самый короткий срок. В тайге учиться конюводному мастерству будет не у кого.

В полдень наш маленький отряд из пяти человек и трех навьюченных лошадей ушел в горы. В голове отряда двигался Колька. Шагал он под вьюком свободно, без повода, чуть наклонив и устремив вперед гривастую голову. Ступал по траве натуженно, но смело и уверенно. Во всех его движениях, даже в том, как он перешагивал через завалы, угадывался навык коня бывалого.

Я наблюдал за всеми его действиями и поведением и замечал, что есть в нем что-то удивительно симпатичное. А что — не сразу уловишь. Не в пример орловскому

жеребцу, был Колька невысок, нестроен. Скорее плотен, приземист да широк на спину. На тасжной тропе он не казался пришлым гостем: был своим, тутошним, настоящим тасжником. Особенно хорош был Колька, когда шагал по скальным осыпям или по речному галечнику. Там он своими нековаными копытами ступал мягко, изящно, с виртуозной ловкостью, недоступной людям.

На меня Колька не обращал никакого внимания. Только иногда, когда я подходил слишком близко, косил на меня большим глазом и сочно всхрапывал, что, видимо, означало: «Не крутись под ногами!»

Северный весенний день долог. И все же только к поздним сумеркам мы, наконец, добрались до цели своего путешествия — большой вырубке с разбросанными по ней строениями. Тесовые крыши трех барачков и стоявших перед ними сарайчиков были ярко освещены догорающей вечерней зорькой. За строениями поблескивал Ивдель, а с его противоположного берега глядели на нас осветленные зарей высоченные кедры, ели и лиственницы. Устройство быта геологов в поле образуется просто и непритязательно. Над нашими головами была добротная крыша, а это — уже «полбыта». Все поисковые работы нам предстояло проводить по левому, противоположному от нас берегу Ивделя. Доступный же брод находился далеко. Нужна была лодка — и немедленно. Решение этой нелегкой задачи произошло удивительно просто и быстро.

Ивдельчане считают, что обо всех тасжных делах и происшествиях лесных жителей прежде всего оповещает вездесущая птица — кедровка. Так случилось и с нами. О появлении на реке геологического отряда в ближайшем стоябище остяков (теперь «манси») прослышали сразу же после нашего появления. Вечером к берегу рудника причалили три длиннющие рыбацкие лодки. Остяки-то на взаимовыгодных условиях и оставили нам одно из своих суденышек. Вопрос с переправой был решен, и на левом берегу Ивделя закипела работа.

Единственным бездельником в эти дни в отряде был Колька. В его служебные обязанности входило обеспечение транспортом дальних геологических маршрутов и связь с экспедиционным центром. Ни в том, ни в другом у нас пока необходимости не было, и Колька, презрев законы товарищества, у всех на глаза бессовестно валил дурака. Похлестывая по крупым бедрам хвостом (причем без всякой необходимости, так как ни оводов, ни мух еще не было), Колька часами слонялся по луговинкам и пустошам вокруг лагеря. Полакомившись первозданной зеленью, коняга обычно валился на бок, потом неожиданно резко перевортывался на спину, блаженно всхрапывал и болтал в воздухе ногами. А после предавался сладкой лошадиной дреме.

Но вот ленивый распорядок Колькиного дня стал постоянно нарушаться не очень приятным для него беспокойством. Случалось это, когда я появлялся перед ним с седлом и уздечкой в руках. Пока я набрасывал на Колькину спину потник и седло, пока застегивал подпруги, к моим неуверенным действиям конь относился снисходительно. Но когда я начинал вскарабкиваться на коня, его выдержке наступал конец. Колька вытанцовывал ногами какие-то замысловатые «па» и отчаянно вертел задом.

Надо ли говорить, что моя первая лихая попытка оказаться в седле окончилась полным провалом. Все произошло быстро и необыкновенно просто: возмущенный моим намерением, конь высоко подкинул зад, и я, не успев толком «приседиться», с легкостью мотылька полетел на землю.

Но постепенно все становилось на место. Продолжая верховые упражнения, я не падал духом и скоро достиг долгожданной уверенности седока.

Между тем наступило лето. О его начале нас известил разом заполнивший тайгу крылатый гнус. Полчища комаров-кровососов и оводов, словно по единому зову, обрушились на наши бедные головы. Накомарники не помогали. И однажды утром из двух наших рабочих объявился только один Семен:

— А Никита-то нонче убер, — мрачно протянул парень.

— Как убер?

— А так. Он еще вечером скулил: «На хрена мне комариная жизнь!» А ночью, видать, на лодке и драпанул. Лодки-то на берегу нету.

Вот так известие! Мы призадумались. Паводок на реке закончился, но пережат все равно оставался глубоким. Ежедневные погружения в его ледяные струи никого не могли обрадовать. Но другого выхода не было, и мы мужественно покорились судьбе. С этого дня в утренние и вечерние часы над рекой можно было услышать вопли искателей, преодолевающих водный рубеж.

Как-то утром, в предвидении очередного купания, я обратил внимание на мирно дремавшего под навесом лодыря Кольку. Накинув на жеребца уздечку, я завалился на его широкую спину, ткнул пятками в брюхо и нацелил коня к броду.

Я не раз замечал, как Колька поглядывал на луговину противоположного берега, где зеленели вошедшие в рост цветастые травы. Они манили к себе коня, и в воду он направлялся с явной охотой, без всякого понукания.

На левобережной луговине Кольке явно понравилось. На следующее утро я предложил тезке Николе сесть на коня вместе со мной.

В ожидании приятного путешествия конь часто кланялся и пофыркивал. Но, когда, цепко охватив меня вокруг живота руками, на круп лошади стал взгромождаться второй наездник, Колька заволновался, недовольно крутанул задом, отстучал конечностями какую-то танцевальную фигуру и хлестко лупанул нового седока хвостом...

Только служба есть служба. И вот, поднимая каскады холодных брызг, он шумно шлепает по перекаату. Однако мне показалось, что бредет он не обычным путем: забирает выше, где река значительно глубже. Я потянул повод, чтобы направить коня в нужную сторону. Колька, натянув узду, натужно склонил голову, недовольно фыркнул, а с пути не свернул. «Ну и черт с тобой, упрямая животина. Тебе видней!» Я отпустил повод.

Между тем становилось все глубже. Вода уже перестала журчать под брюхом лошади, а шлепалась по голеницам наших сапог. А я все молчал и ждал, что вот-вот будет мельче. Над моим ухом так же выжидательно сопел тезка и тоже помалкивал.

Неожиданно Колька остановился. Остановился основательно и прочно.

— Но, пошел! — рассердился я. Чмокнул, дернул за узду и ткнул фокусника пятками в брюхо. Учтиво выслушав мои приказания, Колька согласно качнул головой, но с места не двинулся. Тогда, впервые решив применить против коня жесткие меры, я стянул с живота поясной ремень и в сердцах хлестнул его по упитанной ляжке. Не помогло...

Выход был только один. Я повернулся к сопешему над моим ухом приятелю.

— Ну чего ты меня тискаешь? Давай, слезай!

Несколько мгновений приятель молчал, потом скатился с лошади и, оказавшись чуть-ли не по плечи в воде, тяжело побрел к противоположному берегу.

И надо же! Следом за ним, без всякого принуждения, зашагал и наш строптивый жеребчик.

Всякий раз, когда я вспоминал об этом случае, я пытался понять причину Колькиного каприза. И, признаться, всегда находил ее в недоброжелательности моего приятеля к лошади. После такого открытия я лишний раз убедился, что конь отлично умеет ценить и понимать хорошие отношения и сам платит людям тем же.

Лето заметно шло на исход. Уже блестели росой раскинутые по кустарникам паучьи сети, а потяжелевшие гроздь рябины взялись торопливым румянцем.

В жизни нашего небольшого отряда произошли немаловажные перемены: под навесом у печки-каменки появилась занятая «фирменной» похлебкой, проворная дивчина, именуемая в экспедиционном списке отряда чудноватым словом «каморница».

Поздними вечерами все мужское население лагеря во главе с вдохновительницей посиделок стало собираться у ночного костра. В его жарких углях томились, шипели и потрескивали смолой еще загодя добытые «верхолазами» кедровые шишки. В ожидании сладких орешков мужчины наперебой «травили» всякую лихую небывальщину.

Чары нашей каморницы не миновали и Кольку. Покоренный девичьей лаской, строптивый коняга теперь все свободное от служебных обязанностей время около-

чивался около лагерной кухни. Стоять, дремать и ждать контрабандного куска сахара или ржаного сухарика, поданного рукой доброй феи, Колька мог сколько угодно.

Глядя со стороны на эти лирические свидания, я не без досады думал: «Ну и подхалим! Нет, на настоящую дружбу с Колькой рассчитывать нечего». Однако, такое суждение оказалось ошибочным...

На западном склоне Урала в долине Велса, восточного притока Вишеры, в районе давно заброшенного прииска Серебровского трудился поисковый отряд нашей экспедиции. Работы его подошли к концу, и для расчета с рабочими нужно было вывезти в экспедицию кое-какую важную документацию.

Я решил идти за Урал в одиночку, без спутника. Такое решение было принято мной вопреки неумолимому таежному правилу: в одиночку по тайге не ходят. Поэтому оно и было встречено в отряде с недоумением и даже протестом. Но я все же решил поступить по-своему.

Ранним утром приторочил к Колькиному седлу переметные сумы, уложил в них продовольствие и отправился в путь.

Ясный сентябрьский денек подарил нам с Колькой немало радостных впечатлений. Сентябрь был чист и прозрачен. Далекие склоны гор, пестро расцвеченные красками осени, рисовались необыкновенно ясно и отчетливо. На фоне лоснящихся под солнечными лучами зеленых

Рисунок Николая Мооса



кедровников празднично светились охваченные огнем кружевные рябинки и заплаты бронзово-желтых осинников.

Там, где были часты встречи с дичью, я шел пешком. Колька, уже освоивший приемы моей охоты, вел себя в ней как прямой соучастник. Когда перед ним шумно взлетали рябчики и рассаживались по соседним деревьям, Колька мгновенно останавливался и, как ни в чем не бывало, принимался щипать траву. На мои выстрелы он не обращал никакого внимания, пска я приторачивал к переметной суме добытую птицу, продолжал похватывать лакомую травку.

На прииске Серебровском мы задержались недолго: торопила нас с Колькой обратная дорога. Думая я о ней не без волнения, потому что идти решил не старой тропой, а, по совету остяка Бахтиярова, более короткой, северной, что спускалась на восток по левому берегу Ивделя. Ко всему этому случилось так, что, попав в компанию лошадей Велсовского отряда, Колька, вопреки всем правилам лошадиного тона, сразу повел себя чрезвычайно невыдержанно, можно даже сказать, непристойно. Оказав чрезмерное внимание приглянувшейся ему бусой кобылице, он сразу оказался в конфликте с ее приятелем, гнедым жеребчиком. В короткой, немедленно возникшей драке с гнедым Колька ухитрился вырвать зубами с его плеча изрядный лоскут шкуры, за что и был немедленно выдворен из загона. Таким образом, рассчитывать на дальнейшее гостеприимство Кольке уже не приходилось, и мы засобирались в дорогу. На четвертом часу пути чаща темного леса неожиданно расступилась, и перед нами открылось широкое, чистое от крупного леса пространство. По большому кочкастому, покрытому буйными травами болоту повсюду торчали сиротливые, низкорослые сосенки — «карадашник». Тоскливая и мрачная картина.

Колька остановился перед болотом у большой толстой сосны. От нее, отмеченные затесками на деревьях, уходили две тропы. Одна направлялась через болото к черневшему лесом противоположному берегу. Другая, круто свернув в сторону, шла в обход болота. На стволе сосны хорошо просматривались старые ослепшие затески. Крестики, уголки, палочки. О чем они? Были бы мы с Колькой пограмотней — узнали бы, что болотная тропа называется «зимником».

Сначала показалось, что болото встретило нас дружелюбно. Насытившаяся дождем почва хоть и хлюпала под ногами, но не проваливалась. Мимо нас быстро проплывали омытые дождем сосенки, пиканы и склонившиеся дугой, напоенные влагой метелки травы. Противоположный берег болота, обозначенный высоким кедровым лесом, быстро приближался.

Между тем, мне показалось, что тропа стала не такой надежной, как в начале. Почва под ногами по-прежнему была прочной, не проваливалась, но как-то странно пружинила и покачивалась. Тут я вспомнил о карте. Припомнилось на ней маленькое белое пятнышко, что приотлилось между гор, и около него короткая надпись: «О. Тур».

Озеро. И «тур» по-остяцки, кажется, тоже — озеро. Немало их на Урале, когда-то бывших озер, превратилось в проходимые и непроходимые болота. А каким же стало наше? С берегов оно успело покрыться прочной торфяной кровлей. У середины же кровля, видимо, оторвавшись от дна, все больше и больше пружинила и качалась. Качалась теперь уже вместе с кочками и сосенками.

Тревожное предчувствие овладело мной. Я уже было бросился к Кольке, чтобы повернуть его обратно, но оста-

новился: было поздно. Раскачиваясь, рывками выдергивая ноги из оседавшего под ним зыбкого грунта, Колька отчаянно рвался вперед. Опередить и остановить его было невозможно. Да этого, пожалуй, теперь и нельзя было делать. Любое промедление, остановка или топтание на месте могли кончиться плохо. Это понимал и сам Колька: ведомый могучим инстинктом самосохранения, он отчаянно боролся за каждый бросок, каждый шаг продвижения. Под его тяжестью шаткая торфяная кровля качалась и вздрагивала, словно живая. На ее предательски красивое зеленое покрывало из-под конских копыт летели тяжелые ошметки грязи.

За поляной, по которой пробирался Колька, уже совсем близко от него, группами и в одиночку, теснились высокие кочки. С затаенным дыханием я стоял и ждал развязки. Если у Кольки хватит сил и проворства одолеть болотную сердцевину и достичь кочек, опасность минует. Там, за кочками, берег, кедрач и, наконец, желанная твердая земля под ногами. Чуял это, наверно, и Колька. Вот он, раскачиваясь и оседавая то на одну, то на другую ногу, мягкими и упругими рывками почти уже достигает цели. Но тут неожиданно ему изменяет осторожность. В стремлении скорее вырваться из-под власти коварного зыбуна, Колька неожиданно делает отчаянный бросок вперед и сейчас же проваливается задом в трясины. Успев навалиться грудью на кочку, он скребет болотную жижу ногами и, сляясь удержаться на поверхности, заваливается на бок. Да так, без движения, боясь шевельнуться, и замирает.

Не помню, как миновал я зыбун и оказался около Кольки, как финским ножом одолел неподатливые подруги и скинул с коня выюк. Помню только, как, поборав себе под ноги все, что попало под руки — штатив, полог, потник и брезентовый плащ, я топтался по колению в грязи возле лошади. Тело лошади по-прежнему медленно погружалось в пучину. И вдруг тишину болотной глухомани взорвало пронзительное Колькино ржание. Оно вернуло мне силы. Я ухватился за хвост лошади и отчаянно заорал:

— Пошел! Пошел, Колька, милый, пошел!

Ржание оборвалось. Конь дрогнул и, подобно освободившейся от гнета пружине, вдруг мощно рванулся вперед. Я почувствовал, с какой бешеной силой там, в трясины, забились его ноги.

Еще рывок, еще. Что-то сильно ударило меня в грудь. Упав на бок, я лежал в грязи и, не ощущая ни боли, ни липкой жижи, в которую были погружены мои руки, неотрывно следил за лошадию. Колька тяжело перевалился через кочки. Качаясь на зыбкой кровле, он осторожно поднялся на колени, и как-то странно подобрав задние ноги, совсем не по-лошадиному, вперевалку, короткими рывками, стал медленно продвигаться вперед. Вот навалился грудью на кочки, взметнулся всем телом и, шатаясь, вскочил на ноги. Не задерживаясь на месте и все еще раскачиваясь из стороны в сторону, он осторожно пошел к берегу...

Чинить порезанные ремни не было сил. Все восстановительные работы отодвигались на утро. Бедолага Колька, сморенный теплом костра, стоял с низко опущенной головой, дремал. Налипшая на его шкуре грязь от жаркого огня успела высохнуть, побелела и растрескалась. Шерсть на боках слиплась и дыбилась клочками.

Наступивший день принес нам свежие силы. Уже к полудню, отшагав по тропе полтора десятка километров,

мы вышли из леса и вступили на левобережную луговинку Ивделя.

В ответ на мои сигнальные выстрелы с противоположного берега реки грянул нестройный ружейный салют. В ожидании переправы я опустился на валежину. Колька, успевший уже одолеть перекат, бренча галечником, ходко взбирался на родной берег.

После нашего злополучного похода за Урал в Колькином отношении ко мне неожиданно произошли удивившие всех перемены. Находясь на вольном содержании, Колька, как и прежде, мог располагать своим досугом по своему собственному лошадиному разумению. Он по-прежнему бродил по пустошам и луговинам, залезал в реку или просто часами дремал в тени сараюшки. Но теперь к этим лошадиным заботам у Кольки неожиданно прибавилась новая, пожалуй, самая главная: «Как бы не потерять из вида своего нового друга, хозяина». Иначе истолковать Колькино поведение я не мог. Коняга мотался за мной повсюду. Делал он это вроде бы между прочим, ненавязчиво, попутно со своими занятиями, но глаз с меня не спускал. Когда мне приходилось переправляться на другую сторону Ивделя, Колька подходил к берегу и следил за моей лодкой. На левобережную луговину он теперь не навещался. К осени там часто стали появляться следы крупного зверя, а встреча с медведем Кольку ничуть не прельщала. Однако к вечеру конь непременно появлялся на берегу. Встретив меня, он с какой-то забавной деловитостью пристраивался следом и провожал до дома. А дома я всякий раз подмигивал тезке Николаю да просил не забывать о финском ноже.

...Октябрь с холодными северными ветрами, с белыми мухами подвалил, как говорится, без предупреждения. От шальных ветров закружилась, завьюжила золотая метель листопада. Над тайгой, обгоняя попутные облака, заспешили на юг гусиные стаи. С высоты их полета до нас постоянно доносился хлопотный и в то же время казавшийся удивительно деловым птичий разговор.

В лагере полным ходом шла подготовка к эвакуации. Прибытие вьючных коней из Ивделя ждали со дня на день.

В один из таких последних лагерных дней мы с Колькой возвращались с дальнего геологического маршрута. Колька весело трусил по тропе к дому. Опустив повод и предоставив коню полную свободу, я с удовольствием расслабился, устроился в седле поудобнее и пригнулся подремать. Стемнело. Но ночная езда меня не беспокоила: Колька — это мастер ночных путешествий. Зрение у коня было превосходным. Ведущая к дому тропа ровной стезжкой тянулась по высоченному сосновому бору. В вершинах его натужно шумел и безобразничал порывистый ветер.

Привычная, хотя и несколько тревожная музыка леса ни мне, ни Кольке беспокойства не доставляла. Колька бежал бойкой, но какой-то удивительно нудной, усыпляющей рысью. Укачанный ею, я скоро задремал и отключился от всего происходящего...

Очнувшись от неожиданно резкой остановки коня. Качнувшись всем телом вперед, я даже в крошечной темноте ночи ощутил, что нахожусь перед каким-то препятствием. Протянув руки вперед, я тут же наткнулся на сучковатый ствол поваленного ветром дерева. Упавшая и нависшая над тропой сосна, как оказалось, не создавала препятствия для лошади, но для ее седока была бы настоящей ловушкой. В этом я легко убедился, когда соскочил на землю. «Какой же ты молодец!», — подумал я и крепко обнял коня за шею: благо, не высок был ростом мой славный

спаситель... Обоим нам в эти минуты было хорошо и радостно...

Уж если бывают долгие дни, то самые длинные из них были для меня в ту городскую зиму. Глядишь иной раз в окуляр микроскопа, а там вместо гранитного шлифа привидится тебе зеленая благодать тайги. Откинешься на спинку стула, глаза закроешь и прямым ходом туда, в таежное лето.

Вспоминал ли я все это время о своем меньшем брате? Не только вспоминал, но часто и подолгу думал о нем. Ну, а Колька? Забыл меня, наверное. При встрече, пожалуй, и не узнает...

И вот, наконец, она состоялась, эта встреча. Хорошо помню бодрящее апрельское утро в Ивделе. Под ногами похрустывал створенный студеной ночью ледок. Все тот же просторный колхозный двор, заставленный санями, телегами и еще какой-то хозяйской утварью. И все тот же Ерофей в накинутом на плечи полушубке, с посаженной набекрень шапкой-ушанкой с ушами врзлет.

Я не без волнения обратился к Ерофею:

— Нынче нам двух лошадей дают. Так ты уж Кольку-то никому не обещаешь, нам его давай.

— Да забирай! Не больно-то жаль! Сатана он, а не лошадь. Злой до ужаста стал. Меня два раза за плечо хватил. На больничный из-за него, паразита, уходил.

— Да ты, дядя Ерофей, сам виноват. За что его вожжами-то охаживал? Вот он и разъярился, — не глядя на конюха, робко сказал Шурка, новый помощник Ерофея.

— Разъярился... Я ему разъярюсь! — сердито проворчал конюх. — Пошли давай! Воронка покажу: тоже ваш будет.

Войдя в конюшню, Ерофей остановился и строго предупредил:

— Ты, парень, если к Кольке пойдешь, больно-то не храбрись. Я те не зря гутюрю: шибко он злой стал, острожней будь, а то неровен час и тебя цапнет.

— Меня-то цапнет? Колька-то?! Да ты что, Ерофей, — я громко и весело засмеялся.

В третьем стойле по дощатому полу неожиданно застучали копыта.

— Колька! — озорно прокричал я. — Слышишь, что Ерофей про тебя рассказывает, слышишь?

Стук копыт прекратился, в конюшне стало очень тихо. Все находящиеся здесь, неожиданно встревоженные моим криком, вдруг замерли, словно затаившись в ожидании чего-то. Я быстро пошел к третьему стойлу.

И вот тут-то... Звонкое пронзительное ржание неожиданно нарушило тишину конюшни. Заполнив помещение, оно, словно пытаясь вырваться на волю, яркими и высокими звуками заплескалось в бревенчатых сводах помещения.

Я забежал в стойло, коснулся рукой Колькиного тела и почувствовал, как по его шкуре волной пробежала мелкая дрожь. Конь, круто повернув мне навстречу голову, беспокойно вглядывался в меня, вострил уши, а ноги его мягко вытаптывали неровную дробь.

Охватив Колькину голову руками, я притянул ее к своей груди и прижался щекой к сбившейся на глаза лошади густой челке. От Колькиных волос исходил знакомый и давно желанный лошадиный дух.

Перестав топтаться, конь замер. Не предпринимая никаких усилий освободиться из моих объятий, он, словно и впрямь боясь нарушить теплоту неожиданной встречи, стоял неподвижный и тихий...

**Н**а рассвете 12 октября 1492 года вахтенный матрос «Пинты» Хуан Родригос да Триана разглядел неясные очертания гор и, еще не веря собственным глазам, во все горло крикнул: «Земля!» Моряки столпились у борта каравеллы, кто-то бросился к коронаде, и над океаном гулко прогремел выстрел. С «Ниньи» и «Санта Марии» ответили пушечной пальбой — в свете наступающего утра уже все видели приближавшуюся земную твердь. Конец трудному пути, конец проклятой неизвестности, что были сильнее голода и жажды!

Так европейцы впервые увидели доселе неведомый им Новый Свет — Америку. Подвиг великого мореплавателя Христофора Колумба и его ста десяти спутников, осмелившихся бросить вызов тысячелетним пространствам Атлантики, навсегда вошел в историю человечества. О нем мы знаем со школьной скамьи. Но был ли Колумб действительно первым, вступившим на землю Америки? Увы, нет! Бесспорен по крайней мере один исторический факт более раннего открытия континента. Произошло это почти за пять веков до того октябряского утра.

## Земли Лейфа Счастливого

Увидев землю, викинги спустили парус, навалились на весла, и вскоре берег, украшенный разноцветьем осеннего убранства, был совсем рядом. Открылся узкий проход, отделявший остров по левую руку, от мыса по правую; в него сын Эрика Рыжего Лейф Счастливый и направил корабль, приказав грести легче. Все же, огибая мыс, драккар сел на мель. В ожидании большой воды — прилива — спустили лодку, в которой с десяток воинов, прихватив боевые топоры, отправились на разведку; оставшиеся в драккаре вложили стрелы в тугие тетивы луков — мало ли что может случиться!

Разведчики вернулись с хорошей вестью: ничего враждебного не замечено, леса вокруг полны непуганой дичи, за мысом в бухту впадает глубокая река, по ней можно войти в озеро, весьма удобное для стоянки корабля. С большой водой снялись с мели, пошли вверх по реке и бросили якорь в озере. Стали выгружаться. Стоял октябрь 999 года от рождения Христа, под ногами воинов хрустел прибрежный песок и шелестела трава неведомой земли, которую они назовут Винландом, а спустя пять столетий люди будут звать Америкой...

Викинги. У нас на Руси их звали варягами, в Западной Европе — норманнами (северными людьми). Это были предки нынешних норвежцев, шведов, датчан. Их родина — изрезанные узкими, далеко вдающимися в сушу заливами-фиордами скалистые берега — не могла прокормить своих жителей. Средства к существованию норманны добывали грабежом и разбоем. Они сажались в увенчанные головами драконов вместительные ладьи и отправлялись за моря в страны, где природа была щедрее, а люди жили сытнее, строили города и накапливали богатства. Будто само море выплескивало на берег одетых в железо, не знающих ни страха, ни жалости викингов. Их боевые топоры с одинаковой яростью обрушивались на головы воинов и беззащитных детей, крушили ворота крепостей и сундуки купцов. Тяжело груженные суда уходили от берега и ложились носом на северную путеводную звезду, позади оставались дымящиеся развалины городов и селений.

Почти три столетия, с конца VIII и по вторую половину XI веков, пиратствовали норманны на берегах Европы. В поисках добычи проникали все дальше на север, юг и запад. В набеги отправлялись вместе с семьями и, если попадалось подходящее место, устранивали там свои колонии. До сего времени одна из провинций Северной

Франции называется Нормандией — т. е. землей норманнов.

Хотя в общем развитии норманны отставали от других народов Европы, в искусстве мореплавания достигли больших высот. Строили драккары — узкие, низкобортные беспалубные суда, легкие, быстроходные и вместительные. Для викингов эти корабли были отчим домом, они рождались и умирали в драккарах, в них, как в саркофагах, их и хоронили. Викинги умели пользоваться парусом, но предпочитали мускульную силу гребцов. Ладьи норманнов узнавались по змееобразным головам драконов и по взмахам двух рядов весел, похожих на взмахи крыльев чудовищной птицы. На весла садились сами, не допуская ни слуг, ни рабов, — викинг не считался настоящим воином, если не мог часами грести, оставаясь равнодушным к соленым брызгам моря, к мокрому снегу и палящему солнцу.

# ЗАДОЛГО

А теперь об Эрике Рыжем и его сыне — Лейфе Счастливым.

Эрик Торвальдсон (сын Торвальда) по прозвищу Руди, что значит Рыжий, жил на земле своих отцов, по одной версии — в Норвегии, по другой — в Исландии, которую норманны колонизировали еще в 865 году. Был он горяч и необуздан в гнев, случилось, что в ссоре убил соседа. Древние скандинавские законы сурово карали за убийство соплеменников. Эрика Рыжего приговорили к изгнанию сроком на три года. Он погрузил на драккар имущество, скот и припасы и всем своим кланом отправился на запад, где, по слухам, находилась большая земля. Через несколько дней плавания путники действительно увидели покрытую льдом землю, в низинах которой, у берегов, зеленели обширные луга; поэтому Эрик назвал ее Гренландией — Зеленой страной. Земля оказалась пригодной под пашню и выпас скота, кругом было много морского зверя и рыбы, и спутники Эрика стали первыми поселенцами новой колонии.

Занявшись мирным трудом, поселенцы так преуспели в хозяйстве, что стали посылать корабли с добытой пушиной, моржовой костью, рыбой, тюленьим жиром и кожей, с маслом и сырами в Исландию и Норвегию. Обратное везли изделия из железа, ткани, хлеб. Иногда корабли относило бурями дальше на запад, и там люди тоже видели землю. Рассказы об этом будоражили молодых людей, и вот сын состарившегося Эрика Рыжего, Лейф Эрикссон, прозванный Счастливым, в жилах которого бурлила все та же горячая кровь викингов — искателей приключений, с командой из таких же отчаянных сорвиголов, отправляется на поиск этих новых земель. По другой версии, он это сделал, состоя на службе у норвежского короля Улава Трюгвессона в Осло, но это обстоятельство сути дела не меняет. Для нас важно, что однажды они сошли на берег, сплошь покрытый плоским камнем и льдом, и Лейф назвал его Валунной Землей-Хеллуланд (исследователи считают, что это был берег Баффиновой Земли). Потом мореплаватели, следуя на юго-запад, увидели лесистую страну, в которой повсюду простиралась белая песчаная отмель, а берег полого спускался к морю», и Лейф решил назвать ее Маркланд — Лесной Землей (очевидно, берег полуострова Лабрадор). И, наконец, подгоняемые северо-восточным попутным ветром, искатели приплыли к тому благодатному месту, на котором мы прервали наш рассказ. Здесь рос дикий виноград,



и земля, соответственно, получила название Виноградной — Винланд. По примеру отца Лейф основал на этой земле новую колонию норманнов.

Так повествуют древние исландские предания-саги. События тысячелетней давности настолько правдоподобны, что у большинства исследователей не возникало сомнений. Еще в XVIII веке датский историк Торфеус твердо заявил, что слава первооткрывателя Америки должна принадлежать не Колумбу, а Лейфу Эриксону. В конце XIX века ученые подняли вопрос о памятнике Лейфу Счастливому, и 29 октября 1887 года он был открыт в Бостоне (тогда еще полагали, что Винланд находился на территории штата Массачусетс, столицей которого является Бостон).

Однако червь сомнения все же точил. Недоставало самого главного — вещественных доказательств. В 1963 году они появились: норвежские археологи супруги Ингстады

ров Флориду. Если это так, то не побывали ли норманны и в Центральной Америке, где в те времена существовали империи-цивилизации индейцев? Тогда находит объяснение и распространенная среди индейцев легенда о белых бородатых богах, якобы посетивших однажды их землю. Они, якобы, приплыли из-за моря, дали им, индейцам, религию и уплыли на восток, пообещав вернуться. Конечно, это — не более чем догадки, но в заключение хочется привести одно газетное сообщение.

3-го октября 1974 года «Социалистическая индустрия» писала: «Новые доказательства того, что викинги посещали американский континент еще до Колумба, обнаружены недавно в Парагвае. Там, недалеко от границы с Бразилией, в пещерах обнаружены рисунки и надписи. Аргентинский ученый Хайме Мария де Махио установил, что надписи были сделаны викингами, которые пришли

# ДО КОЛУМБА

Виктор  
СТЕПАНОВ

на северной оконечности острова Ньюфаундленд под мощным слоем дна обнаружили остатки древнего поселения норманнов — фундаменты девяти домов и примитивной кузницы; найденные там же предметы быта, возраст которых — тысячелетие, развеяли последние сомнения. Годом позже, 17 августа 1964 года, Палата представителей конгресса США официально провозгласила 9 октября Днем Лейфа Эриксона как первооткрывателя Америки (предполагаемая дата рождения Лейфа).

И что же, на этом конец? Ан нет! Теперь речь пойдет о том, что было дальше. Трудно предположить, что люди такого авантюристского и предприимчивого склада, как викинги-норманны, на этом успокоились и принялись мирно выделывать сыры и выращивать капусту. Не разумнее ли предположить, что Лейф или его соотечественники пошли дальше в поисках иных земель, о которых, возможно, они слышали от «скрелингов» (индейцев или эскимосов?). Так полагают некоторые исследователи, находя в сагах скандинавов туманные намеки на то, что норманны достигали в Америке более теплых краев, богатых невиданными плодами и зверьем. И только ли на юг могли двигаться новые экспедиции?

В 1930 году Джеймсу Додду из Порт-Артура — городка, расположенного в глубине американского материка в провинции Онтарио (Канада), когда он искал золото близ озера Верхнее, помешал кражистый березовый пень. Недолго думая, Додд заложил под него изрядный заряд динамита и рванул. Пень разлетелся в щепки, и образовалась воронка, на дне которой старатель нашел несколько ржавых предметов: переломанный надвое старинный меч и необычной формы топор. Несколько лет они провалялись у случайных людей, пока не попали в руки ученых. Так за несколько сотен миль от морского побережья было найдено погребение норманна, относящееся к началу нашего тысячелетия. Вон, оказывается, куда ходили викинги во времена Лейфа Счастливого!

В начале шестидесятых годов нашего столетия в печати промелькнуло сообщение о том, что в США на побережье Атлантики, в штате Массачусетс и в глубине материка в штате Оклахома найдены камни с руническим письмом древних норманнов. Бывший военный шифровальщик А. Монг сумел прочесть эти надписи, а исследователь-скандинавист О. Ландсверг сделал вывод, что камни оставлены викингами, побывавшими не только на атлантическом побережье Америки, но и огибавшими полуост-

сюда из Мексики. Махио утверждает, что надписи сделаны на языке, характерном именно для викингов».

## Остров аббата Брендана

Но и у древних скандинавов есть соперники по славе первооткрывателей Америки, правда, пока, так сказать, в теоретическом плане. Один из них — настоятель монастыря аббат Брендан, живший в Ирландии в VI веке. Был он известен не только подвижничеством в распространении христианства, но и как мореплаватель. В древне-ирландском эпосе — сагах — его деяния на этом поприще занимают видное место. Одна из таких саг «Плавание Святого Брендана, Аббата», рассказывает о путешествии святого отца в поисках земногорая — земли обетованной.

Прослышав, что где-то далеко в море на западе есть земля, в которой властвует лишь Слово Господнее, Брендан решил во что бы то ни стало найти ее и вместе с шестнадцатью учениками-монахами отправился в плавание. Злые силы не замедлили вмешаться в это богоугодное предприятие. Не говоря уж о штормах, с которыми встречается каждый, кто дерзает поспорить с океаном, о голоде и жажде, на Брендана и его спутников обрушилась целая лавина тяжелых испытаний. За их утлым судном гналось, изрыгая дым и пламя, морское чудовище; с неба падали раскаленные камни; пыталась сбить с толку внезапно появившаяся в море чудной красоты хрустальная колонна... Однажды, причалив к острову и разложив костер, монахи вдруг с ужасом обнаружили, что под ними не остров, а гигантский кит, который уже проснулся от жара огня... Выручали молитвы и твердость веры.

Так, плывя от острова к острову, благочестивые путники наконец нашли то, что искали — благословенную землю, остров Счастливый. Жизнь на нем была райской, но, охваченные ностальгией, монахи все же решили возвратиться на родину.

В средние века это предание знали во всех странах Западной Европы. «Открытый» Бренданом Счастливый остров географы даже наносили на карты: в 1492 году (в год открытия Америки Колумбом!) его можно было видеть на известном глобусе Мартина Бехайма — в северном полушарии вблизи экватора.

Со временем о Счастливом острове забыли, а предание о плавании Брендана стали считать мифом, подобным

сказкам о Синдбаде-мореходе и приключениям герцога Эрнста Швабского.

Интерес к нему возродился, когда подтвердились исландские саги о Лейфе Эрикссоне. А что, если и в ирландских сагах о Брендане говорится о таком же плавании? Может быть, Счастливый остров, на который высаживались ирландские монахи, есть не что иное, как американский материк или один из островов его восточного побережья?

Установлено, что ирландские монахи намного раньше норманнов колонизировали Фарерские острова и Исландию, от которой рукой подать до Гренландии, а там уж совсем рядом Северная Америка! В те времена ирландские священнослужители считались людьми образованными и сведущими не только в вопросах религии, но и в различных науках, в том числе географии и мореплавания. Они, например, знали, что Земля имеет форму шара, «подобно яблоку правильных очертаний».

Посмотрим на карту Северной Атлантики и отметим маршрут, по которому «короткими перебежками», от островов к островам шли древние мореходы Ирландии — монахи и рыбаки: Гебридские острова, Шетландские, Фарерские, Исландия... Этот путь давал возможность в изобилующей штормами Северной Атлантике переждать непогоду, накапливать силы для следующего «прыжка» на северо-запад, использовать попутные ветры и течения. Недаром именно этим путем следовали на запад и норманны! А раз древние ирландцы раньше них побывали в Исландии, то почему нельзя предположить, что они тогда же дошли до Гренландии и Ньюфаундленда?

«Дело Брендана» стало часто слушаться на заседаниях Международного конгресса американистов, и каждый раз сторонники гипотезы находили все больше аргументов в ее пользу. Появились и объяснение тем сказочно-фантастическим эпизодам, которыми изобилует «Плавание Святого Брендана»: огнелышнее морское чудовище — кит или громадный морж, раскаленные камни — извержение вулкана на одном из островов, хрустальный столб — айсберг причудливой формы и т. д. Камнем же преткновения стало отсутствие у древних ирландцев-кельтов судов, способных противостоять дыханию океана. Их карре — деревянный каркас, обтянутый бычьей кожей, которая легко разъедается морской водой — вроде бы не годилась для длительных океанских плаваний. А ведь если идти от Ирландии прямо на запад, попадешь в зону устойчивых ветров и течений.

Тогда энтузиасты поступили, как и положено поступать энтузиастам: с громадным риском для собственной жизни стали экспериментировать. В 1966 году на четырехметровой скорлупке Северную Атлантику пересек Уильям Верайт. Правда, на лодке, отличной от того типа, которыми пользовались древние ирландцы. А самое главное — плыл из Америки в Европу, т. е. в обратную сторону, и господствующие западные ветры были ему только на руку.

Более убедительно провел эксперимент английский географ, писатель и путешественник Тим Северин. Детально изучив тексты ирландских саг и современные лоции, он выбрал так называемый «ступенчатый» маршрут — сначала от острова к острову на север, потом вдоль восточного берега «Зеленой страны» — Гренландии на юго-запад. Идти решил на судне — точной копии кельтского карре.

Но продолжала смущать обычная кожа. Пришлось немало потрудиться, прежде чем с помощью мастеров, хранивших тайны старинного судостроения, и инженеров-химиков удалось разгадать секрет прочности обшивки древних карре — ее обрабатывали дубовым экстрактом и смазывали животным воском. Теперь за дело! Северин строит копию двухмачтового кельтского карре, называет его «Брендан», и 17 мая 1977 года пятеро смельчаков пускаются в путь. А 26 июля потрепанный бурями «Брендан» касается форштвенем каменистого берега одного из

островов Нового Света. Позади три с половиной тысячи миль труднейшего пути сквозь шторма и туманы, в плавающем льду, спора с волнами, высота которых однажды достигла 18 метров! Сделанное по типу древних кельтских, судно выдержало переход. Значит, плавание Брендана вполне могло состояться! «Теперь дело за археологами», — заявил Тим Северин в конце путешествия.

## Пришельцы из Африки

Существуют и другие гипотезы доколумбовых плаваний к берегам Америки. Есть предположение о контактах с берегами Нового Света жителей Африки еще в первом тысячелетии до нашей эры, а возможно, и ранее.

В конце мая 1969 года в небольшом марокканском порту Сафи можно было видеть странный корабль, связанный из охапок тростника-папируса. Это была копия древнеегипетского судна длиной около 15 и шириной 5 метров, оснащенного парусом и веслами. Тур Хейердал назвал свое детище в честь египетского бога-солнца «Ра», намереваясь на нем пересечь Атлантику и тем самым проверить возможность плавания древних египтян в Америку.

Скептики уверяли, что папирусное судно Хейердала не продержится на воде и двух недель: папирус де намокнет, и «Ра» пойдет ко дну; в случае шторма это случится значительно раньше. Однако, несмотря на столь мрачные прогнозы, в назначенный день на «Ра» был поднят парус, и интернациональный экипаж, в который входил и наш соотечественник — Юрий Сенкевич, вышел в открытый океан. Тур Хейердал доказал право на существование гипотезы. Учитывая наличие в экваториальной части Атлантики северо-восточных пассатов — ветров, устойчиво дующих в одном направлении, — такие контакты африканцев с американским континентом могли быть и помимо воли древних мореплавателей: их маломаневренные суда могли просто увоситься на запад штормами и течениями. Обратное против ветра дороги не было. Однако художники и ваятели древнего Египта не оставили никаких свидетельств о плаваниях на папирусных судах в иных водах, кроме Нила. Исключение составляет лишь экспедиция царицы Хатшепсут в страну Пунт (Эритрея) в середине II-го тысячелетия до н. э. Из этого можно заключить, что древние египтяне не были настоящими моряками и едва ли выходили в Атлантику. А как другие народы Африки?

Лет около сорока пяти назад в Мексике обнаружили странные скульптуры — гигантские, высеченные из каменных глыб головы, мало похожие на традиционные изображения коренного населения этих мест. Они отличались совершенством пропорций, в чертах лица угадывалось нечто характерное для африканцев: мясистые плоскостные носы, толстые губы, профиль с выступающей вперед нижней челюстью. Определив возраст каменных изваяний — он оказался равным примерно трем тысячам лет, — ученые выдвинули версию, что найдены скульптурные изображения вождей неизвестного племени, в жилах которого текла кровь пришельцев из Африки. Такими могли быть нубийцы, жившие на территории нынешнего Судана и принадлежавшие к египетской цивилизации (нубийские монархи в то время были правителями Египта). Нубийцы пользовались услугами финикийцев, плавали на их судах и, возможно, вместе с ними могли оказаться у берегов нынешней Мексики. Зыбкое предположение подкреплялось тем, что рядом с одной из голов был найден барельеф с изображением человека, облик которого напоминал облик финикийца тех времен.

Существует легенда, что часть карфагенян, после того, как их крупнейшее в те времена рабовладельческое государство пало под ударами римлян (второе столетие до н. э.), спасаясь от деспотии Рима, погрузились на свои корабли и ушли далеко за Геракловы Столбы (Гибралтар),

где нашли большой остров и осели на нем. Не был ли тот остров Америкой?

Легенда пока остается легендой, а вот некоторые факты. Еще в 1838 году в Западной Виргинии (США) за сотни километров от моря был найден камень с финикийским письмом. Упомянулась Танит — главная богиня финикийцев-карфагенян. Найти сколь-нибудь правдоподобное объяснение находке тогда не смогли, посчитали камень фальшивкой и забыли о нем. Спустя столетие в 1932 году в том же штате находят другой камень, и опять в финикийской надписи фигурирует Танит. Опять фальшивка, проделка шутников? Наконец в 1956 году находят третий камень с финикийской надписью — тут уж, как говорится, не до шуток. Определили возраст находок — VII—IV век до нашей эры! Сама собой возникла мысль о корабле финикийцев, потерпевшем крушение у берегов Нового Света. Спасшиеся люди отправились в глубь материка, где и оставили следы.

Совсем недавно близ столицы Бразилии Рио-де-Жанейро в бухте Гуанбара археолог Роберт Маркс нашел римские амфоры и образцы финикийской керамики. Ученые осторожно заметили, что находки могут быть частью коллекции, утерянной каким-нибудь любителем древностей. Марксу пришлось напомнить им, что в местном музее хранятся найденные здесь же два керамических якоря, какие обычно употребляли финикийцы. Подводный археолог Роберт Маркс полагает, что в бухте задолго до португальцев побывали римляне или, вероятнее всего, финикийцы и что он скоро найдет их затонувший корабль. Удалось ли это Роберту Марксу, мне неизвестно, зато в моем домашнем архиве хранится несколько печатных гипотез более поздних открытий Америки африканцами.

Пробираясь с отрядом солдат сквозь тропические джунгли Панамского перешейка к берегу Тихого океана, Васко Нуньес Бальбоа в 1513 году наткнулся на индейскую деревню, жители которой держали в плену чернокожих людей. Испанских конкистадоров интересовало золото, а не этнография, но Бальбоа все же спросил, откуда взялись чернокожие пленники (ввоз в Америку африканских рабов начался значительно позже). Индейцы ответили, что люди с такой кожей живут поблизости и постоянно воюют с ними. Кем еще могли быть эти чернокожие, как не африканцами, приплывшими в Америку незадолго до Колумба (иначе они успели бы раствориться в индейских племенах) и не сумевшими выбраться назад, на родину?! — спрашивают сторонники гипотезы доколумбовых контактов жителей Африки и Америки. Один из них — видный лингвист и антрополог Сертима приводит в ее защиту еще один аргумент.

В документах Колумба, утверждает он, есть информация о том, что на Эспаньоле (Гаити) знаменитый мореплаватель обнаружил у индейцев копья с наконечниками из желтого металла. Индейцы объяснили, что эти копья они выменяли у черных людей, приплывавших сюда и торговавших с ними. Колумб привез несколько наконечников в Испанию. Они оказались сделанными из сплава золота, серебра и меди, который тогда употреблялся в обиходе африканцев, живущих на побережье нынешней Гвинеи. Именно оттуда в начале XIV века предположительно отправилась на запад экспедиция малийского короля Абубакри Второго, которая бесследно исчезла в просторах океана.

Мали в XIII—XVI веках выделялась могуществом и высокой степенью культуры. В ее столице Тамбукту находился университет с обширной библиотекой: ученые Мали еще за двести лет до Колумба знали, что Земля имеет форму шара и можно, обогнув мир, вернуться в то же место с другой стороны. Изучив старинные документы и устные предания народов Мали, Сертима пришел к выводу, что однажды тяготевший к наукам Абубакри Второй отправил на запад экспедицию, чтобы обогнуть земной шар. Спустя некоторое время назад вернулся один из кораблей. Капитан доложил королю, что остальные

суда подхватил дьявольский ветер и унес далеко на заход солнца. Преодолеть силу ветра и морского потока удалось только ему.

Любопытнейший монарх отличался, по-видимому, завидным упрямством. Он построил новую флотилию кораблей и на этот раз решил возглавить экспедицию лично. В 1311 году она отправилась в путь на запад, и назад из нее не вернулся никто.

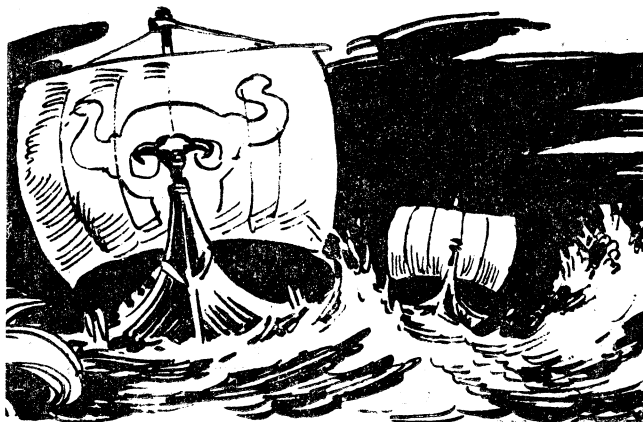
«Однако означает ли это, что все участники экспедиции погибли? — рассуждает Сертима. — Разве нельзя предположить, что корабли Абубакри достигли Антильских островов и, пополнив (в обмен на копы!) на Гаити запасы воды и продовольствия, двинулись дальше, пока не уперлись в берег Панамского перешейка, на землях которого им и пришлось осесть? Не их ли потомков видел в индейской деревне Васко Бальбоа спустя столетие?»

## И японцы...

Есть гипотезы об открытии Америки и со стороны Тихого океана. Толчком к одной из них явились находки, сделанные археологами при раскопках в Эквадоре — глиняные изделия, имеющие сходство с керамикой, изготавливаемой в Японии в третьем тысячелетии до нашей эры. Раскопки производили ученые из Смитсоновского института в Вашингтоне супруги Бэтти Мэггерс и Клиффорд Эванс. Они сделали предположение, что керамика попала на тихоокеанское побережье Америки с судном японских рыбаков, угнанным штормом от берегов Японии. Японцы поддержали лестную для них версию и на практике решили проверить возможность плавания своих древних предков к Новому Свету: на тримаране, построенном по образцу старинных японских лодок, шесть ученых отправились в путь и после семимесячного скитания по волнам Тихого океана достигли берега Америки.

Таковы претенденты на славу Христофора Колумба. Современная наука не отрицает возможность доколумбовых плаваний через Атлантику от берегов Европы и Африки, через Тихий океан от Азии и островов Океании в самые отдаленные исторические эпохи. Но кто бы и когда ни подходил к берегам громадного континента, — обнаруживал, что земли его уже заселены и обжиты народами, которых белые пришельцы ошибочно называли индейцами. Они пришли туда лет этак двадцать-тридцать тысяч тому назад из Азии, из глубин Сибири. Только им, по справедливости, и должно принадлежать первенство открытия Америки...

Рисунок  
Константина Комардина



Александр  
ДМИТРИЕВ

# Сундуки из Невьянска

В далекие времена, когда руду плавляли в приземистых древесно-угольных домнах, уральские металлурги удивляли мир несравненным по качеству кровельным железом. С ним связано и зарождение в Невьянске широко известного в прошлом сундучного промысла. Металл для сундуков был тем же, чем оправа для камней-самоцветов. Он облагораживал дерево, придавал изделиям необходимую прочность и привлекательный внешний вид.

Сундуки на Урале, как и повсюду, делали с незапамятных времен, но подлинное мастерство принесли в демидовское горное гнездо старообрядцы с Волги и Керженца, издавна слывшие искусными древоделами. Благо материалы были под рукой, а спрос на сундуки существовал огромный. Их охотно покупало купечество, наводнявшее ярмарки. По душе пришлось и торговцам Средней Азии, Ирана, Китая. Популярность этой «коренной русской утвари», отмечал В. Даль, распределялась вековыми традициями разных народов. Заботливые родители, например, задолго до замужества дочерей накапывали в сундуках приданое...

Промысел приобрел столь широкий размах, что невьянские заводоуправления убеждали горное управление, будто в истреблении лесных богатств в окрестных дачах повинны не столько заводы, сколько кустари-сундучники.

Листовое кровельное железо для «черного переплета» сундуков, котельное, лопаточное железо и сталь для замков поставляли главным образом Нижнетагильский и Алапаевский заводы. На лицевую же отделку шла английская жечь, закупаемая оптом на ярмарках и в Москве, а с начала XX века — белая жечь Лысьвенских заводов. Заготовкой, просушкой древесины и изготовлением ящиков-полуфабрикатов занимались в основном жители поселка закрытого Петрокаменского завода и окрестных деревень. В мастерских — обычных сараях с навесами, расположенных в огородах — петрокаменские «деревянщики» из просушенных, пригнанных одна к другой с помощью шпенок и столярного клея сосновых досок делали остов сундука с крышкой.

Фурнитуру: скобы, шарниры, замысловатые набойки и замки с всевозможными секретами — поставляли кустари-металлисты Быньговского завода. Особого умения требовало изготовление замков со «звонами», поручавшееся наиболее именитым мастерам-замочникам.

Вид готовых товарных изделий сундуки приобретали в «сборных» мастерских Невьянска, где их окывали железом и жостью, красили либо покрывали лаком. Овладели

невьянские мастера и сложной техникой по обработке металла, украшавшего сундуки: «печаткой», чеканкой, «морозкой» железа и жести, полировкой металлических зеркал.

«Печатка» представляла собой нанесение рисунка, как правило, с цветочным орнаментом на листы определенного размера через трафарет раствором серебра, а позднее — киновари. Важнейшим материалом для «печатания» служила олифа, приготовлявшаяся из таких компонентов, как конопляное и льняное масло, белила, сурик, и еще чего-то такого, о чем мастера предпочитали не распространяться. Железо многократно покрывали олифой разных составов и накатывали рисунок, фиксируя его путем «прожаривания» листов в печи.

Чеканка жестяного покрытия, как считают исследователи, была занесена в Невьянск из Москвы. Известен и ее родоначальник — Егор Аверин, основавший впоследствии династию оборотистых дельцов. Операция представляла высокие требования к мастерству и к художественному вкусу чеканщиков. Интерес к чеканке постепенно падал. Причина этому могла быть и чисто практической. Ведь чеканили не однородный металл (медь, латунь и проч.), а жечь, покрытую тонким слоем олова. Деформация жести чеканками разного назначения неизбежно сопровождалась отслаиванием полуды или ее просечкой, открывая путь к коррозии... Ржавление нарядного покрытия сундуков намного укорачивало их век, и покупатели средней руки стали недоверчиво относиться к роскошной «одежде», скрывающей серый изъяс.

Любопытную историю имеет «морозка» железа, которой невьянцы гордились не меньше, чем соседи-тагильчане «хрустальным лаком». Богатый купец Перезолов, бывавший за рубежом, в одну из своих поездок в Англию встретил жечь с необычайно красивой поверхностью. Он сразу оценил ее возможности в сундучном промысле и не поленился выпросить и обстоятельно записать то, что сочли нужным рассказать ему англичане. По возвращении в Невьянск купец поведал о новшестве владельцу мастерской Подвинцеву. Тот, не мешкая, провел испытания и получил жечь с поверхностью, образно нареченной за свой внешний вид «морозной». Вскоре ее стало невозможно отличить от английской.

Сундуки, обитые «морозкой», обрели богатую цветовую гамму; лак сохранял приглушенный матовый цвет; олифа, в зависимости от времени нагрева листов в печи, придавала им оттенки от светло- до темно-коричневых. А с помощью красителей

подбирался любой колер. Излюбленными тонами были бронзовый, малахитовый и бирюзовый, обычно сочетавшиеся в разноцветных «бухарских» сундуках.

Своеобразным эталоном невянской марки были декорированные «печаткой» или «морозкой» сундуки с зеркалами из полированного листового железа на лицевой, а иногда и на боковых сторонах. Они поражали воображение даже видавших виды скупщиков и иностранных коммивояжеров. Роскошное внешнее оформление дополнялось в них еще одним достоинством: в сундуках штучного исполнения, изготовлявшихся, как правило, не из сосновой, а из кедровой древесины, не заводилась моль... Поэтому обладатели дорогих мехов и прочие толстосумы не стояли за ценой при покупке таких сундуков.

В пору расцвета промысла ассортимент невянских сундуков отличался разнообразием. Скажем, для перевозки кладки в ярмарок или по государственной повинности, для хранения различных припасов делались обычные ящики большого размера, стяннутые для прочности металлическими лентами и окрашенные в «стандартный» зеленый цвет.

Основная масса трудового люда довольствовалась дешевыми сундуками, обитыми полосками вороненого или «печатного» железа. Нарядные сундуки: зеркальные, отделанные под бронзу и малахит, изящные шкатулки и погребцы «для чаю-сахару» с традиционным набором декора в миниатюре, инкрустированные прожилками железа изумрудного, пурпурного и других цветов — все это предназначалось соотоятельным покупателям и немногочисленным тонким ценителям и поклонникам оригинальных вещей. Сохраняя утилитарное назначение, фирменный товар нередко раскупался в виде подарков и памятных сувениров.

Главными центрами сбыта невянских сундуков были ярмарки: Нижегородская, Ирбитская, Троицкая и ряд местных. На уездных торжках они обычно продавались поштучно, реже — «тройками». На всероссийских же ярмарках — оптом, так называемыми «местами» — наборами, состоявшими из 5—7 ящиков разных размеров, входивших один в другой. В таком удобном для транспортировки виде они развозились во все концы России и за ее пределы, разнося по свету добрую славу мастерового Урала.

В конце XIX — начале XX века в связи с вытеснением гужевого транспорта железнодорожным и под влиянием моды на венскую и «городскую» мебель производство сундуков пошло на убыль, а сам промысел начал угасать. Место сундуков в интерьере жилищ теперь занимали при-

шедшие из Европы бюро, шифоньеры, комоды фабричного и кустарного производства. Словом, нелегкая пора наступила для промысла, но он ушел, а в конце 20-х — начале 30-х годов обрел как бы второе рождение. Послевоенная разруха, перегибы с изъятием собственности у «нетрудовых элементов» обусловили снижение жизненного уровня народа. Предметы бытового назначения поставляла в основном реорганизованная кооперация. Возобновилось изготовление сундуков в артелях Невьянска, сел Петрокаменского и Быньгов. Сундуки по-прежнему охотно покупали на Урале, в Сибири, районах Средней Азии и Закавказья.

После Великой Отечественной войны в результате свертывания промкооперации артели Невьянского куста были преобразованы в государственные фабрики и переданы Минлегпрому. Это отразилось на их техническом оснащении: производство механизировалось, усовершенствовались методы обработки материалов, но зато участились жалобы на непрочность сундуков. Мастера старой школы видели корень зла в замене ручного труда машинным. Специалисты помоложе ссылались на слишком напряженные планы...

До революции или в первые годы нэпа сундучники, дорожившие фамильной честью, приобретали древесину без малейших изъянов. Предприятия же, выпускавшие рядовую мебель, стали снабжаться по принципу «бери, что дают...». В дело пошел низкосортный, «подсоченный» лес, подверженный гниению, грибковым заболеваниям. К тому же длительную естественную просушку досок заменили ускоренной, при искусственном нагреве. На оковку сундуков употреблялось уже не эластичное кровельное железо, производство которого на древесном угле было прекращено, а обычный листовой металл, без легирующих добавок.

Невянским сундукам, лишенным былых достоинств, уже не находилось места в типовом интерьере рядом с полированным современным.

В наши дни сундуки, пожалуй, можно встретить лишь в домах соотечественников почтенного возраста, чаще всего бабушек и прабабушек. Не спешат старушки расставаться с надежными спутниками, согревающими душу теплом воспоминаний о родных и близких. Лучшие из сохранившихся образцов экспонируются в центральных и местных музеях как неотъемлемая принадлежность быта ушедших поколений. Невьянские сундуки наглядно подтверждают вечную истину: подлинное мастерство, не размывавшаяся на деньги рабочая гордость — самые точные критерии в оценке труда, не подвластные никакой моде.



Рисунки  
Александра  
Коротича

# ТРОЕ - ЧТО ЛУЧШЕ ПОЛУЧИШЕ

АРКАДИЙ  
ЗАСТЫРЕЦЬ



## ОТ АВТОРА

Автоматически приобретенные этим текстом качества роднят его с многочисленными рок-музыкальными проектами. Эти качества традиционны: поразительная беспечность, необычайная самовлюбленность, крайняя претенциозность и помпезность...

И все же, кажется, в нем достаточно теплоты и самоиронии для того, чтобы возбудить симпатию в сердцах многочисленных читателей «Уральского следопыта». Кроме того, возможно, в будущем веке, когда, услышав о 70-х годах нынешнего, тинейджеры рассеянно спросят, в котором томе «Истории государства российского» можно об этом времени прочесть, их седовласые прадеды извлекут из своих сундучков и этажерок вот эту самую книжку журнала, хлопнут слабеющей рукой по моему сочинению и скажут: «Вы многое поняли, ребята, а все же у нас тоже было кое-что!»

Ужасно не хочется быть ответчиком по иску о защите чести и достоинства кого-нибудь из моих знакомцев в случае, если таковой, не дай Бог, узнает себя в ком-нибудь из героев предлагаемого сочинения. Поэтому, во-первых, заранее приношу свои извинения всем, кого оно вдруг обидит, и, во-вторых, предупреждаю: все написанное мною — поэтическая вольность, а совпадение обстоятельств, личных достоинств, прозвищ и имен — чистой случайность.

*Посвящается светлой памяти всех моих товарищей, не доживших до времени тревожных перемен.*

## СОН В РУКУ

Первое, не ощущение, а только предчувствие стихии рок-н-ролла постигло меня в купе скорого поезда «Урал». Поезд мчался на запад, в Москву, на празднование 50-летия образования СССР. Было это в самом начале зимних каникул. Для тех, кто забыл или не знает, — СССР образовался 30 декабря. А тогда, в поезде мне было тринадцать лет, и школьная администрация наградила меня вместе с босоногой стайкой других пионеров и комсомольцев этой счастливой экспедицией в столицу.

Так вот, предчувствие названной стихии у меня появилось в тот момент, когда вечером, глянув по диагонали с верхней полки, я увидел — клянусь, наяву, а не во сне! — как сопровождавший нас учитель физики, пожилой и неумолимый, пахнущий сигаретами и одеколоном «Гвардейский», свирепый, как снежный барс, тот самый учитель, от одного вида которого тряслись поджилки у всех учеников с первого до десятого класса, преспокойненько снял брюки и предстал моему изумленному взору в самых что ни на есть ортодоксальных кальсонах, скажем лучше — в голубых подштанниках с начесом.

Я тогда, разумеется, еще не знал, как называются подобные явления. Я думал, что это просто физик в подштанниках, и с восторгом представлял, как расскажу об уникальном зрелище одноклассникам. Но предчувствие уже появилось. Было предчувствие многих подобных штук — езды без тормозов на автомобиле, вырывающемся из-под управления; толпы волосатых ребят, штурмующих Капитолий, как муравьи — сахарную голову; Ференца Листа, трахающего чудовищным членом все живое подряд, и целомудренного вегетарианца на обширной мистической каше, вбирающей в себя все, от Хари Кришны до скандинавского пантеона, от океанических глубин до иных галактик...

В Москве, после хреновой кучи кислых мероприятий, вроде посещения театра Советской Армии, экскурсий, самодеятельности, национальных и балльных танцев, случилось неожиданное и неизбежное. На сцену очищенного от кресел школьного актового зала вышли трое. Один сел за барабаны, двое других подключили к усилителям гитары и подошли к микрофонам. Не знаю, что уж они исполняли. Пели по-английски. Думаю, все-таки что-то из «Битлз». Исполняли громко! Помню, для себя я определил то, что меня потрясло на первом в моей жизни рок-концерте: «Всего три человека, а столько шуму!» Но дело, конечно, было не в великом шуме малыми силами. Уже тогда, стыдливо прижавшись к стенке школьного танцзала в своем уродливом форменном костюмчике мышинного сукна и украдкой поглядывая на хорошеньких старшеклассниц, отплясывающих шейк, я ощутил мощное притяжение до конца не понятной мне даже теперь стихии, имя которой — рок-н-ролл. Видение физика в подштанниках оказалось «сном в руку». (В скобках замечу, что, кажется, в соответствующей литературе неоднократно предпринимались попытки перевести это арготическое словосочетание — Rock and roll — на русский язык. Ни в коем случае не претендуя на глубокое знание английской или, вернее, американской сленг-лексики, все же не могу не удержаться от своего варианта. Вот он: ВДУИ с ВИНТОМ!).

Возвратившись домой все на том же «Урале», я на следующее утро помчался к Вовке, чтобы потрясти его рассказом о трех всемогущих музыкантах и обо всем остальном, а может, и приврать заодно что-нибудь насчет дегустации коньяка в новогоднюю ночь. С Вовкой мы дружим до сих пор, хотя всякое между нами бывало на почве пьянства и юношеского максимализма. Фамилию его называть не буду. Кому надо, и так его узнают. Скажу только, что теперь он сделался отличным семьянином и занялся крупным бизнесом. Я уверен, что в недалеком будущем, если только мятежные люмпены не внесут в Кремль на белом коне какого-нибудь полковника, обещающего всех накормить манной небесной общественной собственности и свободы как осознанного рабства, в самом недалеком, повторяю, будущем Вовка станет миллионером, известным меценатом, и его сияющая добродушная физиономия замелькает под пышными заголовками светской хроники г. Екатеринбурга.

Итак, я помчался к Вовке прекрасным январским утром 73-го, уверенный, что от моего рассказа он широко разинет рот. Но разевать рот пришлось мне: когда я влетел к нему в комнату, Вовка с гордостью аккуратно поднял серую пластмассовую крышку — и на меня с улыбкой уставился парой блестящих катушек новенький магнитофон (подарок Вовке от Вовкиных родителей к Новому году в обмен на обещание впредь учиться без троек, обещание, заранее обреченное на провал).

Щелкнула ручка — и я услышал ту самую музыку, ощутил ту самую стихию! Что это был за альбом? Не помню.

Вовка помнит, он может сказать точно. А я, не разбирая названий, ни слова не понимая по-английски (всю жизнь учил французский), почти не отделив одной песни от другой, с этого момента в течение полутора лет непрерывно впитывал в себя музыку «Битлз» как одну сплошную нескончаемую сюиту, и по сей день не заменимую ничем, восхитительную, совершенную, неизвестно откуда взявшуюся и с тех пор не покидающую меня.

Как-то в один из первых дней жизни с «Битлз» я мучительно силился вспомнить мелодию «Yellow Submarine». Маялся целый день, пребывая в какой-то взрослой компании родственников. Так и не сумел вспомнить. Зато вечером, ворвавшись, наконец, в капиче Вовкиного магнитофона и снова глотая битловскую сюиту всю целиком, с каким восторгом я узнал желанную мелодию, чтобы уже никогда не забывать: «We all live in the yellow submarine, yellow submarine, yellow submarine!»

## ТУЧА СЕРЕДИНЫ СЕМИДЕСЯТЫХ

Прошло, как сказано, года полтора. Крутили мы в это время на своих магнитофонах (в слове этом больше было «магни», чем «магнита») главным образом «Битлз». Удавалось несколько раз поддержать и за живые пластинки. Уже всплыли на нашем аудиогоризонте «Лед Зеппелин». Помнится, во время записи смущались и прятали от родительских глаз невинную обложку «Houses of the Holy»<sup>1</sup> с голыми розоватыми куклами, карабкающимися по скалистому склону. В тени «Битлз» прижились «Creedence Clearwater Revival»<sup>2</sup>, улыбавшиеся в добротном американском ретро-витраже с обложки «Pendulum»<sup>3</sup>, и по началу не прижились «Роллинг Стоунз», показавшиеся чересчур жесткими и немелодичными (открыть «Lady Jane», «Time Is On My Side», «Play With Fire»<sup>4</sup> и т. п. еще предстояло). Соперничать с «Битлз» в наших пристрастиях того времени могли только Веббер и Райс со своей знаменитой опереттой. «Jesus Christ Superstar»<sup>5</sup> мы слушали без конца и знали наизусть почти все арии. В целом, конечно, круг известных нам образцов был невелик. Но прошло полтора года — и мы вышли на тучу (для непосвященных объясню: туча — собрание дискосманов с целью продажи, покупки и обмена пластинками. Не знаю, может, кто-то называл и называет этим словом вещевой или книжный рынок... Но, по-моему, в семидесятые годы «тучей» называли именно тучу, а все остальное — толчок, толкучка, барахолка — не имело к ней прямого отношения). И только тогда мир рок-музыки распахнулся пред нами во всем своем разнообразии, во всем своем скабрезном и помпезном великолепии. Посреди унылого совка, под постоянной угрозой грабежа и миллиейской облавы мы окунались в это дело — и дело стоило того.

Все началось в конце лета. Я опять заявился к Вовке с потрясающим сюрпризом: отец подарил мне шикарный сборник лучших хитов «Роллинг Стоунз», самую настоящую пластинку, страдавшую только одним недостатком — югославским происхождением (у какого-то югослава он ее и приобрел поздно вечером в ленинградской гостинице за бутылку водки). На этот раз я не сомневался, что сумею произвести сильное впечатление, и снова просчитался.

Вовкины родители в очередной раз доверились беспочвенным клятвам своего нерадивого сына и, надеясь поднять его неторопливую успеваемость, вручили ему ко дню рождения сумму, необходимую для приобретения пластинки. В результате мои югославские «Роллинги» были посрамлены французским «Abbey Road»<sup>6</sup>, купленным для Вовки его старшим троюродным братом Борей, умудренным дискосманом, глядевшим на нас свысока и лупившим нас по рукам, невольно тянувшимся к Бороным пластинкам. И тут было понеслось! «Abbey Road», предварительно записанный и переписанный всеми, Боря обменял на «Red Rose Speedway» Пола Маккартни. «Red Rose», опять-таки все тщательно переписали на ленту. И Боря, милостиво бравший с собой на тучу Вовку в качестве хозяина без права голоса при обмене, на этот раз порадовал нас неслышанной прежде пластинкой «Дип Перпл» «Who Do You Think We Are» с великолепными и незаслуженно забытыми хитами «My Woman from Tokyo» и «Mary Long».

Засим Борова миссия была исчерпана. То ли он захворал, то ли ему просто было некогда или стало наплевать, а только в следующую субботу Мальбрук собрался в поход самостоятельно — Вовка почувствовал себя вполне

оперившимся дискосманом и отправился на тучу без старшего товарища. Предварительно он обратился ко мне с невинной просьбой: не одолжу ли я ему своих югославских «Роллингов» не для обмена, а так, для солидности, все же две пластинки — не одна. Скрепя сердце, я внял его просьбе, снедаемый горькими предчувствиями.

Вечером, когда я пришел справиться о судьбе скромной, но дорогой для меня пластиночки, сердобольные Вовкины родители решительно заслонили своим телом дверной проем и объявили сына уехавшим на всю ночь к родной бабушке. До сих пор не хочется верить, что это было неправдой, но в тот вечер мне показалось, будто из-за приоткрытой двери в Вовкину комнату торчит грустная Вовкина нога. И мои опасения утроились перед лицом неизвестности.

Утром следующего дня (в те годы туча собиралась и в субботу, и в воскресенье) я вошел в сад Вайнера решительным шагом с готовностью узнать всю правду, какой бы горькой она ни была. Справедливости ради замечу, что у меня самого, впервые оказавшегося на туче, слегка поехала крыша и разбежались глаза. Никогда прежде я и представить себе не мог, что на свете существует такое множество пластинок. Они блестили целлофановыми резервативами, переливались всеми цветами радуги. И все же я сумел взять себя в руки и, разглядев Вовку в толпе дискосманов, кинулся на него, как филин на кролика...

Через час мы сидели в Вовкиной комнате и разглядывали то, во что превратилось наше богатство после нескольких, один другого дурнее, обменов, произведенных моим несчастным другом в состоянии ослепления тучей. Выбор был невелик, и я безапелляционно присвоил в качестве слабой замены навсегда потерянному отцовскому подарку французский «Шокинг Блу». В том, что пластинка эта была не первой свежести, заключалось еще полбеды. Надо было видеть конверт, в котором она покоилась! Задняя его сторона бледно-голубого цвета походила на плохо отпечатанный газетный лист, но все же несла на себе фотофизиономии голландских музыкантов и, похоже, как-то была связана с пластинкой. Зато передняя стенка явно никакого отношения не имела ни к «Шокинг Блу», ни к рок-культуре вообще (хотя к рок-культуре может иметь отношение положительно все, что угодно). С самого начала у меня зародилось подозрение, что я видел использованную для ее изготовления репродукцию в журнале «Огонек». И все это было густо покрыто полихлорвиниловой пленкой по рубль двадцать рулон.

Убитому горем Вовке я предоставил тогда владеть легендарной пластинкой. Это была известная всем опытным засекретаям тучи «Party». Конверт — полностью самодельный, изготовленный при помощи красной и черной краски, густо нанесенной на картон в виде уродливой кометы, прорезающей тьму. Все остальное было выполнено в жанре аппликации — по отдельности вырезанные лезвием бритвы названия, черно-белые журнальные фото музыкантов, неопознаваемые из-за плохого качества печати (мы впоследствии чуть не до драки спорили — «Песняры» это или «Самоцветы»), и, наконец, всевозможные «фирменные» нашлапки и наклейки, своим мельканием призванные вызывать почтение к мнимой зарубежности предмета. Помнится, среди этих бумажек была даже этикетка с надписью «Socra» (крупнейшая фирма, производящая рыбные консервы). Удивительно, что пластинка, располагавшаяся в недрах этого замороженного монстра, не была подделкой — настоящая американская пластмасса! В хорошем состоянии! Последнее, впрочем, легко объяснялось тем, что мало находилось среди любителей рок-музыки желающих слушать записанные на ней американские патристические песни в исполнении хора а capella. Правда, Вовка слушал и уверял, что ему нравится...

Мы не унывали, нет, мы были полны сид и уверенности в себе. Туча распахнула пред нами целый мир, и нас обуревали сладкие мечты и счастливые предчув-

<sup>1</sup> — альбом группы «Лед Зеппелин» (здесь и далее прим. ред.)

<sup>2</sup> — полное название английской рок-группы, больше известной у нас как «Криденс».

<sup>3</sup> — альбом группы «Криденс».

<sup>4</sup> — названия популярнейших композиций «Роллинг Стоунз».

<sup>5</sup> — речь идет о знаменитом произведении Веббера и Райса «Иисус Христос Суперзвезда», обычно именуемом рок-оперой.

<sup>6</sup> — альбом группы «Битлз».



ствия. И знаете что? Эти мечты сбылись, эти предчувствия нас не обманули. Стинг — молодец, кроме всего прочего, еще и потому, что сказал (или присоединился к сказанному — неважно, все равно молодец!): «Кто работает ради денег, ничего, кроме денег, и не заслуживает». Нам было плевать на деньги — мы «работали» ради музыки. Мы ее хотели, как может подросток хотеть в свои объятия голую и на все согласную женщину, как может хотеть 15-летний хулиган вдруг сделаться пятнадцатилетним капитаном, увидеть Америку, Африку, Микронезию, Фриско, Занзибар и Ливерпуль, будь они неладны! Немедленно, сразу, теперь — эта музыка, вкупе со своими картинками, открывала весь мир, всю жизнь, проблемы, надежды, приключения, фокусы всякие... Эта музыка была нашей наукой и религией, таким планетарием свободного мира, откармливавшим наше воображение и прочие функции души посреди пионерских будней и комсомольских инициатив...

И завертелся оборот. Имея одну-единственную пластинку, периодически обмениваемую на время (для записи) или насовсем, за какой-нибудь год можно было пропустить через свои руки и магнитную ленту десятки альбомов. Мои приятели не теряли времени, копили или выключивали у родителей деньги, покупали, как правило, тоже по одной пластинке (а бывало, и по одной на двоих) и включались в эту карусель. И только Вовка уже не поднялся после первого своего провала, хотя и участвовал в обменах, и, конечно, получал для записи каждый новый улов.

Много случалось на туче трагических и комических эпизодов. Никогда не забуду тех ощущений, которые испытываешь, прижимая единственную свою драгоценность к груди, под снегом, дождем и в зверский мороз. Частенько доводилось нам и показывать пятки грабителям, и дворами уходить от облавы. Бывало, раздается свист и панический вопль: «Шухер! Облава!» Толпа срывается с места, крики, толкотня. Потом оказывается, что шухер — ложный: кто-нибудь пошутил или намеренно поднял панику, рассчитывая осуществить в общей сумятице откровенно разбойные намерения. Так и стоит у меня в глазах на фоне милицейского коробка рухнувший в палую листву (или на снег?) дискоман, собственным телом закрывающий пластинки с криком: «Не отдам, суки!».

Один раз попал я в образцовую облаву. Это было позднее, когда туча переместилась из сада Вайнера к Вознесенской церкви, что возле Дворца пионеров. Многочисленные дружинники подкрались незаметно, подбежали в автобусах под видом экскурсии — никто и внимания не обратил, обложился нас коробками, сержантами и мегафонами, а в довершение выстроились двумя цепочками и попытались таким образом блокировать тучу с двух сторон — с востока и с запада. Тут-то все и рвануло! Паника была жуткая. Основная масса рванула, кстати, в западном направлении. Кое-кого сбили с ног, потоптали слегка, но серьезных жертв не было. Некоторым дружинникам, я слышал, сильно перепало. Ну, прорвали, конечно, цепочку, да только на время. Снова замкнулось кольцо. Молодые дружинники! Если кто из них, бывших тогда там, читает сейчас это описание, пусть ему станет, не скажу стыдно, а просто противно. По жлобству или по дурости, но вся эта образцовая молодежь с красными повязками добровольно становилась тогда для нас ничем не лучше обыкновенных грабителей.

Так вот, лично я в тот момент панике не поддавался. Да что толку! Толпа меня понесла, как щепку, и к счастью вынесла на фонарный столб. Зацепился я за него одной рукой, а в другой, как знамя над головой, держу «Листоманию» Рика Вэйкмана, купленную, между прочим, на кровные пятьдесят рубчиков, заработанные собственным горбом на первом студенческом картофеле. Цепляюсь за столб и чувствую, как несезонный мой полуботинок стягивает людская лавина... Ничего, обошлось.

Схлынула толпа, гляжу — лежит мой «old brown shoe»<sup>7</sup> на снегу среди побросанных в отчаянии разноцветных таких жевательных резинок, американских сигарет и прочей спекулянтской начинки, без которой, к сожалению, ни одна туча не обходилась. Повезло и в целом: спрятал я своего Вэйкмана на грудь, прикрыл шарфиком, затаил поясок, присоединился к однокласснице по имени Аленушка, которая со своим кавалером пришла на тучу просто потусоваться, — и, вывернув карманы, вышел из окружения мимо начальников, беззащитно, но и безрезультатно обшаривших меня мозолистыми руками. Моя пластинка была сделана из великолепной французской пластмассы, ребята, и облегла грудь, делаясь практически незаметной.

Много можно еще рассказать подробностей дискоманской эпопеи, припомнить и счастливые мгновения (вроде страшного снегопада, спасаясь от которого, туча дружно оккупировала магазин «Грампластинки», а его добрейший директор не только не стал вызывать милицию, но даже, кажется, на часок повременил с закрытием магазина, и у меня тогда состоялся удачный обмен), и страшные разочарования (вроде случаев с перебитыми «пятакими», когда с радостным трепетом принесенная домой пластинка начинала петь вместо ожидаемого Байрона или Гиллана голосом Лещенко или Кобзона)... Но я хочу немного рассказать о людях тучи. Среди них были (и может, здравствуют по сей день, только туча уже не та) воинству легендарные фигуры. Не буду говорить о несимпатичных пройдохах, о всяких рыжих, косых и хромых — с такими приходилось сталкиваться часто, но вряд ли они достойны легенды. Легенда — это Вельвет. Легенда — это Саша с Химмаша. Без них трудно представить себе тучу семидесяти годов.

Сначала о Вельвете. Прозвищем своим он обязан кучему пиджачку из зеленого вельвета, в котором ходил долгие годы. По преданию, Вельвет поклялся собрать столько пластинок (естественно, фирменных, и не с записями Людмилы Зыкиной), что их конвертами можно будет застелить весь пол его комнаты. Не думаю, чтобы комната эта была слишком уж велика площадью. И все же, принимая во внимание ничтожность его доходов, нельзя не признать исключительной смелости слова, данного Вельветом самому себе. Без сомнения, он его сдержал, хотя милиция и грабители неоднократно вставали на пути у этого безответного человека. Громадного роста, грузный, со своими по-детски припухлыми губами, и грустным взглядом красивых светлых глаз — он так и стоит в моей памяти, а ведь после нашей последней встречи прошло больше десятка лет.

Я с грустью думаю о том, что, быть может, уже никогда не доведется встретиться с этой необыкновенно доброй и бескорыстной душой. Вельвета не интересовало, какого класса у тебя проигрыватель. Он приходил неожиданно, с горящими глазами протягивал новенькую, ужасно дорогую пластинку и говорил:

— Слушай, или я — дурак и ничего не понимаю, или это гениальная музыка!

Поворачивался и уходил, оставив пластинку у тебя в руках, просто так, не договариваясь о сроках, ничего не требуя взамен, только для того, чтобы поделиться радостью открытия.

Наверно, я идеализирую, но мне кажется, Вельвет никогда и никого не мог обмануть. Саша с Химмаша только этим и занимался. И между тем, он тоже — один из обаятельнейших героев былой тучи. Слава его доказательство моего слуха в первые же месяцы дискоманской эпопеи. Знатоки неоднократно предупреждали: с этим парнем лучше дела не иметь. И я старательно обходил его в поисках обмана.

Лет тридцати на вид, небольшого роста, светловоло-

<sup>7</sup> — «старый коричневый ботинок» (англ.) — цитата из известной песни «Битлз».

мый, с приятной такой располагающей улыбкой, он вообще-то выглядел совершенно одиноким и беззащитным. Правда, иной раз он являлся на тучу не один, а с женой и ребенком. Выглядело это «святое семейство» весьма причудливо: Саша нес на руках младенца, а его супруга шла рядом и катала коляску. Из коляски торчала пачка подозрительных Сашинных пластинок.

Смысл этих семейных прогулок по туче, над которыми каждый считал своим долгом подшутить и, тыча пальцем, посмеяться, открылся мне, когда случилась облава. Нечаянно я очутился неподалеку от Сашиного семейства и с восторгом отметил, как здорово они это придумали — пускаться в свое небезопасное предприятие втроем. Лишь только раздался свист, Сашина супруга, хладнокровно приподняв матрасик, уложила пластинки на дно коляски, а Саша, ни на секунду не отпуская с лица милейшей своей улыбки, поместил отпрыска на его законное ложе. Взявшись под руку и не ускоряя шага, молодые родители продолжали прогулку, справедливо уверенные, что блюстителям порядка и в голову не придет искать роковой груз под спинкой малыша, к тому же при родителях самой заурядной, вполне пролетарской и отнюдь не роковой внешности.

Познакомиться с Сашей, чтобы затем расстаться, быть может, навсегда, мне довелось при, мягко говоря, напряженных обстоятельствах. Как-то поздней осенью, буднично на следующий день после возвращения с очередной уборки картофеля, я поддался уговорам однокурсника, и нелегкая понесла меня на тучу. В ту пору дискоманы по требованию городских властей вместе с вещевым рынком переместились в проволочный загон Шувакиша, который располагался в опасной близости к бескрайним лесам, как и встарь, кишевшим разбойниками. Еле-еле разменяв принадлежавший моему приятелю двойник «Лед Зеппелин» «The Song Remain The Same» на три пластинки, из которых мне запомнилась только одна — зальный «Кинг Кримсон» (кажется, 74-го года), мы почувствовали на себе пристальные взгляды, опьяненные не только спиртным, но и жадной легкой наживы. Взяв, что называется, ноги в руки, мы помчались на станцию, лелея мечту — втиснуться в электричку и довершить хэппи эндом становившееся опасным приключение с обменом. Когда этот «поезд мечты» подошел к платформе и открыл электрические пасти дверей, мы поняли, что рискуем, в лучшем случае, одним из трех: 1) пластинками, которые я прижимал к груди, запакрованными в полиэтиленовый мешок; 2) возможностью немедленно отправиться в Свердловск; 3) собственной жизнью. В худшем случае, как вы уже догадались, мы могли потерять и то, и другое, и третье.

Приятель мой, энергично работая всеми конечностями, презрел опасность и втиснулся в вагон. Я же не мог ему всецело подражать уже потому, что две из моих конечностей были заняты ценным и хрупким грузом, бросать который мне представлялось нелогичным, хотя он мне и не принадлежал. В результате электричка с отчаянным визгом, руганью и пыхтеньем отошла, унося моего компаньона в столицу Урала, а я остался стоять на платформе с чужими пластинками в руках и холодом в сердце.

Застыв на самом краешке, я начал курить предпоследнюю сигарету и попытался унять закономерно пробившуюся дрожь. В сторону станционного здания я боялся даже поворачивать лицо. Оттуда через колокол громадного матюгальника вскоре методично стал раздаваться истошный женский вопль: «Милиция! Срочно на станцию! Милиция! Срочно...» Но милицией, разумеется, и не пахло — вероятно, ее доблестные части и в эпоху Шувакиша по инерции продолжали охранять сад Вайнера... За моей спиной раздался топот, характерный шелест, лягз и отборная ругань. Не оборачиваясь, я пришел к выводу, что мимо промчался целый батальон с колами и пепями (батальон, конечно, не милицкий, а совсем наоборот). Затем все повторилось. «Еще один батальон», —

отметил я про себя и зажмурился, готовый пасть на рельсы в любую минуту...

Как вдруг до моего напряженного слуха донесся вежливый голос, обратившийся ко мне по имени. Я открыл глаза — передо мной стоял с неизменной своей улыбкой и протянутой рукой Саша с Химмаша. А за его спиной полукругом высилось человек пять-семь этаких утесов-великанов. Саша смотрел на меня с таким восторгом, будто встретил Ричи Блэкмора или Пола Маккартни, и что-то говорил о телевидении.

Когда самообладание полностью вернулось ко мне, я начал соображать, о чем идет речь. Как-то воскресным утром в начале лета меня растолкали со страшного бодуна мои приятели и чуть ли не волоком потащили на телевидение. Так я сделался участником какой-то дурацкой передачи, какого-то конкурса, одной из первых, неуклюжих и бездарных, попыток превратить молодежное увлечение «зарубежной эстрадной музыкой» в хлеб для местных телевизионщиков. Там я, изрядно поджарившись в свете юпитеров, заскучал и рванулся к камере. Моя энциклопедическая осведомленность в творческой биографии группы «Кунн» почему-то всех ужасно удивила и вызвала прилив рукоплесканий (по мановению ведущего из-за спины оператора). В конце концов меня объявили вообще ужасным знатоком и наградили аж сразу двумя пластинками (Лили Ивановой из Народной Республики Болгарии и советской перепечаткой Адриано Челентано).

Так вот, оказалось, что Саша тоже был там, среди участников этого безобразия, и я ему очень приглянулся. Более того, Сашин сосед по лестничной клетке записал всю эту ахинею на видеоманитофон (большая редкость по тем временам!), и Сашина жена, просмотрев запись, видимо, тоже отметила меня. Короче говоря, когда подошла следующая электричка и утесы-великаны не только внесли нас в вагон, но еще и посадили у окошечка, Саша стал меня уговаривать поехать к нему в гости, на Химмаш, чтобы посмотреть «историческую» видеозапись. Решающим был приятно щекоющий самолюбие всякого мужчины довод:

— Господи! Как жена-то обрадуется!

Вечер, проведенный у Саши, я не забуду никогда в жизни. Он и его супруга оказались на редкость хлебосольными хозяевами, а когда кончилась водка, Саша куда-то сбегал и, несмотря на довольно поздний час, тут же принес еще бутылку. Но дело, конечно, не в том. Для меня он был живой легендой тучи. Он разоткровенничался — и легенда оказалась чистой правдой. Из собственных Сашиных уст я услышал в тот вечер именно то, что прежде говорили о нем другие:

— Не надо со мной меняться, никогда не надо...

Со всего околотка (а может, и со всего Химмаша) стекались в Сашины умелые руки отходы дискоманской карусели — расколотые и расплавленные, изборожденные царапинами и протертые одеколоном пластинки, плоды шумных вечеринок и неудачных обменов. Саша мастерил конверты, перебивал «пятаки», исправлял погнутости, на несколько недель заряжая пластинку под пресс книжного шкафа, отмывал запах одеколона, указывающий всякому опытному дискomanу на неуничтожимое шипение, клеил, мастерил, замазывал, изготавливал надписи типа «Made in England» на супрафоновских и югтоновских продуктах и, наконец, терпеливо бродил по туче в поисках профанов. Короче, он превращал все эти осколки прежней роскоши в настоящий капитал, и за это околоток платил ему щедрой признательностью: самые дорогие, самые свежие пластинки, привозимые с тучи друзьями, тоже стекались к нему для прослушивания и записи на магнитофон.

Стоит ли добавлять, что тот вечер в гостях у Саши был полон замечательной музыки? Стоит ли объяснять, почему я ничуть не удивился, когда гордый хозяин расплачу передо мной заветный шкафчик, хранивший полную коллекцию пластинок «Битлз»? Мы были фанатиками одной генерации, меломанами одного вкуса и без труда

нашли общий язык. Я был просто счастлив и совершенно расслабился, столь стремительно перелетев от угрожающей мне опасности к окружающему меня гостеприимству...

Поздно вечером приветливые хозяева проводили меня до остановки, снабдили сигаретами на дорожку и усадили в один из последних троллейбусов. Я прислонился к приятно охлаждающему висок стеклу и задремал (за пределами изысканной словесности следовало бы прямо сказать — «отрубился»), держа на коленях все тот же пакет с «Кинг Кримсон» и К°. Тотчас мое подсознание, воспаленное водочными парами, перенесло меня на картофельное поле и пыльные дороги красноуфимских проселков...

— Эй, друг, вставай, приехали! — раздался над моим ухом довольно резкий, но не злобный окрик. Я пробудился, машинально подхватил пакет с пластинками и кинулся вслед за растолкавшим меня человеком к кабине. Безошибочным чутьем я распознал в нем водителя, но разновидности транспортного средства, в котором находился, не определил. Водитель даже нисколько не удивился моей горячей просьбе — довезти до деревни Чувашково. Он подогнал машину к самым воротам троллейбусного парка, остановился и открыл переднюю дверь:

— Извини, друг, дальше ехать не могу.

Зрелище троллейбусных дуг сильно поколебало мою вздорную уверенность в том, что я нахожусь в Красноуфимске. Поэтому я кинулся к одинокому прохожему, как к дельфийскому оракулу, и возопил:

— Мужик, какой это город!?

Потрясенный оракул растерянно пробормотал:

— Ну, Свердловск...

Свердловск! Какое счастье! Дуракам и пьяницам везет — через несколько минут я раскинулся на переднем сиденье частного автомобиля, владелец которого согласился подбросить меня до дому за пару сигарет, и показывал ему свои (то есть, конечно, чужие) пластинки, взахлеб повествуя о своих страшных шувакишских приключениях.

— Да, не та теперь туча стала, не та... — заметил он, грустно улыбаясь, и утопил клавишу магнитофона.

— Рок-н-ролл? — оживился я при первых звуках.

— Рок-н-ролл, — кивнул владелец.

— Литтл Ричард? — состроил я знатока.

— Чак Берри, — разочаровал он меня.

Не набравшись смелости, чтобы попросить довезти меня до подъезда, я выскочил из притормозившего автомобиля за сотню метров от дома и хлопнул дверцей, пожелав счастливого пути. Вместе с неумолкающим рок-н-роллом он набрал скорость и скрылся за поворотом. Семидесятилетие годы кончались в ту ночь как-то особенно явно, грустно и весело. В общем, бесшабашно — как и все в этом стиле.

## КАЛУГА

Калужский — известная личность. Его знают все рок-фаны Екатеринбурга. Его знают в Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске. С ним знакомы в США, Великобритании, Ирландии, Финляндии, Швейцарии. Говорят, что с ним не сработался Слава Бутусов (бесменный лидер одной советской поп-группы с постоянно меняющимся составом, неожиданно добившейся кратковременного успеха в конце 80-х годов) — неправда, это Калужский не сработался с ним.

Самое удивительное, что при всем при том Калужский — вовсе не музыкант. Поет и играет на гитаре он крайне редко, на публику — еще реже (хотя лично мне ужасно нравились в его исполнении «Стихи о советском паспорте» популярного в 30-е годы поэта, положенные на чрезвычайно игривую мелодию). Несмотря на столь вопиющее качество (которым, кстати, отличаюсь и я), а может именно благодаря ему, Калужский был чем-то вроде главного администратора Свердловского рок-клуба в тяжкие годы его становления. Боюсь показаться не-

скромным, но еще больше кокетливым, тем более, что факты — упрямая вещь: Калужского на столь ответственную должность выдвинул я.

Я знаю Калужского давно и знал бы еще дольше, если бы не разница в возрасте — один год. В школе такая разница казалась огромной, и хотя мы были шапочными знакомы, я, в основном, наблюдал за ним издалека. В годы ученичества Калужский был резвым и саркастическим юношей. Его излюбленным занятием было — ставить «саечки» младшим товарищам, которых Калужский подлавливал при входе в храм наук. Правда, сегодня он этого факта категорически не припоминает.

Году в 75-м, летом, у нас во дворе устраивались маленькие фестивали. Из нашего подъезда к дощатой эстрадке протягивали кабель, подключали гитары, играли на них и пели все, кому не лень. А молодежь со всей округи танцевала. Мне эта музыка (в основном исполнялся советский «недорок») откровенно не нравилась, а выйти потанцевать в поисках интимного общения тогда еще не хватало духу. Поэтому я сидел в своей комнате в гордом одиночестве и заглашал дворовую эстраду Бетховеном. Естественно, заглушить Бетховеном эстраду удавалось только в радиусе одного метра от динамика моей радиолы. Время от времени я высовывался в окно и наблюдал за происходящим на танцплощадке с высоты своего положения (т. е. с третьего этажа). Особенно любопытным зрелищем, разумеется, были драки. И вот, в разгар одного из таких массовых столкновений под музыку, я увидел Калужского. Он примчался на легком спортивном велосипеде и, отбросив его в безопасную сторону, врезался в толпу дерущихся. Он скакал, как резиновый, размахивая ногами и кулаками — и обворожительная улыбка, как мне кажется теперь, не сходила с его уст...

Несколько лет спустя мы встретились на лестничной площадке Уральского университета и — кинулись друг к другу в объятия. Разница в возрасте более не ощущалась.

Теперь нас норвило разделить другое — пространство. И дело тут не в судьбе, а в характерах. Встречи и расставания были и остаются лейтмотивом нашей дружбы. Я в Свердловске — он в Иркутске. Он в Душанбе — я опять-таки в Свердловске. Даже когда он в Свердловске и здесь его дом, семья, мама — его тут фактически все время нет — он в Москве, он в Таллинне, он в Лондоне... Вот и сейчас, когда я сижу у себя дома и пишу эти строки, Калужский гуляет где-то в предгорьях Альп или на берегу Женевского озера таким «Лениным в Швейцарии»<sup>8</sup>. И чего ему рядом со мной не сидится? А вот того, что Калужский — это самый настоящий rolling stone, или, по-русски, перекаати-поле. А я... Да что я? Не обо мне, в сущности, речь!

Раньше Калужский любил появляться неожиданно. Сидишь, пишешь ему письмо в два часа ночи. Звонок в дверь. Открываешь, а это он — собственной персоной, только что прилетел, да еще и, к примеру, наголо обрит, эдак стоит в кожаном плаще — и улыбается...

Или вот еще до того был случай. Сажу я в распахнутом окне, а ночь такая летняя, излюбленная авторами лирических песен, после дождя. Кусты внизу темные, густые, каплями посверкивают. Вдруг бормотанье, шум, хохот — и прямо из кустов выскакивает Калужский с одной девчонкой, кстати, моей одноклассницей. Я ее называть не буду: она теперь уже взрослая тетя — Бог знает, что у нее на уме, как с мужем... Пусть будет инкогнито. Узнает себя — наедине с собой поплачет, посмеется, и все. Поднялись они ко мне, я им дверь отво-

<sup>8</sup> — ныне, насколько известно редакции, обстоятельства жизни А. Калужского в очередной раз переменялись. Александр теперь не только играет на «малых ударных», но и недурно поет. В момент, когда эта рукопись засылается в набор, созданная Александром в Екатеринбурге группа с импортным названием «East of Eaden», исполняющая его англоязычные стихи под музыку, на наш взгляд, ничем не уступающую, а где-то и превосходящую лучшие западные образцы, находится в американском штате Техас. Желаю землякам удачи!

рил потихоньку, поставил «Red Rose Speedway» Маккартни и напоил их из толстой керамической кружки обыкновенной холодной водой. Но если кто-то возразит и станет меня уверять, что это была не вода, а вино, и даже коньяк — я не стану спорить. Оба они были мокрые, веселые, молодые... Мало ли что? И дружба наша с Калужским только-только начиналась.

Теперь неожиданного вообще стало меньше — о плохом и хорошем заранее сообщают на всю страну. Даже государственный переворот, кажется, никого не удивил — все были готовы. Да ну ее, политику! Сплошной расчет. А тут — любовь, молодость, музыка — в самый разгар застоя, между прочим...

Калужский — великий человек, ребята! Недаром мы с ним так понимаем друг друга. По сравнению с ним все лично известные мне рок-музыканты вместе взятые — душевраздирающие зануды и дуболомы. Я знаю, они на меня не обидятся, потому что, в сущности, все они — славные парни. Но о них еще речь впереди.

Калужский первый рассказал мне о «Трубчатых колокольчиках» Майка Олдфилда. Благодаря ему, я впервые услышал «Дженезис» — «Trespass» и «Nersury Crime», и «Selling England By The Pound»<sup>9</sup>. Мы вместе открыли Кэйт Буш и «Стиля Дэн» и многое другое. Он переводил мне тексты «Пинк Флойд», «Джетро Талл», «Зе Ху» и Элтона Джона. Мы дружно склонялись над рок-энциклопедиями и музыкальными ревью, вычитывая подробности из жизни Дэвида Боуи, Френка Зеппы и Элис Купер<sup>10</sup>. Мы бок о бок стояли за дискотечным пультом и веселили публику даже в тот самый день, когда у Калужского родилась дочь. Мы прослушали вдвоем не одну сотню пластинок. Рок-музыка ли не была нашей страстью, нашей мечтой и нашей надеждой, нашей юностью? И все же строчка одной из лучших песен покойного Вити Цоя «Ты готов был отдать душу за рок-н-ролл» — не про нас. Ни тогда, ни теперь мы бы на это не согласились. Надо ли объяснять, почему? Распространяться о ценности души и о возможности лучшего применения сил? Нет, ребята, это уже будет совсем в другом стиле. Пускай каждый решает эти проблемы сам по себе. Добавлю только одно: отдать душу за рок-н-ролл? А — вот ему!..

Ну же, повторите мой жест, ведь душа всего дороже.

## ЕЗДА В КАМЕННОМ КРУГЕ

Когда я учился уже на третьем курсе, мое имя и моя физиономия прочно встали в ряд университетских знаменитостей. Правда, мои дурацкие стихи не стяжали широкого признания (обычная прижизненная судьба поэтического дара), разве что Александр Владимирович, величайший балагур и знаток австрокоммунизма, восторженно смаковал мои дебильные строки: «Я шел и курил. У барака меня покусала собака». Да некоторые девочки серьезно до слез воспринимали все написанное мною. Зато, в паре все с тем же Вовкой изображая на самодельной сцене то Малыша и Карлсона, то Попа и его многострадающего пса, убитого за кусок мяса, я достиг такого положения, когда чуть ли не каждый третий совершенно не знакомый студент здоровался со мной за руку, называя меня по имени. Были, конечно, и иные подвиги. Когда, например, Лев Абрамович увидел меня, в первый и последний раз посетившего его спецкурс, в роскошных, начищенных до зеркального блеска милицейских сапожниках, этот талантливый ученый и добрый преподаватель был настолько пленен, что и на экзамене проявил ко мне снисходительность. Иное дело — мой великий тезка, «столп и утверждение» марксистско-ленинской эсте-

тики. Ввиду моего пренебрежения его остроумными лекциями, Аркадий Федорович, фигурально выражаясь, поймал меня за шиворот в коридоре и громовым баритональным тенором предложил убраться вон со специализации. Добрейший человек, он просто погорячился тогда, но тем и приумножил мою славу. Курсовая работа по теории отражения, написанная мной в бодром стиле за одну ночь и сданная в последний момент истекающего срока, читалась на кафедре вслух с хохотом, достойным «Двенадцатой ночи» Шекспира.

Короче говоря, я ничуть не удивился, когда все на той же университетской лестнице ко мне обратился по имени и с рукопожатием совершенно незнакомый студент и попросил моих стихов для создания рок-музыкальных композиций. Это был Фенч. К тому времени он уже сделался великим рок-музыкантом и мастерски владел флейтой и бас-гитарой. То, что он при этом туго соображал и был напрочь лишен чувства юмора, хотя и тянулся ко всему смешному, как дикарь к пилораме, — не сразу бросалось в глаза, тем более со сцены. Эти железные качества Фенча проявились потом в нашей работе, способствуя достижению желанного уровня идиотизма в текстах.

В тот момент я не сильно всматривался в зеркало его души — Фенч казался мне Stormbringer'ом<sup>11</sup>, небесным вестником и перстом Фортуны.

Вскоре этот перст привел меня в студию (будущую студию группы «Трек») и познакомил со своими коллегами. Прежде всего, с Настей, чей голос сразу показался мне сравнимым с голосом Клэр Торри, партию которой из «The Great Gig In The Sky»<sup>12</sup> она успешно копировала в живых выступлениях. Иных оценок по отношению к Насте я постараюсь избегать...

Далее, чтобы не было обид, представлю музыкантов из тогдашнего окружения Фенча по алфавиту, ибо хронология моих с ними знакомств безвозвратно канула в Лету, и мне уже не воскресить в памяти точного порядка событий.

Итак, прежде всего — Борщевский. Когда произошел окончательный раскол бывшего «Сонанса» (вернее сказать, откол Шурика, основавшего «Урфин Джюс») и окончательно сформировался «Трек», Борщевский был душой этого проекта. Он с завидным упорством упражнялся на скрипке (что-то восторженное от него я слышал о школе Йегуди Менухина) и занимался гимнастикой, демонстрируя и неустанно воспитывая в себе физическую и духовную независимость. Именно от Борщевского, как мне кажется, исходила идея параноидальности, положенная в основу музыкального своеобразия и сценического имиджа группы «Трек». Хотя, в то время — все трековцы, в той или иной степени, были паранонками и изо всех сил старались заразить этим недугом меня. Вероятно, в каком-то смысле им это удалось — недаром же я так много говорю о себе как о знаменитости.

На самом деле за декларированной паранойей стояло всего-навсего трепетное подражание «Блэк Саббат» и Гарри Ньюмену. Меня всегда веселило, с какими масонскими предосторожностями трековцы скрывали истинные корни своих музыкальных откровений. «Великую тайну» происхождения скованных, монотонно изломанных музыкальных пропорций должен был слышать, как мне казалось, всякий имеющий уши. «Неведомую подоплеку» деревянной неподвижности (двигаться, ко всему прочему, еще и просто не умели), отодвинутости от зала незримым «железным занавесом» и вытаращенных в бесконечность лиц, на мой взгляд, должен был видеть всякий имеющий глаза. Но самое смешное заключалось в том, что усилия эти достигали цели. «Трек» был настолько редким растением на советской почве, что, несмотря на достаточную банальность и пустопорожность избранных «первоисточников», сходил за абсолютно самобытное, почти мистическое древо.

Думаю, Борщевский уже тогда отдавая себе во всем этом отчет. Он никогда не относился к рок-музыкальным

<sup>9</sup> — названия альбомов группы «Дженезис».

<sup>10</sup> — все это — имена и названия музыкантов и групп, ставших уже классиками мирового рока.

<sup>11</sup> — буревестник (англ.); так назвала один из своих альбомов группа «Дип Перл».

<sup>12</sup> — композиция группы «Пинк Флойд».

студиям слишком серьезно и, как только сформировалась необходимость, немедленно и безболезненно ушел из группы, чтобы жить нормальной жизнью классического музыканта. На сей счет я был с ним абсолютно солидарен, с тем только отличием, что он играл на клавишах и струнах, а я — на словах.

Слишком серьезно, гораздо серьезнее всех остальных, относился к рок-музыке барабанщик Женька. Он сделал на нее поистине роковую ставку. Он был настоящим фанатиком рока (не знаю, остается ли таковым по сей день) и всегда напоминал мне героя крамеровского фильма «Благослови детей и зверей» — нервного, издерганного, идеалистически приверженного понятию справедливости подростка в полевой каске отца, погибшего во Вьетнаме. Женькина скованность, совершенно не допустимая в барабанном деле, на первых порах достигала откровенно трагикомических масштабов. Помню, как на одном из первых концертов в столовой родного Женькиного городка неподалеку от Свердловска он простукивал в антракте на коленях самую сложную партию и отказывался выйти на «сцену», потому что она у него вдруг перестала получаться. Уговаривали его хором, как ребенка. Вышел, начал стучать и, когда дошел до каверзного места — сбился, досадно, нозорно, развалив жесткую ритмическую конструкцию вещи. А надо сказать, подобной жесткостью отличались все, даже самые «импровизационные» композиции «Трека». Женька выколачивал из себя фатальную скованность изурительными упражнениями. В какой-то степени это ему удалось, но другого, более верного и легкого пути он, по-моему, так и не сумел нащупать. Да и невозможно было следовать по нему, находясь в каменном круге «Трека», в пределах которого окаменела сама стихия рок-н-ролла.

С трудом втискивал себя в это сооружение и гитарист Миха, непревзойденный мастер продуманной импровизации, преданный поклонник и знаток музыки «Битлз», вообще — душа общества, необыкновенно мягкий и добрый человек.

С ним связана забавная ситуация, которая уже в первый месяц нашего знакомства показала мне, с каким коллективом я связался. В то время Шурику случилось переезжать на новую квартиру. И все мы, друзья-товарищи, по его просьбе целый день принимали участие в этом переезде в качестве грузчиков. Наконец, когда тяготы переезда были уже позади, возникла новая просьба — что-то такое надо было перетаскать на даче у Шуриковой мамы, милейшей, кстати сказать, мамы милейшего сына. И вот, если память мне не изменяет, на эту просьбу откликнулись все, кроме Михи. Вскоре я убедился, что даром такие поступки в дружном ансамбле Шурика и его друзей не проходят. Состоялось собрание музыкантского коллектива, более напоминавшего мне в те часы бригаду коммунистического труда, потеющую в борьбе за свой переходящий вымпел. Миху как следует пропесочили и привинули отлучением, инкриминировав ему деяние, названное каким-то противным словечком (вроде «проскальзывания» или «отслаивания»), которое я, к счастью, забыл. Миха покаялся и дал честное пионерское слово в том, что «такое больше не повторится». Станный и чужой для меня «монастырь», причудливо сочетавший в своих недрах приверженность малохудожественным формам свободного мира и самый дремучий совок, который впоследствии эта, в остальном симпатичная, братия выдавливала из себя по капле.

Шурика я начал рисовать прямо какими-то кровавыми мазками. И чтобы он не показался тем, кем на самом деле никогда не был, добавлю кое-что поважнее. Первая же наша с ним беседа весьма походила на экзамен. Мы шли по старым екатеринбургским улочкам и проверяли друг друга «на вшивость». Называлось имя композитора, и как бы открывались шлюзы: лились потоки названий, впечатлений, соображений. Скажем, Моцарт. И пошло-поехало. 39-я, 40-я, 41-я, Маленькая ночная серенада,



ранные симфонии. А «Пражская»? А «Гаагская»? А «Волшебная флейта», реквием, «Дон Жуан»? Нет, а «Похищение из сераля»? Ойген Йохум, Фишер-Дискау, Рудольф Баршай, Лев Маркиз... А «Кози фан тутти»? А «Идомеяней, царь критский»?

Мы обсудили наследие и значение Баха, Гайдна, Бетховена, Алессандро и Доменико Скарлатти, Луи и Франсуа Куперена. Рассмотрели исполнительскую манеру Ванды Ландовской и Ральфа Киркпатрика, Сергея Рахманинова и Артура Рубинштейна. Расписались в нежных чувствах к Россини, Беллини, Доницетти, Верди, Пуччини, Леонкавалло и Маскани. Особо выделили Вивальди, Перголези, Чимароза, Локателли, Глюка и Генделя. Не забыли Бизе, Массне и Менделсона с Вольфом. Почтили Вагнера, Вебера, Гуно и Мейербергера. Поцокали языками относительно Дебюсси, Равеля, Оннегера, Пуленка и Хиндемита. Вознесли Дворжака и Сен-Санса. Простерлись ниц пред Малером, Сибелиусом и Чайковским. Замолвили словечко о Крейслере, Рихарде Штраусе и Шопене. Помянули Шумана, Шуберта и Листа. Добрались до Стравинского, Прокофьева и Шостаковича. Но нельзя же было умолчать и о Шенберге, Веберне, Гершвине, Айвзе! В какой-то момент я произнес сакраментальное четверостишие, ставящее «превыше всех хвалений» Георга Фридриха Телемана, мы вспомнили о том, что забыли Рамо, Гайнриха Шютца и Клаудио Монтеверди — и все началось сначала.

Ребята, Шурик уже тогда был крутым знатоком рок-музыки — с ним было о чем поговорить! Уверен, что время не сгладило этой крутизны.

Нет смысла описывать внешность звезды такого масштаба, как Шурик — она и так хорошо всем известна по календарикам, плакатам и ТВ-шоу. Но замолвить словечко о Шуриковой работоспособности считаю своим долгом. За одну ночь он еще в молодости успевал положить на музыку пять-шесть текстов, при этом к тому же и переделав их до неузнаваемости.

Печально и невероятно, однако наше совместное творчество как-то не сложилось ни в до-трековский, ни в пост-трековский период. Добрый десяток моих текстов, положенных на музыку Шурика, так и остался вместе с нею лежать мертвым грузом в пыльных архивах. В момент нашего знакомства с Шуриковским лицом не сходило плотоядное сияние. Кратковременное воздействие параноидальной идеи подвинуло его (Шурика) на создание омерзительных композиций, какие даже Элис Купер замучился бы извлекать из своих ночных кошмаров. И все же именно в тот период юному композитору удалось таки при помощи моего счастливого пера состряпать, по крайней мере, одну премиальную вещь под названием «Маленький сюрприз». В песенке этой рисовался образ беззаботного, сытого, одетого и обутого парнишки. Объяснялось, как ему хорошо, как его будит по утрам запах кофе, как солнышко греет ему простыню и т. д. Но после каждого куплета звучал залихватский, с привкусом немецкого кабака времен третьего рейха рефрен:

*«Веселиться не торопись!  
Ожидает тебя сюрприз.  
Что там за сюрприз?  
Зря ты гадаешь.  
Маленький сюрприз.  
Скоро узнаешь!»*

Вот в сущности и все. Безобидно, весело, на грани с истерикой.

Представив Шурика, по алфавитному порядку, я должен назвать Полковника Эквалайзера. Слов нет, он был и, вероятно, остается мастером своего дела. В умелых руках Полковника самая фиговая аппаратура совершала звуковые чудеса. И, вероятно, вполне справедливо он считался полноправным членом творческого коллектива. Однако меня особенно доставало, когда принесенный мною очередной текст, активно разбиравшийся по косточкам,

отдавался на суд Полковнику, и тот, ничтоже сумняшеся, судил о нем, и судил, как ему, вероятно, казалось, вполне умно и «со знанием дела». При этом талантливому звукооператору конечно же не приходила в голову совершенно аналогичная ситуация, но с обратной полярностью: что, если бы я стал тыкать в его радиосхемы отверткой и хватать бедолагу за руку, сжимающую раскаленный паяльник?

Не хочу выставлять претензии ни к кому лично, тем более задним числом. Пусть Полковник не обижается на меня. Самым страшным моим душителем был не он, и не Женька, упрямый в своем ограниченном мнении, и не Миха, источающий порой рассудительное занудство, и не Борщ, подчиняющийся вопреки здравому смыслу общим «соображениям», и не Фенч с его доходившей до смешного бесхребетностью, и не Настя, о которой, как объявлено, умолчу. Самым страшным моим душителем оказывался весь их насковозь совковый пионерский коллектив. Вот это была сила, вот это был интеграл дилетантизма и пустословия. И вот почему я с самого начала заявил им: то, что я пишу для вашего употребления — не стихи, а тексты. Так оно и было на самом деле — я сплетал для музыкантов то, чего они сами хотели, я писал под диктовку этой дурацкой силы, силы советского коллектива, изображающего из себя рок-группу.

Калужский, которого трековцы считали моим родным братом, что, конечно, не так уж далеко от истины, присутствовал пару раз при обсуждении этими светлыми головами моих текстов, наблюдал за моими досадными муками и теперь может выступать в качестве свидетеля со стороны обвинения. Думаю, мой печальный опыт послужил ему незабываемым уроком того, как беззастенчиво обращаются музыканты с текстами только на том основании, что для их написания использован язык, употребляемый в повседневном общении. В результате сегодня Калужский пишет великолепные тексты исключительно на английском языке. Ах, как жаль, что и меня в свое время не посетила спасительная идея — писать для «Трека», к примеру, на немецком!

Между прочим, в музыке «Трека» и, впоследствии, «Кабинета» мною не поправлено ни одной ноты. Уже на одном только этом основании я чувствую за собой больше прав на звание профессионала, чем было у них. Ведь первая заповедь профессионала — не совать свой нос не в свое дело. Остальное со временем может приложиться или нет. Но без этого первого не бывает ни второго, ни третьего, ни четвертого.

Кстати, о «Кабинете». Не знаю, что с ними стало потом, но в альбоме с нелепым Шуриковским названием «Вскрытие» они попытались возродить самые кондовые трекровские традиции, на этот раз, как вы уже догадались, при участии Шурика. Это была самая неудачная моя работа. На сей раз я уже не боролся и с первой попытки выдавал то, чего от меня ждали. Надуманные аранжировки довершили дело. Полковник был в восторге от моих текстов. Я был в восторге от его технических ухищрений. Вообще все участники этого проекта восторгались друг другом. На том восторги по поводу «Вскрытия» и исчерпались.

Лично мне «Вскрытие» показало нечто большее — что пора вовсе завязывать с этой работой, пора перелистнуть эту страничку, закономерно, как я пытался здесь показать, вписанную в книгу моей жизни, но не способную целиком исчерпать ее предопределенное содержание.

## КАРТОЧНЫЙ ТЕРЕМ

...Бонапарт, с вечно серьезным выражением подавленной гениальности на лице, обрамленном черною прямою шевелюрой, появился ко мне со своим предложением совершенно не в жилу. Создавать сценарий фильма о рок-музыке, да еще на местном материале, без зарубеж-

ных командировок — совершенно не вписывалось в мои планы. Но категорически отказывать я, на свою беду, просто не умею. Поэтому я послал его не туда, куда следовало бы, а к Калужскому, да еще при этом заверил: буде Калужский согласится и ему понадобится моя помощь — отказывать не стану.

Поэтому, когда через некоторое время Калужский пришел ко мне с ворохом исписанных листов и предложил соавторство в отпращивании этого несуразного дела, мы пожали друг другу руки и взялись за работу.

Мы придумали фильм о нашем городе, который, несмотря ни на что, любим (все-таки малая родина!), и о том, как в его обычной совковой атмосфере нелепым махровым цветом пробивается стихия рок-н-ролла. В общем, фильм о свердловской рок-музыке как ярчайшем проявлении абсурда в нашей жуткой и увлекательной действительности.

В ходе, как говорится, реализации своего замысла мы познакомились с замечательным оператором Кириллом и его безотказным помощником Димой. Эта пара, подобная Дон Кихоту и Санчо Панса, самоотверженно и почти бесплатно творила кинематографические чудеса, которые на какой-нибудь MGM оплачивались бы десятками тысяч долларов. И эти чудеса, достаточно убедительно украсившие фильм, выглядели бы еще более шикарно, если бы не усилила нескольких пройдох и бездарей, которые постоянно путались под ногами и вокруг камер, пропивали отгушенные на картину деньги, не могли даже вовремя крикнуть «мотор!» и сделать отмашку и, короче говоря, старательно сводили на нет с таким вдохновением придуманные и с таким трудом организованные трюки.

Нельзя не вспомнить добрым словом и звукооператора Витю, делавшего свое дело с большим терпением и на высоком профессиональном уровне. Благородная сдержанность, которую он проявлял в самых сложных и досадных ситуациях — в высшей степени ценное для кинематографа качество.

Долго и трудно было бы рассказывать во всех подробностях, как мы бились об лед эдакими тропическими рыбками и, в конце концов, худо ли, бедно, все-таки сделали фильм. Фильм без режиссера, фильм без продюсера, фильм без монтажера — это гораздо страшнее, чем фильм без трансфокатора (кажется, так называется эта штука), без тележки, без киноплёнки, и даже без царя в голове. И все-таки мы его сделали...

Надо было так же, ни на кого не полагаясь, заняться и его продажей. В кульминационный момент на сцене появился Вовка, тот самый Вовка, спутник моего детства, отрочества и университета, и, ни много ни мало, в качестве нового финансового директора фирмы, в недрах которой мы барахтались, изготавливая свой шедевр. Вовка посмотрел наше творение, очень высоко его оценил и посулил нам большие деньги.

Однако, пометавшись некоторое время по стране и побродив по столице, то и дело мирясь и ссорясь с Бонапартом, потерпевшим крах в роли режиссера нашего фильма и с тех пор потерявшим к нему всякий личный интерес, короче говоря — попытавшись не на словах, а за деньги продать картину, пан финансовый директор довольно быстро снизил бодрый тон своих рыночных реплик до абсолютного нуля. Вовка попросту не сумел осуществить посулов и со свойственным ему простодушием объявил, что всему виной отвратительно низкое качество самого фильма.

С Вовкой я крупно поругался. Но потом, разумеется, мы помирились. Слишком многое связывает нас (в чисто духовном, конечно, смысле), чтобы позволять себе роскошь — не прощать взаимных обид и упреков. К тому же, он окончательно расстался с Бонапартом (окончательно, но не навсегда), посылая в его адрес букеты заочных проклятий. Фильм остался на полке, причем непонятно, кому эта полка принадлежит. Его название («Сон в красном тереме») оказалось пророческим: большинство рок-

фанов, не говоря уж об иной публике, не видели и, надо полагать, никогда не увидят этого «Сна» даже во сне. Правда, недавно, просмотрев видеокопию, фильмом заинтересовались в компании «Би-Би-Си» на предмет показа по телевидению в Великобритании. Во что выльется этот интерес, до сих пор неясно.

Ребята, мы не получили за весь этот адский труд ни ф, ни х!

А теперь по существу. Выйдя на ночной Покровский проспект из Дома кино, где состоялась-таки премьера «Сна в красном тереме», я принял окончательное решение: все, больше не имею дел с рок-музыкой, целиком отношу ее к сфере отдыха, развлечений, сентиментальных воспоминаний. Работать на нее больше не стану, не могу, потому что не мое это дело. Пора, пора окончательно утвердиться в профессионализме. Этот фильм настолько вымотал меня (а еще больше беднягу Калужского), что исчезло ощущение стихии, пропало седьмое чувство, чувство рок-н-ролла. Пропало — ну и х...орошо! Все-таки уже разменяли четвертый десяток.

## ЭПИЛОГ

Несколько месяцев спустя мы с Калужским заканчивали сценарий рок-музыкальной комедии в духе позднего Бунюэля под названием «Отцы и дети». Нам обещали под это дело деньги, мы слетали в Питер и начали переговоры с группой «Дети», в расчете на которую писался сценарий. И что же?

Все рухнуло. Вот это кайф, ребята! Я снова попался на удочку, потому что не смог отказать Калужскому. Сценарий по ходу дела становился все роскошней и роскошней, и в тот момент, когда примерная стоимость будущей картины превысила миллион рублей, не считая валюты, как только стало ясно, что этого фильма нам никогда не снять, потому что нет денег, нет режиссера, потому что капризничают «Дети» и верный оператор отказался от сотрудничества — вот тут-то ко мне и вернулось чувство рок-н-ролла!

Все-таки Стинг — молодец, кроме всего прочего, еще и потому, что сказал (или вовремя процитировал — все равно молодец!): «Кто работает ради денег, ничего, кроме денег, не заслуживает». Мы никогда не работали ради денег (так уж получилось) и заслужили кое-что получше!

Long live rock-n-roll!

**ОТ РЕДАКЦИИ.** В № 7 за 1991-й год «Уральского слепопыта» был помещен анонс повести по мотивам фильма «Сон в красном тереме» о Свердловском рок-клубе. И вот настала пора выполнить обещание, что мы и сделали — правда, с некоторыми оговорками. Дело в том, что за прошедшее со дня возникновения идеи публикации до практического ее воплощения время с ней произошли значительные перемены. Так, один из потенциальных авторов неожиданно превратился в героя повести, а тема собственно фильма сократилась до минимума... Но все-таки мы надеемся: окончательный результат вам понравится. И он ничуть не хуже первоначального замысла, а может быть, и совсем наоборот (см. заголовок). Перед теми же, кто до сих пор не расстается с мечтой прочесть в журнале об «Апрельском марше», «Отражении» и других перечисленных в анонсе группах, по-прежнему чувствуем себя в долгу. И настоятельно советуем: не расстраивайтесь и не вешайте носа! Лучше напишите нам. Мы найдем способ вернуться к вашим кумирам.

## Непознанное вокруг нас

В № 12 за 1991 год в нашем журнале было опубликовано интервью директора эколого-культурного центра «ЭКО Энроф» Галины Федоровой с автором книги «Любовь и сердце беспредельности» Дмитрием Максимым. Эта публикация вызвала поток читательских писем в редакцию и в «ЭКО Энроф». Получено более 3 тысяч писем со всех концов СНГ — из стран Балтии и с Камчатки, из среднеазиатских республик и из Крыма, из Якутии и Белоруссии, и конечно, из городов России. Это и письма с просьбой выслать книгу Максима, «Розу мира» Д. Андреева и другую оккультную литературу, и сокровенные исповеди тех, кто только открывает в себе необычные способности, и хотел бы получить разъяснение, консультацию, ощутить локоть друга, почувствовать, что его странные видения, ощущения — это норма, а не отклонение от нее... И сообщения о создании в других регионах обществ и клубов, аналогичных «ЭКО Энроф», нашей екатеринбургской общественной организации «Эниология», Уральской ассоциации йоги...

Очень много вопросов о том, почему задерживается выход книги «Любовь и сердце беспредельности», когда ее можно будет получить. В большинстве писем — настоятельная просьба информировать читателей о делах центра через журнал «Уральский следопыт» — и выраженные искренней признательности журналу за обращение к такой актуальной сегодня теме.

Выполняя просьбы наших читателей, на их вопросы отвечает директор эколого-культурного центра «ЭКО Энроф» Галина Сергеевна ФЕДОРОВА:

— В наше трудное время мы рады сообщить читателям, что «ЭКО Энроф» — наш духовный, издательский центр — жив и продолжает свою деятельность. Наш адрес сменился, сейчас мы арендуем помещение в небольшом деревянном доме, как говорят, без удобств, по ул. Мамина-Сибиряка, 1226 (620026, Екатеринбург). Здесь открыта оккультная библиотека, небольшой магазин «New age», где продаются книги, картины, выполнен-

ные в медитативной технике. Здесь же работает клуб ЮНЕСКО «Дискос» — наш теософский клуб.

В двух небольших комнатах — выставки. Недавно прошла выставка рисунков-голограмм экстрасенса международной категории Эдуарда Лосева. Эти работы оказывают целительное воздействие на различные системы организма человека. Хотелось бы издать альбом работ этого художника «Рисунки-лекарь», однако наш центр нуждается в помощи «богатых домов» — тех, кто, разместив у нас свою рекламу, помог бы и нам, и многим больным людям.

Лежат у нас в редакционном портфеле и другие рукописи и работы контактеров, экстрасенсов, писателей-фантастов.

Наша мечта — создать в Екатеринбурге музей, или, скромнее, галерею медитативной живописи. Требуется помощники и энтузиасты.

Совместно с общественной организацией «Эниология», Уральской ассоциацией йоги мы планируем в начале 1993 года провести конференцию духовных центров, организаций, клубов — для объединения наших усилий.

Тематика конференции: экология души человека и духовная культура, человек и Космос, оздоровительные методики. Приглашаем желающих из других городов. Телефон для связи: 25-38-71 (8-343-2).

В последнее время в печати появляются интервью с инопланетянами, письма-обращения к людям Земли, от которых холодеет сердце. Угрозы, угрозы, угрозы... Но страх — это оружие врага рода человеческого. Оружие Бога — любовь. Мы обращаемся ко всем: совместная реальная работа в защиту Земли и природы, по стабилизации нашего общества дают нам шанс выжить. И мы должны использовать этот шанс, объединить светлые силы, то что Д. Андреев называл церковью Розы мира. Потому книга Д. Максима «Любовь и сердце беспредельности» приобретает особое значение. Это гимн любви — и курсы по преобразованию злых энергий, их нейтрализации. Книгу эту, хоть и с задержкой, мы выпустили. К сожалению, стоимость ее выросла, в связи с удорожанием типографских работ, цен на бумагу — до 250 рублей. Увеличение почтовых расходов также отразится на размерах наложенного платежа. Все присланные в центр «ЭКО Энроф» заявки на книгу Максима и другую оккультную литературу будут выполнены.

Мы подызуем случаем приветствовать через журнал всех искателей Истины и пожелать всем Радости и Света.

## МИР НА ЛАДОНИ

### Алмазы в метеоритах

Как сообщают ученые Чикагского университета, микроскопические частицы алмазов, которые по возрасту оказались старше Солнечной системы и самого Солнца, были обнаружены на некоторых метеоритах. Правда, найденные алмазы настолько малы, что на булавочной головке их уместятся триллионы. По мнению чикагского физика Роя Льюиса, они образовались в атмосфере какой-то удаленной звезды и были выброшены в космос, когда позднее звезда взорвалась.

Е. СОЛДАТКИН

### Древний компьютер

Таинственный предмет, найденный в море вблизи греческого острова Антикитера, является... античным «компьютером». К такому выводу пришел английский археолог Дерек Прайс после того, как изучая этот предмет в течение нескольких лет. Загадочный предмет состоит из 32 зубчатых колес, вращающихся с разными скоростями. На лицевой стороне выгравирована инструкция по обращению с прибором, а также знаки Зодиака. Считают, что с помощью этого механизма астрономы Древней Греции могли вычислить элементы движения Солнца относительно созвездий, фазы Луны и получить другие сведения. Поражает точность исполнения прибора. Так, зубчатые колеса имеют отклонение не более 0,1 миллиметра. Специалисты полагают, что древний «компьютер», хранящийся сейчас в Национальном археологическом музее в Афинах, был изготовлен в I веке до н. э.

В. РОЩАХОВСКИЙ

### Гавайские кенгуру

В 1916 году из гонолульского зоопарка сбежала пара австралийских кенгуру. Так возникла местная популяция этих симпатичных животных, которые прекрасно приспособились к гавайским условиям. С тех пор на свет появилось уже несколько десятков поколений кенгуру, которые меньше своих австралийских собратьев. К тому же, у гавайских кенгуру более светлая шерсть, а питаются они, как оказалось, растениями, которые раньше считались для них ядовитыми. Исследования показали, что в пищеварительных органах гавайских сумчатых имеется особое вещество, которое позволяет им кормиться «несъедобными» растениями.

Б. ПИНАЕВ



## Чем пахнет Рембрандт

Новый метод обеспечения безопасности предметов искусства и других ценностей предложили и опробовали две французки: в случае похищения объект разыскивается по пахучей метке. Клодин Массон и Мари-Флоранс Таль утверждают, что по такой метке, незаметной для человека, полицейские собаки смогут разыскивать картины, скульптуры и драгоценности хоть на краю света. Пахучую метку следует обновлять через несколько месяцев или лет, а характеристики ее хранятся вместе со сведениями о соответствующем произведении искусства в специальном банке данных.

**Б. ПИНАЕВ**

## Тараканам — бой!

Кто не знаком с тараканами? Они встречались на Земле миллионы лет назад и сегодня досаждают многим людям. Все знают, как трудно от них избавиться. Чего только для этого не придумывают! Жительница города Эскатавля (штат Миссисипи, США) Лаура Макиннис, например, с успехом использовала в борьбе с надоевшими ей тараканами... богомолов. Вернее сказать, богомола. Да, он был один, но зато какой! Залетевшее в окно ее дома насекомое за неделю расправилось со всеми тараканами, за что и было награждено присвоением ему собственного имени. Победителя тараканов назвали Мэнди Пэнди. Госпожа Макиннис рекомендует бороться с противными насекомыми только с помощью богомолов. Остается решить лишь один вопрос: где взять богомола, когда он понадобится?

**Е. СОЛДАТКИН**

## Заслуга Декарта

Мы не знаем, как нумеровали места в античных театрах Эллады и Древнего Рима, но вот в средние века было принято нумеровать только места без указания ряда. Например, если в первом ряду было 20 мест, то второй начинался с 21-го. При расположении стульев амфитеатром такая нумерация была очень неудобна и требовала много времени и терпения как от зрителей, так и от распорядителей. Это продолжалось до тех пор, пока известный французский ученый Рене Декарт (1596—1650 гг.) не предложил ввести для билетов двойную нумерацию: указывать порядковые номера рядов и мест в них. Это изобретение так понравилось всем, что король Франции Луи III удостоил Декарта титулом Великого координатора. Хотя нам Декарт более известен по его трудам в геометрии, в частности, системой декартовых координат.

**В. РОЩАХОВСКИЙ**

## НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

Охотники-промысловики, чьи участки расположены в глухой тайге по реке Тумнину, озадачены: кто-то регулярно грабит их таежные избушки, уносит съестные припасы. Сначала думали, что это шkodят бичи — так на Дальнем Востоке называют людей без определенных занятий, без постоянного жилья, бродяг. Однако бичи — народ, как правило, жидкий, невыносливый — больше стараются держаться вблизи людского жилья, и что-то не похоже, чтобы они забирались в глушь.

Все прояснилось, когда один из охотников увидел в тайге неизвестное существо. Сначала даже глазам не поверил: под три метра ростом, похож на гориллу, глаза светятся странным светом... Существо издало рык и пошло в сторону человека; того — как ветром сдуло; как добежал до своего зимовья — и не помнит.

Находят в тайге и останки животных. Как правило, это лоси, хребет которых словно разрублен кем-то пополам. Ни одно животное не обладает таким ударом. Но ведь кто-то же охотится таким образом на лосей...

Житель пос. Ванино З. Зяньковецкий увидел-таки необычного гостя, и не где-нибудь в тайге, а на своем садово-огородном участке. Вот что он рассказывает: «Однажды я пришел на дачу и увидел, что наша собака Пальма лежит посреди участка, разодранная пополам — как будто кто-то взял ее за задние лапы и разорвал на две части до самой шеи. Другая собака, Барсик, забилась между досками и не подавала никаких признаков своего присутствия. Морковка на грядках была вырвана, частью разбросана, остальное унесено. Увидел я и странные следы. Ну и лапищи!.. Уже было холодно, а след явно от босой ноги. Длина ступни — 44—45 сантиметров... Друзья настаивали, чтобы пригласить каких-нибудь следопытов, но я подумал, что это розыгрыш огородных ворюшек. Лучше уж было молчать, а то потом еще осмеют...

Все это, может, и было бы забавно, если бы на следующий год летом на выходные дни мы не остались с женой, дочкой и сыном на даче. Примерно в два часа ночи нас разбудил душераздирающий, протяжный, с каким-то всхлипыванием вопль. Этот вопль был так ужасен, что у меня, видавшего виды мужика, волосы встали дыбом... В конце концов я оделся, взял в руки хороший дрын и решил проучить тех, кто лишил нас сна. Я не робкого десятка, но то, что я увидел, повергло меня в страх. Рядом с нашим участком сосед сложил кучу пней и хвороста, получилась гора в три-четыре метра высотой. Рядом с этой горой стояло...

**Николай СЕМЧЕНКО**

## КЕЛЕ — ЧУДОВИЩЕ, ДУХ, ЧЕЛОВЕК?..

чудище! Плечи и голова были выше дровяной кучи, а глаза!.. Я до сих пор вскакиваю по ночам, когда вижу во сне эту ужасную картину: огромное волосатое существо с горящими, как свечи, глазами и фосфорно-белым оскалом рта. От страха я весь одеревенел и не помню даже, как попал в домик. На следующий день жена отвела меня к врачу — я потерял дар речи, лечился долго...»

Может быть, у страха, как говорится, глаза велики, и Зяньковецкий просто преувеличивает? Но есть и другие очевидцы, которые утверждают: странное существо в самом деле бродит по тайге. За одним охотником из села Датта оно гналось по пятам. Видели его еще трое промысловиков, причем таежный великан, видимо, тоже хотел с ними «познакомиться». Один из таежников выстрелил, но незнакомца это не остановило — он продолжал идти в сторону людей. Им удалось скрыться и держать оборону в охотничьей избушке. Дальше происходит загадочные вещи: тот охотник, который стрелял, умер через две недели, другой — через год, а третий до сих пор болеет. Видимо, это последствия нервного стресса, хотя молва и приписывает «тумнинскому чудовищу» магическое свойство наносить смертельный удар взглядом.

Орочи, представители небольшого народа, живущего в Приамурье, а также нанайцы называют это существо «келе» — чёрт, злой дух. Им пугают малышей, когда те проказничают. Старики-орочи знают о «келе» много старинных преданий и верят, что чудище существует на самом деле. С ним, по народным поверьям, лучше не встречаться, а если встретишься — бросай всё, что у тебя есть, и уходи: «келе» займется дарами и не побежит за тобой. В сказках и легендах Приамурья злой дух из тайги похищал самых красивых девушек, женился на них. Как уверяют старики, у «таежных чертей» были и свои стойбища, где они жили в шалашах или пещерах.

Сказка — ложь, да в ней намек?.. Может, то, что видят ныне охотники и прочий таежный люд, как раз и есть тот самый «келе»?

# ГОРАДИЕВЫ УЗЛЫ

**Вениамин  
Голдобин**

Умение вязать узлы необходимо всем людям. Дети дошкольного возраста уже умеют завязывать шарф и шнурки на ботинках. Туристам, альпинистам и рыбакам приходится иметь дело с десятком и более надежных узлов, а такелажникам и яхтсменам — и того больше. У моряков свои узлы: шкотовый, «удавка», шлюпочный, «кошачьи лапки», «рыбацкий штык», рифовый и т. д. В быту необходимо знать, как завязать пять-шесть узлов.

Знание сотен узлов и изобретение новых, еще более надежных — это уже удел узлоvedов. Да, есть такие специалисты.

Я — механик по образованию и всю свою трудовую жизнь занимался этой специальностью. Но когда вышел на пенсию, — стал инструктором самостоятельного туризма. Вот тут-то мне и пришлось изучить все известные узлы.

В настоящее время чаще всего приходится вязать узлы на лесках, тросах и веревках из синтетических материалов. Они более скользкие, чем те, которые сделаны из натуральных растительных волокон, поэтому многие узлы становятся ненадежными.

Лев Николаевич Скрыгин в своей книге «Морские узлы» полностью развенчал прямой узел, который рекомендуется всеми без исключения отечественными руководствами и пособиями для связывания концов веревки и тросов. Еще он посетовал в этой книге на то, что в настоящее время изобрести новый узел — дело почти невероятное. Судите сами, если за пять тысячелетий человек их придумал не более 500...

Меня это подзадорило, и я решил заняться изобретением новых, надежных узлов, в расчете главным образом на современные материалы. Экзаменатором надежности избрал тонкую капроновую лесу.

## Узлы для связывания лес-тросов

«ТРАНСФОРМАТОР» (рис. 1). Свое название он оправдывает тем, что может принимать в конечном результате три вида соединения, в зависимости от того, за какие концы затянуть сформированный узел. Узел, затянутый за коренные концы, принимает классическую форму (рис. 2), предельно компактную, где размер узла в поперечном состоянии не больше трех диаметров веревки. После снятия нагрузки его легко развязать — стоит только откинуть крайнюю петлю на коренной конец веревки и высвободить ходовой.

Если же сформированный узел затянуть за ходовые концы, то получится известный **ЛИАНОВЫЙ** узел (рис. 3), где названия концов взаимно меняются. Он тоже надежен, но не столь компактен. А теперь стоит только попеременно подергать за коренные и ходовые концы, — возникнет оригинальный **КВАДРАТНЫЙ** узел, доселе не известный человечеству. Он надежен, но раздается с трудом (рис. 4). На это изобретение есть авторское свидетельство под номером 1434011.

Этим же авторским свидетельством защищен узел «СУПЕРТРАНСФОРМАТОР» (рис. 5). Вяжется он так же, как и первый, но только вместо двух обносов ходового конца делается три обноса вокруг второй веревки. Полу-

чается узел сверхнадежный, он компактен и легко развязывается.

Узел «**ГОЛДОБИН**» (рис. 6) подобен первому: надежный, компактный и легко развязывается. Затягивать его можно за ходовые и коренные концы.

Узел «**КУНГУРСКИЙ**» (рис. 7) — для связывания концов веревки в условиях плохой видимости и слепыми людьми. Он прост в вязке, надежен, предельно симметричен, компактен и легко раздается. Затягивается за те и другие концы.

## Стопорные узлы

Само название говорит, для чего предназначены эти узлы — задержать, застопорить лесу или веревку в отверстии. Чем узел больше — тем надежнее стопорение. Поиски наибольшего узла-стопора породили более дюжины разнообразных узловых вариантов, таких, как «восьмерка», стивидорный, юферсный, кровавый, королевский, трехпетельный, устричный, кордовый и другие. Однако изюминка таилась в самом простом, обычном узле.

Уместно будет привести изречение швейцарского философа Эльберта Хуббарда: «Великие умы ищут в обычном необычное». Простой или обычный узел состоит из одной петли и одного шлага, пробитого ходовым концом в эту петлю. Вот в этом и открыта закономерность: равенство петель и шлагов. Если нужно еще увеличить размер узла, достаточно накинуть две петли одна на другую и в них провести два шлага ходовым концом, укладывая их плотно виток к витку. Затем обтянуть петли, начиная с последней. Три петли и три шлага увеличат размер узла еще больше. Диаметр узла можно определить по формуле:  $D = d(n+2)$ , где  $D$  — диаметр узла,  $d$  — диаметр веревки,  $n$  — число петель.

Это и есть **СТОПОРНЫЙ** узел Голдобина (рис. 8), на который получено авторское свидетельство № 1434012.

**АМФОРНЫЙ** узел. В быту бывает нужно перенести стеклянные банки, особенно двух- и трехлитровые. В считанные секунды их можно снабдить удобными ручками. Для этого подойдет шнур не толще 3—4 мм и длиной 1,3 м. Концы следует связать и сформировать узел по рис. 9 (авторское свидетельство № 1647055). Одеть его на горловину банки, выровнять длину ручек и крепко затянуть узел за них. Второй вариант формирования амфорного узла показан на рис. 10.

## Затягивающиеся узлы

Для надежного соединения веревки с предметом применяются узлы под названием «**КОНСТРИКТОР**» — название удава по латыни. На рис. 11 показано формирование констриктора в две петли. **ДВОЙНОЙ КОНСТРИКТОР**, в три обхватывающие предмет петли, еще надежнее (рис. 12). Однако самый сильный узел будет «**СУПЕРКОНСТРИКТОР**» — в четыре обхватывающие предмет петли (рис. 13). На все эти узлы тоже есть авторские свидетельства.

Следует предупредить читателей, что узлы эти так сильно затягиваются, что развязать их бывает очень трудно, особенно последний. Его можно сравнить с гордиевым узлом — впрочем не пришлось бы рубить...

Узел «**ПОВОДКОВЫЙ**», на основе «констриктора» (рис. 14), тоже имеет авторское свидетельство. Бывает необходимость рыболову на основной лесе привязать поводок. Достаточно сформировать на лесе «констриктор» по рис. 11 и в отверстие его продеть дважды ходовой конец поводка. Затяжку производить за концы леси и поводка попеременно. При этом поводок располагается под прямым углом к основной лесе, что очень важно.

Потренируйтесь в завязывании этих новых узлов. Когда бы и где, какая бы ни была жизненная ситуация — вы убедитесь, что это умение вам пригодится.

*Рисунки автора*

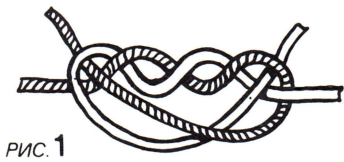


РИС. 1



РИС. 2

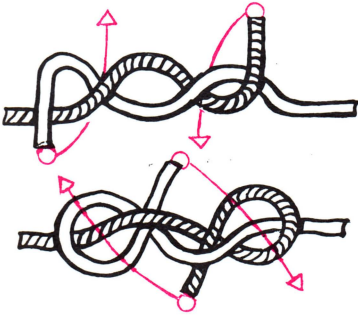


РИС. 6

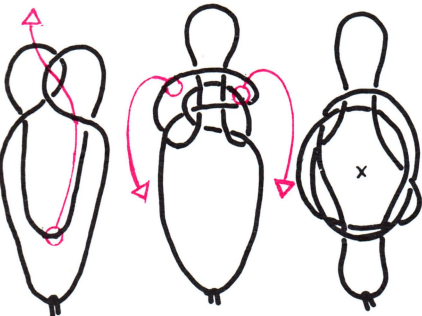


РИС. 9

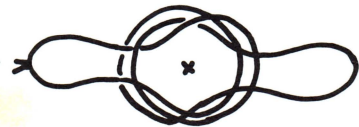
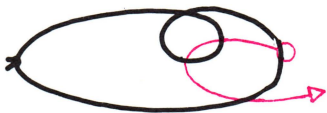


РИС. 10

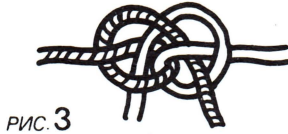


РИС. 3



РИС. 4

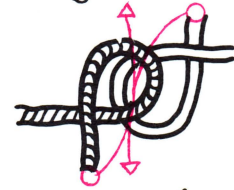
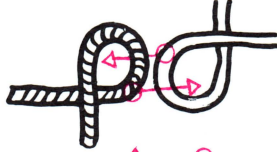


РИС. 7

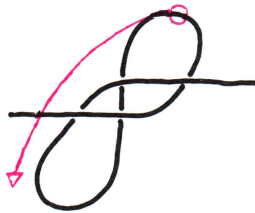


РИС. 11

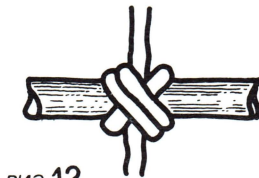
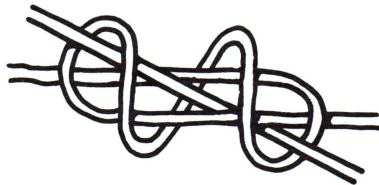
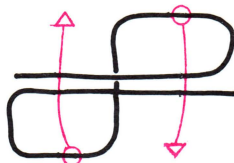


РИС. 12



РИС. 5

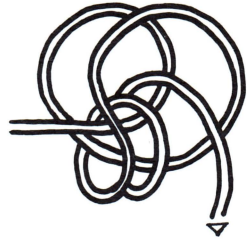


РИС. 8

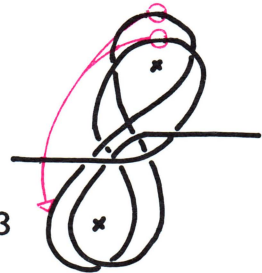
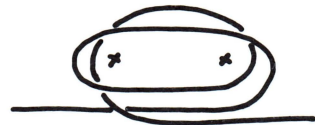


РИС. 13

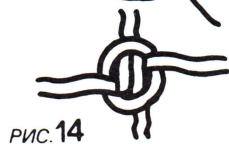
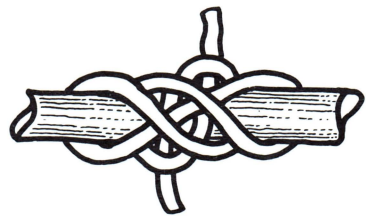


РИС. 14

апр 80

